

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческият журнал № 9 (24)
септември, 2018

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вы держите в руках сентябрьский номер литературно-исторического журнала «Александръ». В августе праздновало дату своего создания одно из старейших муниципальных образований Тамбовской области – Токарёвский район.

Образованный 90 лет назад в советской глубинке, Токарёвский район является ярким примером того, что эта самая, теперь уже «российская», глубинка является основой и той точкой опоры, на которой держится Россия, сохраняя древние традиции и духовность.

Токарёвская земля является малой родиной девяти героев Советского Союза, пяти членов Союза писателей, тысяч замечательных творческих людей. На страницах «Александра» мы постарались открыть перед вами, дорогие наши читатели, историю и литературное творчество людей с отдельной маленькой части великой нашей Родины – России.

На страницах журнала наравне с признанными классиками, уроженцами Токарёвского района Н. Виртой, А. Акулининым, П. Сажиним, представлены произведения малоизвестных широкой публике литераторов. Наш долг – донести до читателей их творческий потенциал и раскрыть новые таланты, которыми так богата наша земля.

Уважаемые токарёвцы!

От всего сердца желаю нашему любимому району дальнейшего процветания, а вам – счастья и благополучия! Крепкого здоровья, успехов и плодотворной созидательной работы на общее благо! Пусть в каждом доме всегда царят мир, доброта и любовь. С праздником!

Директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА

ДОРОГИЕ ЗЕМЛЯКИ, ЖИТЕЛИ ТОКАРЁВСКОГО РАЙОНА!

В текущем году Токарёвский район отмечает славную дату – 90 лет со дня образования. Это большой праздник для всех, кто связал свою судьбу с нашим районом, живёт его настоящим и будущим, стремится сделать его лучше, отдаёт ему частичку своего сердца, тепло своей души.

За 90 лет токарёвцами пройден большой, трудный и славный путь. Наши деды и прадеды организовывали колхозы, обустроивали деревни и сёла. Ежедневным трудом многих поколений сельских тружеников создано крепкое сельскохозяйственное производство. А когда стране грозила беда, токарёвцы с оружием в руках вставали на защиту Родины.

Золотыми буквами вписаны в историю района имена дважды Героя Советского Союза Алексея Константиновича Рязанова и ещё восьми Героев Советского Союза и Социалистического Труда. В память об их подвиге, а также о подвиге всех не вернувшихся с полей сражений к 65-летию Великой Победы в районном центре воздвигнут величественный мемориальный комплекс с поминальной часовней. Строятся мемориалы по всему району.

На протяжении всех этих десятилетий историю района творите вы, дорогие земляки, – трудолюбивые, добрые и талантливые люди. Вместе с вами низко кланяюсь нашим ветеранам и выражаю глубокое уважение всем, с кем мы сегодня сообща работаем на благо нашего района.

Успехи и трудовые достижения многих из вас отмечены высокими государственными и региональными наградами, а также званием «Почётный гражданин района».

Среди наших земляков немало известных людей, тех, кто прославил наш район далеко за его пределами. Это знаменитые писатели и поэты: Николай Вирта, Пётр Сажин, Александр Акулинин, Майя Румянцева, военнослужащие, государственные деятели, учёные.

Каждый прожитый районом год – это шаг вперёд в его развитии. Развивается сельское хозяйство, строятся новые производственные и социальные объекты, благоустраиваются населённые пункты. Сегодняшний 90-летний юбилей мы встречаем с новыми планами и надеждами. На территории района построено крупное предприятие – Токарёвская птицефабрика, которая открывает новую страницу его социально-экономического развития.

Дорогие жители района! Поздравляя вас с этим замечательным юбилеем, от всей души желаю крепкого здоровья, мира, благополучия, счастья и добра каждому дому, каждой семье. Уверен, что благодаря совместному труду наш любимый Токарёвский район и дальше будет развиваться и процветать!

Виктор АЙДАРОВ,
глава администрации Токарёвского района Тамбовской области

Данный журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

шеф-редактор А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 9 (24), сентябрь 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.09.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ

- 6** Валентина Черемисина.
Токарёвский район Тамбовской области

СЛАВНЫЕ ИМЕНА

- 21** Валентина Дорожкина.
Всегда живой Шурка-поводырь

ПРОЗА

- 26** Александр Акулинин.
Вечерние письма
- 28** Куда-то хотелось лететь

МАЛАЯ РОДИНА

- 31** Дина Бабайцева.
Поэтический клуб «Рифма»

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 34** Дина Бабайцева
- 35** Марина Быкова
- 37** Алевтина Василенко
- 38** Анна Мамонтова
- 39** Вера Сизова
- 40** Ираида Ушакова
- 42** Валентина Хрипякова

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

- 43** Валентина Тихонова.
Как это было...

РОМАН

- 47** Николай Вирта.
Вечерний звон (глава из романа)

ЭТО ЛЮБОПЫТНО

- 53** Михаил Лезинский.
Севастопольская хроника

КРЫМСКИЕ РАССКАЗЫ

- 56** Пётр Сажин.
Возвращение на Итаку

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 72** Владимир Сашин.
Свеча погасла

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 75** Фёдор Григорьев. Главный
писатель Борисоглебска

СВЯТЫЕ МЕСТА

- 78** Анатолий Труба.
В окружении ив

ЗАПОВЕДНОЕ

- 80** Игорь Мартынов.
Алексей Гордеевич Селиванов –
казацья слава из Тамбовщины

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 83** Юрий Поляков.
Историческая идеология

ДЕБЮТ В ЖУРНАЛЕ

- 87** Людмила Ландышева
- 88** Александр Бойко
- 89** Николай Булгаков
- 90** Александр Бабайцев
- 91** Владимир Абросимов

НАГРАДА

- 93** Есть такая профессия –
Родину прославлять

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- 94** Шаги «Александра»

Валентина ЧЕРЕМИСИНА

Токарёвский район был образован в июле 1928 года. Однако его история началась значительно раньше: во второй половине XVIII – первой половине XIX века, когда наши предки начали интенсивно заселять территорию в верховьях рек Битюг, Бурначка, Токай и Большой Эртиль.

Плодородные земли привлекали сюда поселенцев. В 1805 году при реке Эртиль появился новый населённый пункт – Токарёвка. Его основали несколько семей, которые пришли из сёл Шилово, Митрополье, Чернавка (Бондарский и Кирсановский районы).

Впервые Токарёвка упомянута в документах ревизской сказки 1811 года: «Деревня Токарёвка, Наумовка тож», переселенцы – экономические крестьяне, жили в 42 домах (148 человек мужского пола).

Справка

Токарёвский район расположен в южной части Тамбовской области, в 110 километрах от Тамбова, 180 – от Воронежа и 567 – от Москвы. Его территория составляет 1434 квадратных километра. Граничит со Знаменским, Сямпурским, Мордовским и Жердевским районами Тамбовской области, а также с Воронежской областью (Эртильский район).

Сегодня в состав муниципального образования входит поселковый округ, 9 сельсоветов и 75 населённых пунктов, в которых проживает 15,6 тысячи человек.

В списках населённых мест Российской империи, составленных и издаваемых центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, в 1866 году значится деревня Токарёвка (Митрополье). Здесь числился уже 691 человек в 90 домах.

С открытием в Токарёвке в 1868 году станции Елецкого отделения Юго-Восточной железной дороги она постепенно обретает значение торгового и транспортного центра. После постройки церкви в 1879 году деревня стала селом. К этому времени она значительно выросла.

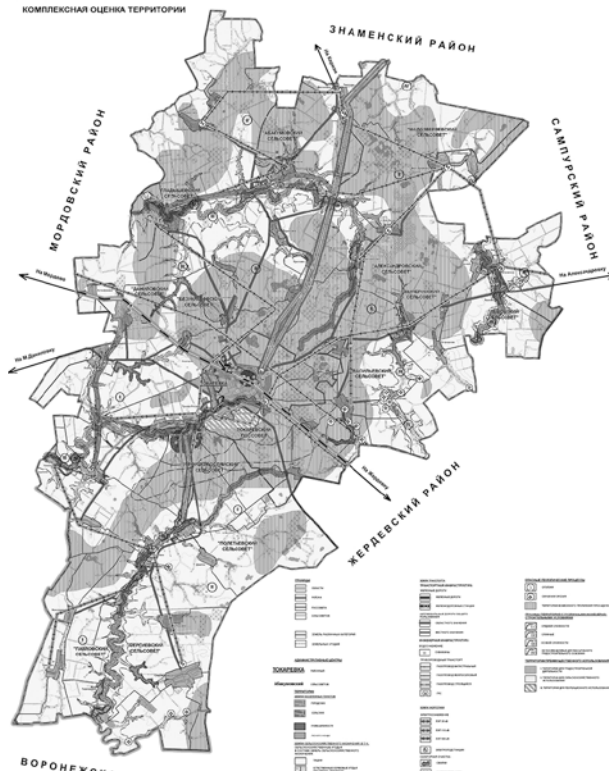
В начале XX века токарёвские земли административно были представлены Абакумовской, Большелозовской, Васильевской, Кочетовской, Львовской, Остроуховской, Пичаевской и другими волостями в составе Тамбовского уезда Тамбовской губернии.

В 1928 году в ходе административно-территориальной реформы деление страны на губернии, уезды и волости было упразднено и введены новые административные единицы – области, округа и районы.

В это время образуется Токарёвский район с центром в селе Токарёвка. В его состав вошли территории отдельных упразднённых волостей: Абакумовской, Кочетовской, Львовской, Токарёвской, Фёдоровской (без Малозверьяевского сельсовета), Остроуховский сельсовет Пановокустовской волости, а также Девяткинский, Калиновский, Карловский, Кулешовский, Павловский и Сергиевский сельсоветы Пичаевской волости.

СХЕМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ТОКАРЁВСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА
ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ТЕРРИТОРИИ

Район был отнесён к Борисоглебскому округу, который, как и Козловский, и Тамбовский округа, вошёл в состав образовавшейся в мае 1928 года Центрально-Чернозёмной области, созданной на базе Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний.

В 1930 году население района составляло 80 729 человек. По количеству жителей он относился к числу самых населённых (к примеру, население соседнего Мордовского района в то время было около 50 тысяч человек). Токарёвский район был в составе Центрально-Чернозёмной области до 1934 года.

В июле 1930 года округа были ликвидированы, а ЦЧО 13 июня 1934 года была упразднена, разделена на две области: Воронежскую и Курскую.

Токарёвский район в числе 89 районов вошёл в состав Воронежской области. 27 сентября 1937 года, когда ЦИК СССР принял Постановление о разделении Воронежской области на Тамбовскую и Воронежскую, Токарёвский район продолжал относиться к Воронежской области. И только с 4 февраля 1939 года, после принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР о разделении Тамбовской области на Пензенскую и Тамбовскую, Токарёвский район вошёл в состав Тамбовской области в числе 43 районов.

Но территория района не оставалась неизменной. В 1935 году из его состава был выделен Полетаевский район, который славился своей конной ярмаркой. Покупать лошадей приезжали представители кавалерийских частей и армий с Кавказа, Дона, из Турции, Австро-Венгрии и Германии. Как самостоятельная единица Полетаевский район существовал до 1958 года. После упразднения его территория вновь была передана Токарёвскому району.

В 1963 году в результате проходящей в стране кампании по укрупнению сельских районов Токарёвский район был упразднён, и его земли частично отошли к Жердевскому и Мордовскому районам. Но уже через два года, в 1965 году, он снова был восстановлен. В 1968 году селу Токарёвка был присвоен статус рабочего посёлка.

В судьбе нашего района, как в судьбах десятков тысяч других больших и малых сельских районов нашей страны, отразилась многогранная и непростая история нашего Отечества XX века.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Трудными были первые шаги становления района. Это было время, в котором мы видим отголоски непростых событий, от крестьянских восстаний 1917 и 1920–1921 годов, НЭПа, создания первых товариществ по совместной обработке земли, массовой коллективизации и до утверждения колхозного строя. Строительство новой жизни в условиях перехода от общинного и единоличного труда к коллективному сопровождалось трудностями и перегибами, приводившими нередко к ломке человеческих судеб, личным и семейным драмам.

В 1928 году на территории района, как и по всей стране, бурно развивается кооперативное движение. Но ещё до этого, в 1919 году, в деревне Розановке была создана артель по совместной обработке земли.

В 1926 году в селе Остроухово образован «Союз земельного объединения». В Б. Лазовке существовало Кредитное товарищество, в Абакумовке, Берёзовке, Васильевке, Полетаеве и некоторых других сёлах и деревнях – товарищества по обработке земли.

В 1929 году в Фёдоровке было организовано несколько «Совместных союзов крестьян». Эти объединения стали предтечей образования колхозов.

Первый колхоз был образован в 1929 году в деревне Рассвет (Старые Дворики). Это был колхоз имени К. Маркса. Очень быстро колхозное движение охватило все населённые пункты района. Почти сразу же крупные колхозы стали делиться на более мелкие. В 1940 году на территории района было 116 колхозов, и 40 колхозов – на землях, отошедших к Полетаевскому району.

Большим достижением для крестьян стало появление на полях района сельскохозяйственной техники, которая приобреталась на предоставленные государством кредиты. Это были импортные трактора «Фордзон», «Интер» и отечественные – ХТЗ, СТЗ, «Универсал». В 1934 году в д. Девятка был создан первый женский тракторный отряд. Перед войной в районе насчитывалось 115 тракторов и 37 комбайнов.

В памяти наших земляков сохранились имена первых руководителей, колхозников и трактористов, многие из которых добросовестно и честно трудились, стремясь к светлому будущему.

К великому сожалению, была во всех этих процессах и трагическая сторона. Во многих семьях до сих пор сохраняются воспоминания о раскулаченных, репрессированных и безвинно пострадавших родственниках. И это также было характерной приметой этого периода. По далеко не полным данным, общее число репрессированных – крестьян, священнослужителей, руководителей новых хозяйств – по Токарёвскому району составило более 160 человек. Это тоже часть нашей истории, которую нельзя забывать.

ТОКАРЁВСКИЙ РАЙОН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Большим испытанием для токарёвцев, как и для всех жителей нашей страны, стала Великая Отечественная война. С первых же дней жители района откликнулись на призыв Родины и встали на её защиту. На фронте и в тылу наши земляки делали всё для того, чтобы освободить родную землю от фашистских захватчиков.

Токарёвский район, как и вся область, играл роль неглубокого тыла. Это значило, что

нужно было быстрее и больше давать фронту людей, военных припасов, продовольствия, обеспечивать перевозки, заботиться о беженцах.

Перестройкой экономики района на военный лад руководили секретари РК ВКП(б) И. М. Ягодкин, Т. С. Зауралец, Г. С. Золотухин, В. И. Карпов.

Вопросами призыва в ряды Красной армии в годы войны управляли военкомы А. С. Тиханов и П. И. Селиванов.

Уже в июле-августе 1941 года в район стали прибывать эвакуированные из Могилёвской, Минской, Полесской, Смоленской областей.

На территории района в период с 1941 по 1945 год дислоцировалось три госпиталя, где лечили раненых бойцов, было открыто три детских дома: в Новой Деревне – для смоленских детей, в сёлах Абакумовка, Львово – для белорусских.

Не покладая рук трудились на полях и фермах женщины, старики и школьники. Не хватало машин, горючего. Пахали на коровах и быках. Жить было очень трудно. В 1942 году на один трудодень выдавалось всего 250 граммов зерна, 180 граммов картофеля, 28 копеек деньгами. Но сами голодные и холодные, труженики тыла снабжали фронт всем необходимым. Более 6 300 пудов хлеба из личных запасов сдали токарёвцы в фонд Красной армии. А

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

**Алексей Константи-
нович РЯЗАНОВ**
(1920 – 1992)

**Павел Васильевич
МИРОНОВ**
(1900 – 1969)

**Василий Михайлович
АСТАФЬЕВ (1919)**

**Пётр Яковлевич
КЛОКОВ**
(1924 – 1989)

ещё были сбор средств на танковую колонну «Тамбовский колхозник» и авиаэскадрилью «Тамбовский комсомолец», посылки на фронт, где самоотверженно громили врага родные и близкие.

За годы войны добровольцами и по призыву в ряды Красной армии вступили 18 667 токаре́вцев. 7 320 из них не вернулось с полей сражений. Наши земляки воевали на всех фронтах Великой Отечественной, прославив подвигами свой край. Более четырёх тысяч из них награждены боевыми орденами и медалями. Восемь человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза и один – звания Героя Социалистического Труда.

Алексей Константинович РЯЗАНОВ – дважды Герой Советского Союза. Родился в 1920 году в селе Большая Кочетовка. Майор, командир эскадрильи 4-го истребитель-

ного авиационного полка. Окончив в 1939 году Борисоглебскую военную школу пилотов, он прошёл всю войну. Совершил 509 боевых вылетов, провёл 97 воздушных боев. Лично сбил 32 самолёта противника и 16 – в группе с товарищами. Отличался непревзойдённым бесстрашием и мужеством. За образцовое выполнение боевых заданий первую медаль «Золотая Звезда» получил 24 августа 1943 года, вторую – 18 августа 1945 года. Тогда же в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР был сооружён бронзовый бюст Рязанова, который установили на родине награждённого – в р.п. Токаре́вка. Завершил службу в звании генерал-майора.

Павел Васильевич МИРОНОВ – уроженец с. Васильевка. Генерал-лейтенант. В начале сентября 1941 года 107-я стрелковая дивизия, которой командовал Миро-

нов, уничтожила под Ельней до пяти немецких полков и вместе с другими частями Красной армии освободила город. Взятие Ельни было первым крупным успехом наших войск, дивизия П. В. Миронова одной из первых стала гвардейской.

Василий Михайлович АСТАФЬЕВ – уроженец д. Воронцовские Отруба. Капитан, заместитель командира сапёрного батальона 89-й гвардейской стрелковой дивизии. Отличился при форсировании Днепра, захвате плацдарма и организации переправы. После окончания войны остался на службе в армии. В 1966 году уволился из рядов Вооружённых сил СССР в звании полковника. Проживает в городе Перми. На протяжении многих лет возглавляет Пермский областной комитет ветеранов.

Пётр Яковлевич КЛОКОВ – уроженец с. Ма-

**Василий Фёдорович
КОЛБЕНЕВ**

**Алексей Михайлович
ПУСТОВАЛОВ
(1916 – 1981)**

**Василий Максимович
СКАТКОВ**

**Григорий Иванович
ТОЛМАЧЁВ
(1909 – 1990)**

лая Ящерка. Сержант. Отличился при захвате важного военного рубежа противника на правом берегу Днепра, обеспечивая возможность успешного продвижения наших подразделений.

Василий Фёдорович КОЛБЕНЕВ – уроженец с. Новоникольское. Старший лейтенант. Возглавляемый им взвод 18-го отделения гвардейского дивизиона ПВО в неравном бою у населённого пункта Делитц в Польше без поддержки стрелковых частей отбил три яростные контратаки превосходящих сил врага, уничтожив при этом более ста гитлеровцев, и сам героически погиб в этой схватке. Звание Героя Советского Союза Василию Фёдоровичу присвоено посмертно.

Алексей Михайлович ПУСТОВАЛОВ – уроженец с. Львово. Младший лейтенант, командир взвода танковой бригады. Отличился в

боях при ликвидации вражеской группировки войск в районе Корсунь-Шевченковский.

Василий Максимович СКАТКОВ – уроженец д. Надеждинка, старший сержант. Отличился при строительстве моста через реку Одер в районе Бреславля. В ледяной воде, под огнём врага работал со своим отделением и обеспечил своевременный пропуск войск и техники. Звание Героя Советского Союза присвоено 10 апреля 1945 года. Погиб в мае 1945 года.

Григорий Иванович ТОЛМАЧЁВ – уроженец с. Колмаковка. Старший сержант, командир сапёрного взвода. Отличился при форсировании реки Тисы в ноябре 1941 года. Построив под огнём переправу из подручных средств, он и его бойцы за трое суток переправили через реку весь личный состав полка, его артиллерию и транспорт.

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

**Василий Фёдорович
ЖУКОВ**

Уроженец с. Остроухово. Будучи на фронте, изобрёл приспособление, способствующее быстрому восстановлению железнодорожных магистралей.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

В послевоенные годы социально-экономическое положение района находилось в кризисном состоянии. Не хватало трудовых ресурсов. Около восьми тысяч токарёвцев не вернулось с полей сражений, много стариков, женщин, детей умерло от голода и непосильного труда. К тому же проходила массовая мобилизация на «трудовой фронт», переселение людей на опустевшие территории страны.

Тяжёлый удар по селу нанесли неурожай и голод 1946–1947 годов. Однако благодаря невиданному энтузиазму и самоотверженному трудолюбию людей к концу 1940-х годов уже удалось выйти по хлебопоставкам на уровень предвоенных лет и даже превысить его.

Район постепенно вставал на ноги. В 1955 году строится крупное перерабатывающее предприятие – Токарёвская птицефабрика, которая впоследствии стала мясокомбинатом. В этом же году образуется первая дорожная организация – сегодняшнее ООО «Дорожно-ремонтное строительное предприятие».

60-80-Е ГОДЫ

60–80-е годы – это период подъёма и развития сельскохозяйственного производства, укрепления продовольственной базы. В каждом колхозе и совхозе были построены административные здания, животноводческие комплексы, свинарники, зернохранилища. Строились также медицинские учреждения, детские сады, школы, клубы, дороги. Активно велось жилищное строительство.

В 1976 году образуется второе дорожное предприятие – нынешнее ООО «ДСПМК «Токарёвская».

В 80-е годы завершается строительство комбината хлебопродуктов, который стал градообразующим предприятием.

С 1968 по 1988 год первым секретарём Токарёвского райкома КПСС был **Константин Николаевич Искеев**.

С 1972 года на протяжении восемнадцати лет исполнительную власть в районе возглавлял **Владимир Алексеевич Переточкин**.

Гордостью района в этот период стали:

Герой Социалистического Труда Александр Сергеевич Куксов, с. Гладышево, механизатор по выращиванию сахарной свёклы;

лауреат Государственной премии СССР Юлия Ивановна Дерябина, р. п. Токарёвка, оператор по откорму свиней совхоза «Токарёвский».

Жизнь района шла своим чередом. Однако и в этот мирный период были суровые дни. Со страхом и волнением следили токарёвцы за ходом военных действий в горячих точках – Афганистане и других странах за пределами нашего Отечества, а также за ликвидацией последствий ядерной аварии на Чернобыльской АЭС. Во всех этих событиях принимали участие и наши молодые ребята. Они с честью выдержали эти испытания, показав себя достойными потомками своих дедов. Навсегда останутся в нашей памяти имена тех, кто погиб в эти годы при исполнении служебного долга. Это:

Николай Александрович Самылин

Самылин Николай Александрович (1941 г. р.) – уроженец с. Петровское Васильевского сельсовета. Майор. Лётчик. Окончил Ейское высшее военное училище лётчиков. Пять лет проходил подготовку в отряде космонавтов. За безупречную службу, смелость и отвагу награждён двумя орденами и восемью медалями. Погиб в горах Афганистана 15 февраля 1983 года. Похоронен на кладбище с. Васильевка;

Чурбакова Ольга Ивановна (1959 г.р.) – уроженка с. Гладышево. Инспектор по делам несовершеннолетних отдела внутренних дел Токарёвского района. Погибла в 1978 году от рук несовершеннолетнего бандита. Ей было всего девятнадцать лет.

90-Е ГОДЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

90-е годы стали переломными не только для нашего района, но и для всей страны. Это годы перестройки

и реформ. Ухудшилось материальное положение людей, месяцами не выплачивалась заработная плата, многие хозяйства и предприятия оказались в трудном экономическом положении. Шли боевые действия в Чечне. Дважды район содрогался от страшной новости о гибели наших земляков. Это:

Сучилин Иван Викторович (1979 г.р.) – уроженец р. п. Токарёвка. Был призван в армию в конце 1997 года, рядовой. Служил в моторизованной колонне, был заместителем командира, оператором БМП. Погиб 1 ноября 1999 года. Его машина подорвалась на фугасах. Посмертно награждён орденом Мужества. Похоронен на кладбище р. п. Токарёвка;

Рудчик Анатолий Иванович (1981 г. р.) – уроженец с. Львово. Был призван в армию в июне 1999 года, младший сержант. 19 января 2001 года героически погиб в бою при отражении атаки боевиков на вокзале железнодорожной станции Ханкала в пригороде Грозного. Похоронен на кладбище с. Львово.

В этот непростой период район возглавил Виктор Николаевич Айдаров. В тесном взаимодействии с руководством области он совместно с руководителями хозяйств и предприятий района начал выстраивать новую социально-экономическую политику, основанную на рыночных отношениях.

Сегодня Токарёвский район по праву входит в число

Ольга Ивановна Чурбакова

Иван Викторович Сучилин

Анатолий Иванович Рудчик

самых стабильно развивающихся сельскохозяйственных районов области. Земледельцами района производится в среднем по 200 тысяч тонн зерна, более 300 тысяч тонн сахарной свёклы, 40 тысяч тонн подсолнечника. За последние годы произошло много позитивных перемен. Событием исторической значимости стала газификация района. Ремонтируются и строятся новые современные здания и со-

оружения. Среди них – храм в честь святого равноапостольного князя Владимира в р.п. Токарёвка, Токарёвская средняя школа № 2 со спортивным залом районного значения, Дом-интернат для пожилых граждан в селе Абакумовка, новые магазины и торговые центры, детские спортивно-игровые площадки.

Главной достопримечательностью района и гордостью токарёвцев является военно-исторический мемориальный комплекс, построенный к 65-летию Великой Победы, а также мемориалы в сёлах Гладышево, Львово, Полетаево, Павловка.

Новой вехой в истории стало строительство на территории района крупнейшего предприятия по производству мяса птицы – ОАО «Токарёвская птицефабрика», где ежегодно будет производиться по 150 тысяч тонн мяса птицы. Уже сегодня деятельность предприятия положительно сказывается на социально-экономическом развитии района. Открываются новые рабочие места, пополняется бюджет.

Главными задачами для муниципалитета являются повышение уровня и качества жизни населения, обеспечение эффективного функционирования социальной сферы, формирование благоприятных условий для развития экономики района.

Сегодня в Токарёвском районе есть все необходимые условия для того, чтобы сделать его ещё более привлекательным и комфортным для проживания.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ

В последнее время уделяется большое внимание вопросам возрождения и укрепления православия. Долгое время в районе была всего одна действующая церковь в селе Калиновка. В 90-е годы был открыт первый храм в р.п. Токарёвка, а в 2016 году возведён новый храм в честь святого равноапостольного князя Владимира. Также построен храм в с. Ивано-Лебедянь, восстановлен храм в с. Воронцовка, частично проведены реставрационные работы в храмах с. Васильевка и Калиновка, завершается строительство храма в с. Павловка Полетаевского сельсовета.

В настоящее время в районе семь храмов и одна часовня в составе мемориального комплекса. Ведутся подготовительные работы к строительству часовни в с. Громушка.

ПОКРОВСКИЙ ХРАМ
(р. п. Токарёвка)

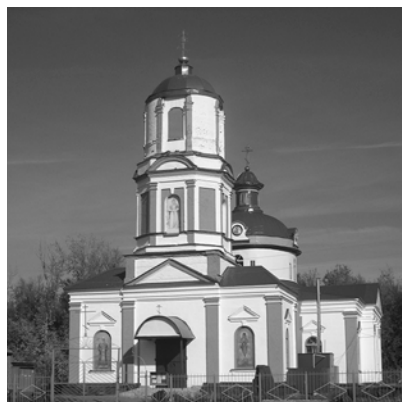
Открыт в 1994 году по благословению епископа Тамбовского и Мичуринского Евгения при поддержке и непосредственном участии главы администрации района В.Н. Ай-

дарова. Имеет один престол, который освящен в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Настоятель – иерей Василий (Самсонов).

**ХРАМ В ЧЕСТЬ СЯТОГО
РАВНОАПОСТОЛЬНОГО
КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА**
(р.п. Токарёвка)

Построен на пожертвования меценатов при непосредственном участии главы администрации района В. Н. Айдарова и уроженцев района В. Н. Лаврентьева и В. В. Аверьянова. Открыт 4 декабря 2015 года, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ
(с. Калиновка)

Каменная церковь строилась прихожанами с 1818 по 1825 год. Имеет три престо-

ла: главный – в честь Покрова Пресвятой Богородицы, придельные – в честь Казанской иконы Божией Матери и святого пророка Божия Илии. Была закрыта в 30-х годах XX века. Вновь передана верующим в 1945 году. На протяжении многих лет была единственной действующей церковью в районе. Настоятель – иерей Михаил (Ковалёв).

КАЗАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
(с. Васильевка)

Каменная церковь построена в 1835 году помещиком Василием Николаевичем Сатиным. Престол освящён в честь Казанской иконы Божией Матери. Официально закрыта по решению властей в начале 30-х годов XX века. Несколько лет назад при поддержке главы администрации района В. Н. Айдарова храм начал восстанавливаться. В нём ведутся богослужения, которые совершает иерей Александр (Пишкин).

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ (с. Абакумовка)

Храм построен в 2005 году по благословению владыки Феодосия на месте прежнего храма, разрушенного в советское время. Инициатором строительства выступил уроженец с. Абакумовка, председатель попечительского совета Фонда «Возрождение православных святынь» В. И. Андреев. При храме также построена воскресная школа. Настоятель – иерей Артемий (Панкратов).

НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ (с. Воронцовка)

Построен в 1866 году на средства некоего Гаврюшенко. Престол в храме имелся один и был освящён в честь

святителя Николая Чудотворца. Закрыт в 1930-е годы.

С 1945 года вновь стал действовать. С 1961 по 1977 год настоятелем храма являлся протоиерей Иоанн Васнев, отец митрополита Тамбовского и Рассказовского Феодосия. При нём в 1966–1967 годах храм был капитально отремонтирован. В 1980-х годах он был вновь закрыт в связи с исчезновением села. В настоящее время трудами владыки Феодосия храм обретает вторую жизнь. Здесь расположен скит Казанского мужского монастыря.

ПОМИНАЛЬНАЯ ЧАСОВНЯ В СОСТАВЕ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА (р. п. Токарёвка)

Поминальная часовня – часть военно-исторического мемориального комплекса, построенного в 2010 году к 65-летию Великой Победы. Построена в целях увекове-

чения памяти обо всех погибших при исполнении своего воинского долга жителях района и ушедших из жизни ветеранах по благословению митрополита Тамбовского и Рассказовского Феодосия. Инициатором строительства, автором архитектурной идеи и непосредственным организатором выступил глава администрации района В. Н. Айдаров.

В часовне размещены иконы Божией Матери «Казанская», Георгия Победоносца и Александра Невского. В центре установлен гранитный крест, под которым заложена священная земля, доставленная с мест великих сражений, а также со всех кладбищ Токарёвского района, где захоронены ветераны Великой Отечественной войны.

ХРАМ В СЕЛЕ ПАВЛОВКА (Полетаевский сельсовет)

Строится по благословению митрополита Тамбовского и Рассказовского Феодосия. Инициатор и организатор строительства – руководитель СХПК «Урожай» Ю. Е. Гугнин.

ПОЧЁТНЫЕ ГРАЖДАНЕ РАЙОНА

Айдаров Виктор Николаевич, глава администрации Токарёвского района, кандидат экономических наук, почётный профессор МичГАУ. Родился в 1951 году. Вся трудовая деятельность связана с районом. Прошёл все ступени профессионального роста от помощника начальника производственного участка до директора совхоза «Токарёвский» и от заведующего сельскохозяйственным отделом Токарёвского РК КПСС, второго секретаря Токарёвского райкома КПСС до руководителя исполнительной власти, которую возглавляет с 1990 года. За свой многолетний труд и большой вклад в социально-экономическое развитие района отмечен многими высокими наградами, в том числе медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени, премией Тамбовской области имени Г. Р. Державина, нагрудными знаками Тамбовской области «За трудовые достижения» и «За заслуги перед Тамбовской областью»,

Почётной грамотой Министерства сельского хозяйства Российской Федерации и Грамотой комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, Почётными грамотами администрации Тамбовской области и областной Думы, а также наградами Русской православной церкви – орденами Святого благоверного князя Даниила Московского 3-й степени и Преподобного Сергия Радонежского 3-й степени, архиерейской грамотой митрополита Тамбовского и Рассказовского Феодосия.

Феодосий, митрополит Тамбовский и Рассказовский (Васнев Сергей Иванович), родился в 1961 году. Детство прошло в с. Воронцовка Токарёвского района, где в Свято-Никольском храме в течение 16 лет служил настоятелем его отец, протоиерей Иоанн. С 2002 года – управляющий Тамбовской и Мичуринской епархией. С конца 2012 года – глава Тамбовской митрополии.

Под его руководством на Тамбовщине идёт активное восстановление и строитель-

ство храмов и монастырей, открываются воскресные школы. В нашем районе по его благословению и при активном участии построен храм в с. Абакумовка, поминальная часовня в составе мемориального комплекса в р. п. Токарёвка, строится часовня-храм при Токарёвском кладбище. Много трудов вкладывает владыка в восстановление Свято-Никольского храма и обустройство скита Казанского мужского монастыря в селе Воронцовка.

Андреев Владимир Иванович, уроженец села Абакумовка Токарёвского района. Всю свою жизнь посвятил созидательной профессии строителя. С 2000 года в течение восьми лет был первым заместителем главы администрации Тамбовской области. Многие годы является председателем Попечительского совета Фонда «Возрождение православных святынь». В настоящее время – президент ООО «Тамбовпромстройхолдинг». Внёс большой вклад в социально-экономическое развитие нашего района. В 2005

году построил храм Покрова Пресвятой Богородицы на своей малой родине, в с. Абакумовка.

Акулинин Александр Михайлович (1938–2010), уроженец села Б. Лозовка Токарёвского района. Писатель, заслуженный работник культуры России. С 1967 года жил в Тамбове. Вёл активную литературную, издательскую, благотворительную работу. На протяжении всей своей жизни не терял связь с малой родиной, неоднократно посещал наш район, участвовал в районных мероприятиях, проводил встречи с молодёжью.

Астафьев Василий Михайлович. Герой Советского Союза. Родился в 1919 году в д. Вороновские Отруба. В годы Великой Отечественной войны служил капитаном, заместителем командира сапёрного батальона 89-й гвардейской стрелковой дивизии. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено 20 декабря 1943 года за мужество, отвагу и героизм, проявленные при

форсировании реки Днепр. После войны остался на службе в армии. В 1966 году уволился из рядов Вооружённых сил СССР в звании полковника. Проживает в городе Перми. На протяжении многих лет возглавлял Пермский областной комитет ветеранов. Не теряет связь с малой родиной. Ведёт активную переписку с руководством района по вопросам патриотического воспитания молодёжи.

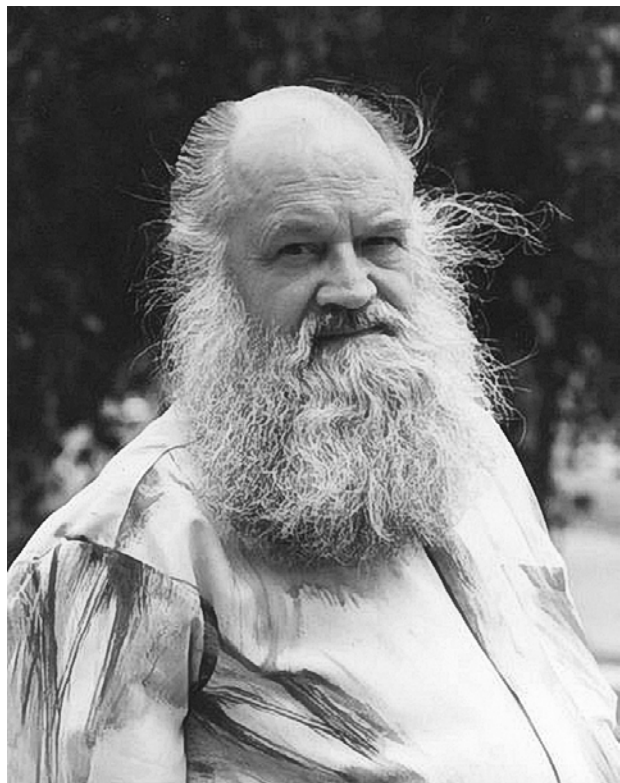

Искеев Константин Николаевич (1927–2009), уроженец р. п. Токарёвка. Работал в районе агрономом, председателем колхоза, возглавлял сельхозотдел газеты «Голос колхозника», занимал руководящие должности в управлении сельского хозяйства. С 1968 года на протяжении двадцати лет был первым секретарём Токарёвского райкома КПСС. После выхода на заслуженный отдых более 15 лет возглавлял районную ветеранскую организацию. Внёс большой вклад в социально-экономическое развитие нашего района. Награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, ме-

далями «За доблестный труд», «Ветеран труда», премией Тамбовской области дважды Героя Советского Союза В.В. Сенько, юбилейными медалями.

Егоров Станислав Петрович. Родился в 1947 году в селе Полетаево. Всю свою профессиональную деятельность посвятил сфере образования. Более 40 лет возглавлял Чичеринскую среднюю общеобразовательную школу. Внёс большой вклад в обучение и воспитание подрастающего поколения. «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель Российской Федерации», неоднократный лауреат всероссийских конкурсов «Директор года». На протяжении многих лет – депутат и заместитель председателя районного Совета народных депутатов.

Бочарова Антонина Абрамовна (1928 г. р.) – уроженка посёлка Отрада нашего района. Работала на ответственных должностях в райисполкоме, учителем физкультуры в школе, председателем поселкового Совета депутатов трудящихся. С момента основания в течение 10 лет возглавляла районный Дом пионеров и школьников. 15 лет работала секретарём исполкома Токарёвского районного Совета депутатов трудящихся. После выхода на заслуженный отдых более 10 лет была председателем избирательной комиссии, секретарём районной ветеранской организации. За плодотворный труд и активную гражданскую позицию отмечена многочисленными грамотами и наградами. **А**

Александр АКУЛИНИН

(1938–2010)

Александр Михайлович Акулинин родился в 1938 году в селе Большая Лозовка Токарёвского района Тамбовской области.

После окончания средней школы трудился в колхозе, работал на стройках Тамбова, Сибири (Новокузнецк).

В 1967 году вернулся в Тамбов. С этого времени А. М. Акулинин – на профессиональной литературной работе. Печататься начал с 1963 года. Автор более 20 книг, изданных в Тамбове, Саранске, Воронеже, Москве. Публиковался в коллективных сборниках, журналах, областных и центральных изданиях.

С 1993 по 2003 год был секретарём правления Союза писателей России, ответственным секретарём Тамбовской областной организации Союза писателей России.

Умер Александр Михайлович Акулинин 30 июня 2010 года.

ВСЕГДА ЖИВОЙ ШУРКА-ПОВОДЫРЬ

К 80-летию со дня рождения
Александра Михайловича Акулинина

С детства Александр Акулинин, по его собственному признанию, мечтал стать писателем: упорно рифмовал слова и строки. Потом попробовал себя в прозе. Начал с небольших заметок в газету «Комсомолец Кузбасса», в которой был внештатным корреспондентом, когда работал в Новокузнецке. В этой газете и появился первый рассказ начинающего литератора.

А родился писатель и издатель Александр Михайлович Акулинин в селе Большая Лозовка Токарёвского района Тамбовской области 26 июня 1938 года. После окончания школы работал в колхозе, на стройках Тамбовщины и Сибири. В 1967 году Александр Акулинин вернулся в Тамбов и полностью посвятил себя творчеству. Первое объёмное произведение писателя – автобиографическая повесть

«Шурка-поводырь». Он посылал рукопись во многие журналы, издательства, но её не печатали. Живя и работая по законам народной мудрости «Терпенье и труд всё перетрут», Акулинин писал, переписывал, бросал и начинал снова. И вот – терпенье и труд вознаграждены: в 1975 году повесть была опубликована в журнале «Волга». Это случилось после того, как Акулинина послали на Всесоюзное совещание молодых писателей, и он попал на семинар к редактору «Волги» Николаю Шундику. Тому повесть понравилась, он напечатал её в своём журнале. А через год она вышла отдельной книгой в Центрально-Чернозёмном издательстве в Воронеже. И в этом же году Александра Акулинина приняли в Союз писателей – по одной книге – редкий случай!

В последующие годы произведения тамбовского прозаика периодически появляются в журнале «Подъём», издаются отдельными книгами в Воронеже и в Москве.

Герои первых произведений Александра Акулинина – преимущественно дети. Но читать его книги интересно и взрослым. Интересно и полезно. Становление характера подростка – вот основная тема прозаика. Беря начало в повести «Шурка-поводырь», эта тема приобретает ещё более сильное звучание в дальнейшем творчестве писателя.

Повесть «Горька идёт за отцом» (в некоторых изданиях – «Горька ищет отца») – взволнованный рассказ о мальчике, ждущем с фронта родителя. Когда же он встречается с пришедшим в село Борщёвку солдатом, лицо которого было обезображено ожогами, то и мысли не допускает, что его отец может прийти таким же. Вернувшейся из больницы матери соседки рассказали, что заходивший солдат – возможно, её муж, не узнавший ни ими, ни Горькой. И мать посылает сына догонять солдата.

Нелёгкок путь мальчика. Не из-за длинной дороги, а из-за мучивших его сомнений. Вначале он решил вовсе не идти, а отсидеться в шалаше за деревней, матери же сказать потом, что не догнал. «Он торопливо принялся за строительство шалаша, но делал это скорее машинально, постоянно оглядываясь. Работа не клеилась. Сено, которое он носил из копён,

не держалось на согнутых аркой ветках, сползало, разбредалось, и из-за этого в шалаше там и сям зияли дыры. И чем больше он наваливал сухой травы, тем заметнее становились просветы. К тому же показалось, что осины зашумели громче, зловеще... Не выдержал Горька, закричал во всю мочь:

– У Гаврюшки Липкина отец весь-весь целёхонький, под бронёй всю войну, у Митьки Пыжика отец и на войне был, да пришёл – любо поглядеть... А мой-то... да что я, хуже всех, что ли? И мамка изведётся до смерти, гляючи на такого...

Он хотел ещё многое прокричать, но слёзы не дали. Он опустил на колени, приткнулся лбом к осине и дал волю плачу...»

Дальнейшие события разрушают Горькины трусливые планы, в его душе пробуждаются вначале просто жалость, потом – долг. Из сорванца, распевавшего на крыше дома частушки, Горька превращается в человека, впервые осознавшего собственное «я». После встречи с дядей Васей и его женой – людьми не просто добрыми в прямом понимании этого слова, но и благородными, способными пробудить своими поступками доброту в окружающих, – подросток задумывается: как-то не так он жил до этого, совсем не то делал. И далеко отступили детские забавы, надо было принимать взрослое решение. Можно было ещё вернуться в родную деревню – путь до неё был бли-

же, чем предстоящий, – но выбрать короткий путь нельзя: в душе мальчика родилась истина, которая отодвигала детство в дальние дали и, кажется, укорачивала предстоящий путь.

Встреча с хорошими людьми пробуждает в душе подростка чувство долга. И это чувство поведёт его дальше по дороге за отцом – по дороге взросления. В одной деревне Горька познакомился с таким же, как он, мальчишкой, отец которого вернулся с войны без обеих ног. Выслушав Горькин рассказ, подросток с какой-то тайной гордостью сказал: «Мы своего батю враз угадали. Да и то, он хоть и коротким стал, но лицом не сменился...»

И не могла не появиться у Горьки мысль, что кто-то и безногому отцу рад, а он и близко не хотел подпускать солдата с ногами, пусть и израненными. И теперь он уже торопится догнать его, жалея об упущенном времени:

«Новый день был, что и вчерашний, пасмурный – в Горькиных же глазах сияло солнце... Ступал по земле, а верилось – по воздуху. До следующего села было километра три. Горька одолел их, поигрывая... От первого же встречного узнал, что отец ночевал здесь и всего час или два назад в путь двинулся, и что идётся ему совсем худо... и что если Горька будет шибко ногами двигать, то непременно в Фёдоровке нагонит. Вот тут-то Горька зло изругал себя: не спешил бы вчера с ночлегом, мог бы на целую ночь раньше с отцом встретиться. Не пришлось бы ему лишние километры топать, попусту бить израненные ноги... Как подумал об отцовских ногах, так мурашки по телу высыпали... Вовремя вспомнилась тачка, увиденная за двором у давешнего деда. Горька не слаб, донесёт отца на тачке...»

И веселее зашагалось мальчику. Как только он увидел еле передвигавшего ноги солдата, у него заколотилось сердце: как же он выйдет ему навстречу, что скажет? «Папанька, куда же ты?» Или: «Батя, пошли домой!»

Но какой же удар пришлось выдержать Горьке, не просто смирившемуся с мыслью, что солдат с обезображенным лицом – его отец, а с нетерпением и волнением ждавшему встречи с ним!

«По ту сторону плетня сгорбленная старуха вместе с молодухой прямо на улице моют горшки. От тёплой воды исходит парок. Не разгибая спин, о чём-то беседуют. Вдруг молодая выпрямилась, уронила горшок.

– Мамань, глянь, глянь, кто идёт!

Горька ещё ничего не понял, только ноги отказывались двинуться с места.

Старуха запустила пальцы в седые волосы и, опрокидывая горшки, бросилась навстречу солдату:

– Васятка, сынок! Дитёнок...

И молодая, и старая безумно тискали солдата, уливая слезами счастья... А за углом, всего в нескольких метрах от них, уткнувшись лицом в старый плетень, плакал конопатый мальчик...»

Нельзя не обратить внимание на то, что на протяжении всего пути подростка характер его меняется не только от встреч с разными людьми, но и от соприкосновения с природой, которая чутко реагирует на его то тёмные, то светлые мысли. Когда он начал строить шалаш, чтобы отсидеться в нём, а не догонять солдата, «осины зашумели громче, зловеще...»; во время ночёвки у дяди Васи на сеновале Горька видит через отверстие в крыше, что ему будто бы «подмигивают звёзды»: к этому времени в его душе что-то уже «сдвинулось» в сторону доброты и жалости; а когда за несколько дней озорной мальчишка превратился в рассудительного, почти взрослого человека, которого и мать родная не узнала бы, не то что соседки, привыкшие к его далеко не безобидным проделкам, то и в пасмурный день для него светит солнце, и кажется ему, что не по пыльной и неровной деревенской дороге шагает он, а летит по воздуху – только бы скорее догнать отца...

Несмотря на грустный для читателей конец повести, а для подростка – трагический, писатель вносит лирическую, обнадеживающую нотку в заключительные фразы. Горьку в пути сопровождала собачка, которую отпустили с ним, чтобы не скучно было, хозяева, приютившие его на ночь. Она скулила и тёрлась у ног плачущего мальчика. «И, видно, от отчаяния собиралась взвыть и уж морду подняла кверху, но увидела над собой среди грязно-се-

рых сплошных туч кусочек чистого голубого неба. Это удивило её и остановило».

Повесть «Горька идёт за отцом» – одно из психологически сильных произведений Александра Акулинина. Она близка нам ещё и тем, что в ней – знакомые названия тамбовских сёл и деревень: Борщёвка, Мухановка, Андреевка, Берёзовка, Большая Фёдоровка. И в каждом населённом пункте – свои обычаи, не похожие друг на друга люди, в большинстве своём готовые прийти на помощь. Эта исконно русская доброта, иногда выражаемая людьми в несколько грубоватой форме, «чтобы не расслабляться», постоянно подчёркивается писателем...

Интересны и познавательны в художественном и историко-краеведческом отношении романы Александра Акулинина «Светла водица» (1989) и «Крепость на Цне» (1989, 1993, 2001).

В романе «Светла водица» действие происходит в тамбовской деревне Калиновке в годы, когда за неосторожно сказанное слово можно было крепко поплатиться, когда особенно непримиримой была борьба с религией. Но и тогда находились бесстрашные люди, которые не молчали, не бездействовали, несмотря на то, что успели уже натерпеться от таких, как партийный деятель Лиховатский, заставлявший многих трепетать от одного своего вида. Запоминается Иван Фомич Глушков, жизнь которого складывалась вначале удачно, но в 1937 году его обвинили во «вредительстве», и он много лет провёл в местах заключения. Однако, вернувшись в Калиновку, встретившую его покосившейся избёнкой и сдержанностью односельчан, Иван Фомич всё же нашёл своё место: работа в школе – очередная жизненная ступенька – возродила его душу.

Вызывает уважение Ефросиния Кузьминична Бесперстова, по прозвищу Фроська Бесстрашная. За своё бесстрашие она и получила сполна: и в тюрьме сидела, и предательство испытала, но не сдалась. А счастье нашла в усыновлённом ребёнке, который вырос настоящим гражданином.

И в этом произведении Александра Акулинина одним из «действующих лиц» является

природа. Она, как мудрый воспитатель, и наказывает, и награждает: неожиданно за деревней пробился родник, который стали называть святым источником. Он – символ добра, света и чистоты. Вроде бы и неоткуда ему было пробиться, засуха стояла, дождей долго не было, а родничок – за терпение людское награда. Однако злые и чёрствые люди замахнулись и на эту святыню: кто-то трактором перепахал и свежесажённые осинки, и участок земли с родничком. Но природу победить не так-то просто: «Родничок бежал так же бойко, одолевал рытвины, торил себе руслице...»

И Геннадий Калинович Бесперстов (отчество ему дали по названию деревни Калиновки) – тот самый, которого усыновила когда-то Фроська Бесстрашная, – удивляется своему спокойствию: увидев то, что сделала чья-то злая рука, он должен был прийти в бешенство, ведь столько сил и времени (а главное – души!) потрачено и на посадку осинки, и на благоустройство всего пространства вокруг родничка! А он спокоен. «Потом он понял – это не спокойствие, это что-то выше и твёрже. Ведь родничок – он не сам по себе, это жизнь... Предстоит борьба, и не будет она лёгкой... Надо биться и биться. Главное, не мельтешить, быть таким же сильным и чистым, как вот этот родник! Сильным и чистым!...»

Автор так описывает встречу человека с природой, с её явлениями, нередко остающимися из-за мирской суеты незамеченными, что читаешь и словно воочию видишь всё, что хочет показать писатель своему читателю: «Мудрая природа иногда от доброты своей преподносит людям назидательный урок. Вдруг среди серости, однообразия, монотонного течения времени и событий она, как бы сделав крутой, необъяснимый поворот, кажет взору необычное по красоте, удивительное по чистоте и целомудрию явление. И неожиданно удивлённый, замрешь в трепетном восторге, возвышенный необычным даром и униженный сознанием того, что не в силах понять до конца это великое чудо... Умытые деревья блистали свежей зеленью увлажнённых листьев, сорные травинки, ещё вчера чахло и тонкостебельно вытягивавшиеся подле колодца, теперь изум-

рудно сверкали в лучах восходящего солнца. И само солнце, удивлённое отмытым до синевы небосводом, взбиралось по нему бережно, как заботливая хозяйка, входящая в празднично убранную горницу...»

Представляя такую картину, для описания которой автор находит не обычные слова, а поэтические, идущие из самого сердца, с гордостью думаешь: «А ведь это наша, тамбовская природа!» И может, кто-то после прочтения романа, таких его запоминающихся страниц, по-иному посмотрит вокруг себя и увидит ту красоту и чистоту природы, которая облагораживает и возвышает.

Как афоризм, запоминаются слова героя романа «Светла водица» и его автора: «Поэтому, сколько хорошего и полезного сотворим мы для здешних мест, можно определить, насколько мы способны для дел больших...»

Заметным явлением в истории литературы Тамбовского края стал роман Александра Акулинина «Крепость на Цне». В нём много героев с не совсем обычными именами: Дорошка Милованов, Виряска Видряпкин, Ивашка Скрылец и, конечно, воевода Роман Бобарыкин (в историко-литературном краеведении известно двоякое написание этой фамилии: Боборыкин и Бобарыкин).

Вот как описывает автор первое появление перед народом Романа Фёдоровича: «...Из шатра богатого, в окружении служителей христовых, разодетых в ризы золочёные, вышел сам стольник Роман Фёдорович Бобарыкин и решительно взшёл на помост. И будто по чьей-то невидимой команде или подчиняясь какой-то непознанной силе, над лесом, над речками, пугая птиц и зверьё, взялось и грозно покатилося громовое ликующее “ура”. Оно обрадовало стольника и захватило. Распахнул он синий, заморской шерсти кафтан, глубоко вздохнул, аж пуговицы на рубахе поотскакивали, и грянул вместе со всеми могучее русское слово. Дремучий лес, чистоводные речки не слыхивали доселе такого переполоха.

Дорошка до звона в ушах напрягал свой голос, но не слышал самого себя. Сплошное “а-а-а” вбирало его голос, как вбирает огромный бурный поток в свою стремнину воды хи-

лого маленького ручейка. И открылась истина Дорошке: не похоже это скопище людское на ярмарку. Там лёгкость, веселье, праздничность, а здесь сила! Неукротимая, необоримая!...»

Вчитываясь в страницы романа, невольно делаешь вывод: в центре произведения его главная «героиня» – крепость, заставившая устрашиться самого ногайского мурзу Абдира. И это естественно. Крепость – не просто оборонительное сооружение, а будущий город Тамбов – с его людьми, природой, с богатой, теперь уже 382-летней историей...

В романе Александра Акулинина показана многосторонняя, разнообразная жизнь: люди с их добрыми и злыми поступками; крупные и мелкие события, связанные со строительством крепости, – с одной стороны; с другой – нежные чувства Дорошки к Алёнке, бескорыстная дружба его с Виряской, запоминающаяся, живая природа нашей малой родины.

Напутствием читателю звучат заключительные слова эпилога романа: «Нынче в черте Тамбова, на территории кардиологического санатория, уцелел лишь небольшой кусочек того давнего леса. Растёт тут дуб-великан. Специалисты определяют его возраст в пятьсот лет. Дерево находится под охраной государства. Может, это и есть тот самый дуб, который спасли от порубки Дорошка и его друзья?»

Где-то я читал, что деревья своими клетками “запоминают” происходящее вокруг, около них. Надо только понять, расшифровать язык деревьев, и мы можем узнать, что было многие-многое годы назад.

Может, придёт такое счастливое время, и мы без труда сможем “поговорить” с дубом-патриархом. И он расскажет нам истину о давних наших предках. Как хочется верить в это!»

Александр Михайлович Акулинин скончался в Тамбове 30 июня 2010 года, но он жив в сердцах родных, в памяти благодарных читателей и друзей по писательскому цеху. **А**

Валентина ДОРОЖКИНА

Александр АКУЛИНИН

ВЕЧЕРНИЕ ПИСЬМА

Этого вечера она ждала долго, терпеливо и спокойно. Только за два-три дня до него нет-нет да одолевало волнение: всё боялась, что кто-нибудь помешает в её деле – либо на старика бессонница навалится, и он весь вечер будет слоняться по избе, или, чего доброго, принесёт соседку Альку...

Но, слава богу, обошлось. Старику нездоровилось, и он почти с обеда на печь завалился, и Альки опасаться нечего: в райцентр с утра укатила. Днём метелица свои хвосты стелила, дорогу заснежила, и автобус не возвратился, ждёт теперь, когда расчистят большак.

С делами по хозяйству управилась пораньше. Оно и дел-то: задать корм корове Милке, принести кошёлочку навозцу на за-втрашнюю топку и телка напоить.

Больше всего колготы с телёнком. Несмышлёныш, ещё и недели нет от роду, пить толком и то не умеет. Сунула ему в рот палец – схватил с жадностью, прижал к твёрдому ребристому нёбу, засосал, зачмокал, потихоньку-полегоньку за молоко принялся.

Когда попил, вытерла отымалкой сусок, ругнула беззлобно и за себя взялась. Не спеша руки вымыла, молока тёплого выпила, оно ещё пахло молозивом, но разжижело и от желтизны избавилось.

Всё это время она, вроде бы украдкой, поглядывала на край стола в горнице, где лежал чистый лист бумаги и ручка.

За окном засинело, засмеркалось. Но она не спешила вздуть свет. Степенно села к столу, немного посидела с опущенными руками, как сидит пианист перед началом игры, потом пододвинула бумагу, взяла ручку.

Писарь из неё не ахти какой, но буквы знает, и в словах они не занимают чужие места. Пишет аккуратно, как первачок, тщательно рисует печатные буковки.

«Здравствуй, дитёнок Сеня!» – И тут не выдержала, заволновалась: и рука с ручкой задрожала, и глаза взмокли. Отстранилась от стола. Посмотрела в окно, которое выходило в поле. Там синеющая белизна упиралась в далёкую, далёкую темень, скорее даже не в темень, но в густую тишину, и в этой густо-

те мелькал свет, в той стороне рассыпалось большое село. Светлячки были приветливы, и даже на таком большом расстоянии вержились тёплыми, свойскими.

Она успокоилась. Перечитала по слогам написанное. Могла бы прочитать эти три слова по памяти и скороговоркой, но тогда, по её мнению, из души ушло бы то самое настроение, которое она носила все последние дни. И вновь рядом выстраиваются буква к букве.

«Это я пишу тебе весточку, твоя престарелая мать. Как ты там? Я-то что – день отошёл и слава Богу. Всё в делах, всё в заботах. По правде сказать, какие они, теперешние заботы, так, суета сует, что-нибудь по мелочи, на большие-то – силов не достаёт. С коровёнкой воюю, в сельмаг за хлебом схожу – глядишь, и дню конец, а вечером варьжонки вяжу, носки штопаю. Коль никто не придёт, молчком трудюсь, а случится кто, в разговоре поспорнее дело движется. Чаше всего соседка приходит, Алефтина. Поди, помнишь её? Она-то тебя часто вспоминает и так это с грустинкой, с тосковинкой, случается, и всплакнёт. Оно ведь при её жизни и не всплакнута, да всплакнёшь. В девках сидела долго и замуж вышла, опять не в радость. Непутёвый задался муженёк, легковесный. Куда-то мотался, спешил, хватывал и нигде не успевал. Теперь-то и вовсе исчез. Альке-то не в горесть: надоел, говорит.

Спасибо ей, меня не бросает, как за матерью приштокивает. А надысь загрипповала я, так она со мной как с писаной торбой носилась. То чаю с мятой вскипятит, то анальгину таблеточку подаст, а то вдруг лимон раздобыла: свежий, духовитый. И я, дитёнок, ты уж извиняй старую, поругала тебя. Не приголубил ты Алефтину-то в молодости, а какая невестка бы вышла! Стосотская!

Намеднишь ночью Милка растелилась, бычищу принесла огромного. Дед-то наш никудышный стал, а я к соседке. Едва в окошко тюкнула, вмах собралась. Снегов нынешней зимой накатало видимо-невидимо. Мы телка в корыто да волоком, да волоком по сугробьям. И смех и грех. Однажды чуть в снег не ковырнули. А потом он трепыхаться стал, всё

норовил на ноженьки встать и угодил мокрой головёнкой в лицо Алефтине. Вроде бы не до дюжего, а я гляжу, у неё слёзы катятся. Всполошилась ненароком: "Неужто до боляток он тебя?" – спрашиваю. А она сквозь слёзы: "Не больно... ребёночком от него пахнет..." Тут и я, дитёнок мой Сеня, всплакнула».

И вновь она не справилась с волнением. Перестала писать, посмотрела в окно. Темень придвинулась вплотную и не походила на давешнюю густую тишину. Она встала, задёрнула окна шторами, засветила свет. Перечитала написанное, улыбнулась. Видно, вспомнила случай с телком. Покосилась на простенок, где висел в потемневшей раме портрет молодого мужчины.

«И ещё чего я тебе напишу. Дружок твой, Фёдор Костылёв, председательствует у нас, скоро как год. Ничего, управляется. Нам, престарелым, собирается дом хороший построить, чтоб с большими окнами, с лестницей и с диванами. Ещё и строить не начали, а я уже о Милке жалкую, как же без неё-то?»

На печи заворочался дед, застонал.

«Отец наш плох становится. Всё спиной мается, кашель его одолевает.

Сельских новостей у нас не Бог весть сколько. Помер Алдаким Петров. Помнишь, когда вы, ребяташки, озоровали, дразнили его: "Алдон-чалдон"? Чалдон-чалдон, а во семьдесят пять годков по земле оттопал и скончался в умственном рассудке. А других новостей нету. На том письмо и заканчиваю».

Она прибрала ручку и начала, уж в который раз, перечитывать. Слоги складывались трудно, неловко.

– И чего она там быкает? – возмутился на печи дед.

– Старой газеткой интересуюсь, – ответила невозмутимо, но читать стала потише.

Дочитав до конца, аккуратно свернула исписанный лист и сунула за зеркало, где таких листков было множество...

Теперь она будет целый год ждать нового такого вечера, чтоб написать весточку сыну в день его рождения. А сын её погиб в сорок третьем под Курском.

КУДА-ТО ХОТЕЛОСЬ ЛЕТЕТЬ

РАССКАЗ

Александр АКУЛИНИН

Однажды, как-то вдруг, совсем-совсем неожиданно, я испуганно, но радостно очнулся. А случилось это в солнечный день ранней весны. Уже схлынули полые воды, и молодая зелень, встрепенувшись, дружно украшала землю. Подсыхали свежепроторённые стёжки: грязь уже не липла к подошвам обуви, а так это мягко, будто круто замешанное сдобное тесто, туго переваливалась под ногами. Для полной ласковости ей не хватало теплоты – земля ещё помнила недавние морозы.

Именно по такой стёжке почти бегу в соседнее селение за три километра, в Казинку, к бабушке Хресте! Дорога то лугом, то полем, пустынно, но мне не страшно: травы крошечные, и я над ними «очень большой». Да и кому я нужен – ни к пользе, ни во вред...

Бабушка моя старенькая, плохо видит. Живёт с дядей Лёней и тётёй Шурой. Живут они без коровы, а это значит – бедно. Я переполнен радостью – иначе-то как же: несу горшочек парного молока в гостинец и ещё маленькую «булку» масла. Свеженького, утром отец сбил в пахтушке. Он не любит масло пахтать, но что ещё-то ему под силу? Слепой он у меня, с войны, которая, кажется, только вчера и закончилась.

Хорошо жаворонки поют! Будто стеклянные звонкие свёрлышки в небо ввинчиваются. Так и верится – вот-вот сверху искристые стружки со звонцой посыплются. И вдруг, почти взаправду, услышалось, но я скоро определил – это не стружки посыпались, это Каля тётки-Еленин поёт. Голос у него весёлый,

а песню поёт грустную: «Эх, в Таганроге, эх, в Таганроге случилась беда. Эх, там убили, эх, там убили молодого казака...»

Песня издали приплывает, и мне не видно, где это Каля и делает что он... Но мне всё равно тепло и спокойно, потому как знаю: уж если не весь путь, то половину наверняка песня рядом со мной по стёжке бежать будет. А с ней, что ни говори, и километры куда короче.

Бабушка сидит подле самановой своей избы и щурится подслеповатыми глазами на солнышко, а рядом с ней огромный вяз. Он такой могучий, высоченный, что я боюсь его, а так влезть по его сучьям на верхотуру хочется. Про вяз бабушка рассказывает, что он уже две жизни её изжил, а вон какой боевой.

Меня бабушка пока не видит, а мне уж совсем невтерпёж:

– Бабушка! – кричу издали, захлёбываясь в радости.

– Никак Шурок бежит? – всплёскивает старушка руками и ищет меня взглядом. Но я знаю, она не видит мою тощую фигурку: когда подойду совсем близко, тогда...

А когда я подхожу, она уже журит с любовью:

– И где ж ты запропастился? Позабыл старую насовсем. Тут все обловились рыбы-селявы, мне бы хоть ложечку кто на покушку принёс...

Она встала со скамеечки, я утыкаюсь ей в живот, мне очень жаль совсем заброшенную бабушку, и я почти со слезами обещаю, что не пройдёт и часу, как наловлю ей целый мешочек селявы, и мы приготовим большую сковородку со свежим сливочным маслом. На последние слова бабушка возражает, мол, жирновато с маслом-то. Селявка сама по себе жирнющая, и если уж чего и добавим, так это ложку-другую молока.

Решето – инструмент для ловли, – холщовый мешочек наготове, видно, и вправду меня ожидали.

И вот, малость отдохнув, я шагаю в Петровский буерак, по дну которого струится светлый журчливый ручеёк. Летом он почти всегда пересыхает, а в полую воду куда как

шустёр: все кочки обегает, бурунчики крутит, водопадики роняет. Именно в таких местах и собираются мелкие рыбёшки: плотвички, пескарики. На селе им одно название дадено – селявка. Её не надо ни чистить, ни потрошить: маленько обсолить – и на сковородку. В эту пору, когда зима сильно подобрала все осенние запасы, такая дармовая еда очень даже кстати.

Меня мечты одолевают: наловлю полный мешок, наготовим с бабушкой! Я всё-таки обману её и украдкой положу кусочек маслица. Придут на обед дядя Лёня с тётей Шурой, а у нас пир горой!

Но рыбёшки, видно, настращенные многочисленными рыбачками до меня, очень пугливы; пока я подкрадусь с решетом, они почти все «разбегаются». Мало какая зазеваётся да в решете забьётся серебриночкой. А меня азарт одолел и упрямое желание – непременно полный мешочек наловить. Всё дальше и дальше ухожу по течению, а берега всё выше и выше, круче и круче. Солнце до дна буерака едва-едва достаёт. И, наверное, от сумрака рыбки похуже видят меня и ловятся пообильнее. И один раз я зачерпнул почти половину решета, серебряного цвета. И счастье, и испуг! Только-только осознал, как далеко я ушёл... Радость от удачи взяла верх. С лёгкой, но боязнью заторопился к бабушке. Только ноги почему-то сделались тяжёлыми, набухшие от воды решето и сумка с рыбой тоже необыкновенно потяжелели, и ни с того ни с сего спать захотелось. Движеньё моё сделалось вялым.

Наверное, увидев меня, наш сосед дядька Митрий сказал бы: «Чёй-то совсем разгубастился, соседик?» Так он меня величает, подчёркивая, что я до «соседа» не дорос: пока ещё «соседик».

Вообще-то не обижаюсь на дядю Митрия, но теперь почему-то слова его, точно впервые сказанные, рассердили...

«Конечно, я маленький, можно меня и обидеть, и издеваться всячески...» – такие или примерно такие словечки закопошились в моей засыпающей голове, и они делали меня почти самым разнесчастным.

Мне действительно хотелось чувствовать себя несчастным, брошенным, и, может, сей-

час, немедля появятся волки, а их развелось очень много, и они заедят меня до самой смерти. Тут и заплакать бы – от жалости к самому себе, от собственной ненужности, но почему-то не плакалось...

И вдруг страдающее сердце моё вдруг сжалось в комочек, больно кольнуло. Оно раньше, чем уши, услышало напевное и тревожное «а-а-а». Почти сразу я угадал голос бабушки и забоялся за неё: «О чём это она кричит?» Боязнь прибавила сил, и я шибко поднялся из буерака и услышал слово целиком. «Шурока-а-а», – звала меня моя бабушка Хрестя. В голосе её смешались и жалостливость, и испуг, и ещё что-то, моему уму непонятное, но до боли трогательное сердце. Сквозь всю эту кучу нахлынувших чувств я ещё успел и удивиться: бабушка такая старенькая, немощная, а голос её заполнил всю округу, пробился через заросли лесопосадок и долетел до меня. Может, его, голос-то, больше никто и не слышит, он принадлежит только мне одному, он зовёт только меня. И я немедленно откликнулся:

– Бабушка-а-а...

И ужаснулся... Мой голос никуда не полетел: был слабенький, хиленький, он застрял где-то рядом... Вот тут я и заплакал.

А над зеленеющим лугом, над полями, забывая голоса жаворонков, летело тревожное: «Шурока-а-а».

Всё моё маленькое существо было переполнено ответной тревогой и добротой. Я, наверное, впервые осознал, как бабушка сильно переживает обо мне, как болеет за меня. И меня угнетало то, что я не могу немедленно ответить ей, утешить её...

Я забыл и про ношу в руках, и про ноги отяжелевшие, обливаясь потом, я бежал на голос любимой бабушки. У меня не осталось сил даже и на то, чтоб отозваться, и тогда, когда был

уже рядом. Я просто прильнул молча к бабушке Хресте, а она положила свои старые прохладные руки на мою разгорячённую голову.

– Слава Богу, – сказала со слезами в голосе, – а я уж подумала, утоп ты где...

Больше ничего не слышал, я уснул, казалось, на мгновение, но очнулся уже на кровати. Дядя Лёня ерошил мои волосы и, улыбаясь, приговаривал: «Обед простишь, рыбачок». Дядины руки приятно пахли Васьком, так звали мерина, на котором дядя пасёт коровье стадо.

За столом шёл серьёзный разговор про огород, про то, где раздобыть семян... А рыба была как самая вкусная еда, и мне хотелось в подробностях рассказать о рыбалке, но я молчал. И лишь когда заговорили о картошке, важно пообещал, что принесу два больших кармана семенных, и, может, их хватит на целую борозду.

– Большой ты стал, – почему-то с горестью сказала бабушка.

– Быстро растёт, – скороговоркой добавила тётя Шура.

– Видал их, только заметили, – подмигнул мне дядя Лёня.

И я поверил в то, что действительно большим стал.

После обеда, не раздумывая, влез на пугавший ранее вяз, и дух захватило! Я увидел грача, летевшего ниже меня. Его воронёный цвет переливался при взмахе крыльев – это было диковинно хорошо для глаз моих, и сердце трепетало от чудного видения... Едва не свалился с дерева: мной овладело неодолимое желание полететь. И была уверенность в реальности полёта! Я не знал, куда, зачем, но лететь, лететь! И чтоб дядя Лёня, тётя Шура увидели меня с земли и сказали моей бабушке Хресте, как высоко я взвился... **A**

Члены поэтического клуба «Рифма» на встрече с писателем В. Т. Дорожкиной

ПОЭТИЧЕСКИЙ КЛУБ «РИФМА»

В каждом районе Тамбовской области есть талантливые люди, которые занимаются музыкой, исполняют песни и, конечно, пишут стихи.

Наш Токарёвский район не является исключением. Многие знаменитые и талантливые люди – выходцы с земли токарёвской. Это писатели Николай Вирта и Александр Акулинин, Пётр Сажин и Майя Румянцева, чьи произведения до сих пор являются актуальными и пользуются спросом у читателей Токарёвского района, потому что по своей сути их произведения очень близки сельскому жителю, реально отражают жизнь в деревне.

Сегодня хочется рассказать о творческом объединении, которое на протяжении одиннадцати лет действует при Центральной библиотеке Токарёвского района. Это поэтический клуб «Рифма».

Это творческое объединение было основано 27 июня 2007 года. Инициаторами его

создания стали бывший директор Центральной библиотеки Эмма Юрьевна Шабанова (ныне покойная) и член Союза писателей России, молодой поэт Владимир Алексеевич Сашин.

Поэтический клуб «Рифма», созданный на базе Центральной библиотеки, объединял в своих рядах одиннадцать авторов. Все они разные, жили и живут в разных местах: Марина Быкова – в Васильевке, Владимир Абросимов – в Безукладовке, Дина и Александр Бабайцевы, Алевтина Василенко, сёстры Татьяна и Ирина Давыдовы, Тамара Филатова, Владимир Сашин, Надежда Заборская, Валентина Хрипякова – в Токарёвке. Они пишут разные стихи, у них разные взгляды на жизнь. Но всех их объединяет одно, пожалуй, самое главное – любовь к поэзии. И ещё, наверное, любовь к своей малой родине – Токарёвскому району.

Особо хочется сказать о двенадцатом участнике клуба «Рифма». Это бывший

работник Центральной библиотеки с многолетним стажем Эмма Юрьевна Шабанова. Она не пишет стихов, но её неиссякаемая энергия и огромный опыт работы с книгой, с читателями оказались решающими в создании поэтического клуба. Добрый человек, оптимист, профессионал до мозга костей, Эмма Юрьевна Шабанова на протяжении нескольких лет являлась тем фундаментом, на котором держалась вся работа клуба.

Руководителем поэтического клуба «Рифма» в течение трёх лет являлся молодой поэт Владимир Алексеевич Сашин. Вместе с Э. Ю. Шабановой члены клуба «Рифма» неоднократно участвовали в мероприятиях, которые проходили в школах района, Доме детского творчества и других организациях рабочего посёлка Токарёвка.

И сейчас трудно сказать, кому первому пришла в голову мысль издать коллективный сборник стихов токарёвских поэтов. Какое-то время идея создания сборника висела в воздухе. И лишь в поэтическом клубе она получила реальные очертания. И совсем не важно, кто подал эту мысль, самое главное, что получилась книга. Она стала первой ласточкой, неким отчётом перед читателями нашего района.

И свежий, нетронутый, пахнущий типографской краской сборник предстал перед читателями и был ими высоко оценён, ибо в сей труд были вложены не только плоды творчества наших земляков, но и их беспокойные души.

Символично, что книга эта родилась в год семидесятилетия Тамбовской области, праздничный, юбилейный год. Было очень приятно, что творческие люди внесли свою лепту в этот общий для всех праздник. Первая книга называлась «Родники».

Особую роль в жизни членов клуба «Рифма» сыграло творческое сотрудничество с писателем А. М. Акулининым, который высоко оценивал творчество токарёвских поэтов. С его писательского благословения и с его помощью в мае 2008 года был издан второй сборник стихов в «Книжной лавке писателя». Он назывался «Родниковые напевы».

«Нынешний сборник второй по счёту, и хочется, чтоб он не стал последним. Пусть раз

от разу книжка становится солидней, голос её авторов крепнет, настраивается. Всякий оркестр не звучит слаженно с первого-второго такта, только практика, время способствуют настрою на созвучность, на сердечность...» (А. М. Акулинин).

Высокая оценка творчества токарёвских поэтов писателем А. М. Акулининым вселила в наши сердца и души желание писать, писать для людей.

В «Тамбовской литературной газете», руководимой А. М. Акулининым, с его лёгкой руки были напечатаны стихи членов нашего клуба: Александра и Дины Бабайцевых, Алевтины Василенко, Владимира Сашина и Валентины Хрипяковой.

Шло время, и творчество токарёвских поэтов росло, становилось органичнее, интереснее.

С 2009 года поэтический клуб «Рифма» возглавляет директор МБУК «Центральная библиотека Токарёвского района» Дина Васильевна Бабайцева.

В 2010 году членами клуба «Рифма» был издан третий сборник стихов «Пред памятью павших...», который посвящался 65-летию Великой Победы. В нём были собраны стихи о войне.

Но время неумолимо. Кто-то покинул клуб в силу каких-то обстоятельств, кто-то пришёл вновь. Это Анна Мамонтова, Вера Сизова, Ирина Ушакова.

Жизнь творческого объединения стала более интересной и насыщенной. «Рифмовцы» – желанные гости и участники мероприятий не только в Токарёвском районе, но и за его пределами: в г. Борисоглебске (на Фестивале русской словесности и культуры во славу Бориса и Глеба), в г. Эртиле Воронежской области (на поэтических встречах «Эртильская волна приглашает гостей»). В Тамбовском областном краеведческом музее на музейном марафоне представляли выставку Токарёвского краеведческого музея «Родимый край нам токарёвская земля».

Члены клуба «Рифма» – частые гости всех мероприятий, проводимых в библиотеке, в Доме-интернате для престарелых и инвалидов в с. Абакумовка, в школах.

Особенно запомнились встречи членов клуба «Рифма» с писателями и поэтами Татьяной Веденской, Николаем Наседкиным, Ириной Антоновой, Татьяной Курбатовой, Валентиной Дорожкиной в рамках Литературных марафонов, которые проходили в стенах Центральной библиотеки.

В 2015 году членами клуба «Рифма» был издан четвёртый сборник стихов, который назывался «Родниковые переливы», и личный сборник стихов Д. В. Бабайцевой «Сердце велит помнить...», которые посвящались 70-летию Великой Победы.

В 2016 году руководителем клуба «Рифма» Д. В. Бабайцевой были изданы два сборника стихов «Прикоснись к природе сердцем» из цикла «Времена года». Готовятся к изданию ещё два сборника из этого цикла, которые будут называться «Тобой, природа, я дышу!» и «Я здесь живу, и край мне этот дорог». Стихи Д. В. Бабайцевой были напечатаны в книге «Библиотеки Тамбовской области» в 2012 году. В апреле 2018 года поэтическим клубом издан альманах «Родники земли токарёвской».

Также в стадии подготовки пятый сборник стихов членов клуба «Рифма», который будет посвящён 90-летию образования Токарёвского района. У него красивое поэтическое название «Родниковая Русь».

Поэтический клуб «Рифма» играет огромную роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения, школьников, молодёжи. «Рифмовцы» активно сотрудничают с детскими садами рабочего посёлка, с районной ветеранской организацией, организуют и проводят различные мероприятия по семейному воспитанию, ставя перед собой основную цель – дальнейшее продвижение Книжки и Чтения, привитие любви к своей малой родине, тамбовской земле.

Стихи членов клуба «Рифма» регулярно печатаются в районной газете «Маяк».

Важным моментом в жизни поэтического клуба «Рифма» стала апрельская встреча в стенах библиотеки с членами Союза писателей России В. С. Аршанским, Е. Л. Луканкиной и А. С. Трубой. А. С. Труба являлся составителем сборника стихов поэтов Тамбовской

области, в который вошли и творения наших поэтов. Также мы познакомились с журналом «Александрь», главным редактором которого является А. С. Труба. В библиотеке у читателей теперь есть возможность изучать материалы, которые публикуются в этом необыкновенно интересном журнале.

Позади долгие одиннадцать лет. Многого достигнуто, что-то не получилось. Но всегда есть над чем работать. Желаю всем членам клуба «Рифма» здоровья, благополучия и творческого вдохновения.

Творчество членов клуба «Рифма» является плодом труда не только людей, пишущих стихи, но и тех людей, которые неравнодушны к поэзии, русскому языку и токарёвской земле. Это наши спонсоры и благотворители, которые оказывали и оказывают помощь в издании книг клуба «Рифма».

В первую очередь, это глава администрации Токарёвского района В. Н. Айдаров, глава Токарёвского поселкового округа Ю. Б. Терещатов, руководители сельхозпредприятий и индивидуальные предприниматели: Г. В. Айдарова, В. В. Ананьев, Ю. Е. Гугниц, О. В. Ермаков, О. Н. Родионов, А. А. Кочетов, Ю. В. Лысыков, Л. М. Слёткова, К. С. Овакимян, Л. Я. Юшина и др. Всем им наша огромная благодарность. Члены клуба «Рифма» признательны музыкальному руководителю Юрию Александровичу Анохину и директору МБУК «КДЦ Токарёвского района» Александру Леонидовичу Гиглавному за музыкальное сопровождение мероприятий, а читателям – за высокую оценку нашего творчества. Дай Бог вам всем здоровья!

Дорогие читатели! Если у вас есть желание, познакомьтесь с нашими стихами, ощутите в них простор наших полей, запах цветов и горькой полыни, чистоту наших рек и озёр, красоту и ширь нашего бескрайнего неба. Всё это в них, а ещё в них любовь к нашему народу и нашей малой родине, которую дано нам беречь. Мы уверены, в ваших душах затеплится огонёк нежности, добра, красоты и любви к родной земле. ■

Дина БАБАЙЦЕВА,
руководитель поэтического клуба
«Рифма»

Дина БАБАЙЦЕВА

Родилась 11 января 1959 года в р. п. Токарёвка Токарёвского района Тамбовской области. Окончила с отличием Чакинский сельскохозяйственный техникум по специальности «Агрономия» в 1982 году и Мичуринский ГПИ по специальности «Биология» в 1989 году. Двадцать три года отработала воспитателем детского сада «Родничок» Токарёвского района. В настоящее время работает директором МБУК «Центральная библиотека Токарёвского района». Стихи пишет с детских лет, к настоящему моменту их уже более 600. Они разной тематики. Много стихов посвящено родному краю, земле, природе, есть о любви, о чести, о человеческих взаимоотношениях. Пробует себя в написании басен.

Её стихи опубликованы в сборниках поэтического клуба: «Родники», «Родниковые напевы», «Пред памятью павших...», «Родниковые переливы»; в «Тамбовской литературной газете», в книге «Библиотеки Тамбовской области», сборнике стихов поэтов Тамбовской области, альманахе «Родники земли токарёвской». Ею изданы личные сборники стихов «Сердце велит помнить», «Прикоснись к при-

роде сердцем» (из цикла «Времена года»), она публикует свои стихи в районной газете «Маяк».

Активно участвует в общественной жизни района, является депутатом Токарёвского районного Совета народных депутатов и председателем Общественного совета Токарёвского района. За свой труд награждена Почётной грамотой Министерства образования и науки России, Благодарственным письмом администрации Тамбовской области, юбилейной медалью «80 лет Тамбовской области», Почётной грамотой Управления культуры и архивного дела Тамбовской области, почётными грамотами и благодарственными письмами администрации Токарёвского района.

ТЫ РОССИЯ МОЯ НЕОБЪЯТНАЯ

Ты Россия моя необъятная,
Не измерить тебя точной мерою.
Русь родимая, благодатная,
С православною своей верою.
Побеждала ты всех врагов своих
В годы страшные, в годы лютые,
И гнала с земли ты вояк чужих,
Русь страдальная, в годы смутные.
Не упасть уже, встала ты с колен,
Твои недруги не страшат народ,
Закалило тебя время перемен,
Своей правдою ты идёшь вперёд.
Ты проделала свой нелёгкий путь,
Не гнетёт тебя тоска жгучая.
И с дороги прямой не свернуть,
Русь старинная, Русь могучая.
И сломить тебя никому не смочь,
И не расшатать злыми кликами.
Ты сумела, Русь, время превозмочь,
Русь державная, Русь великая!

ВО РЖИ ЗА ПОВОРОТОМ СПРЯТАЛАСЬ ДОРОГА

Во ржи за поворотом спряталась дорога,
А в рощу за рекою бегут мои мечты.
И снова жду я встречи у отчего порога,
Где запахом дурманят вишнёвые цветы.
Я отворю калитку, шагну к крыльцу родному,
И слёз своих душевных сдержать я не смогу.
Ничто здесь не забыто, и всё мне так знакомо,
Тепло родного дома я в сердце берегу.
Здесь нет отца и мамы, но есть воспоминанья,
Их с нежностью навеки память сохранит.
И вновь на всё смотрю я сквозь годы, расстоянья,
И вновь от этой встречи в душе моей щемит.
Пусть спряталась дорога во ржи за поворотом,
Но я не заплутаю, найду короткий путь.
Я посижу тихонько у отчего порога,
Тепло родного дома опять хочу вдохнуть.
И пусть мечты несутся в ту рощу за рекою,
Где засыпает тихо оранжевый закат.
Так на душе спокойно, здесь всё моё родное
И в сердце моём живо, как много лет назад.

ЛЮБЛЮ ВАС, РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ ТАМБОВА...

Люблю вас, родные просторы Тамбова,
Люблю посмотреть на высокую рожь.
Тамбов – моя родина, к сердцу дорога,
Да разве ещё где такую найдёшь?
Звенишь во мне песней весёлой и звонкой,
Живёшь со мной рядом одною судьбой.
До боли мила мне родная сторонка
С загадочной чистою русской душой.
Манишь ты своим хлебосольством, радушьем,
Где слышится трель соловья средь ветвей,
И русскою песней, затронувшей душу,
И синью небес, и свирелью дождей.
Любуюсь я утром прозрачным, рассветным,
Дышу горьким запахом буйных степей.
Люблю я свой край глубоко, беззаветно.
Для сердца его нет на свете родней.

ЗАПАХЛА ВЕСНОЮ ЗЕМЛЯ

Осел белый снег на полях,
И птицы весне гимн запели.
Проснулась родная земля
От долгих вихрастых метелей.
Заплакала громко капель,
Хрустальные слёзы роняя.
Весенняя оттепель
На пятки весне наступает.
Шумят под окном тополя,
И небо опять в нежной сини.
Запахло весною земля,
Запахла весною Россия.
Луч солнца слепит вновь глаза,
Бегут ручейки по дорогам.
Проснулась земля ото сна,
Встречайте! Весна у порога!

Я ЗЕМЛЮ РУССКУЮ ЦЕЛЮ

Пускай пропахла дымом я костра
И на руках моих давно мозоли,
Я всей душой люблю тебя, земля,
И пусть со мною кто-нибудь поспорит.
Люблю я шум колосьев на заре

И рокот тракторов на сжатой ниве,
Люблю зимой деревья в серебре,
На свете нет моей земли красивей!
Земля моя, тебя я не предаю,
Молюсь я Богу за тебя, родную.
За горсть родной земли – я жизнь отдам.
Склонившись, землю русскую целую.

Марина БЫКОВА

Родилась в 1950 году на Украине, в Ровенской области. Жила в Крыму. Окончила строительный техникум. В настоящее время живёт в селе Васильевка Токарёвского района. Стихи пишет с детских лет. Они пронизаны глубоким смыслом, любовью к родному краю, природе. М. И. Быкова является членом поэтического клуба «Рифма». Её стихи напечатаны в сборниках «Родники», «Родниковые напевы», «Пред памятью павших...», «Родниковые переливы», альманахе «Родники земли токарёвской», печатаются в районной газете «Маяк».

МОЯ МЕЧТА

Я – мама, бабушка, жена,
И у меня мечта одна:
Чтоб были счастливы все дети,
Чтоб мир царил на всей планете,
Чтоб слёзы радости лишь были,

И люди всей Земли дружили,
Мир на планете удержали,
Других ценили, уважали,
Имели б совесть и тогда
Не делали б друг другу зла.
Вот в этом вся моя мечта,
Спасёт нам мир лишь доброта.

ВОЙНА – ЭТО ГОРЕ...

Опять беспокойно, и снова война,
Вновь слёзы и страшное горе.
Вновь наши мальчишки уходят туда,
Где пулями стелется поле,

Где небо горит и бомбят города,
Где люди от горя страдают,
Там люди уходят от нас навсегда,
Там малых детей убивают,

Где места уж нет ни своим, ни чужим,
Где плач и одно лишь страданье,
Где ищут родных и хоронят друзей,
Где мира все ждут с покаяньем.

Нам мир нужен всем, нам не надо войны.
Земля пусть не стонет от взрывов.
Так хочется видеть лицо тишины
И лица людей счастливых.

МОЯ РОССИЯ

Небо голубое и река вдали,
То глаза России – Родины, земли.
Цвет рябины красной и берёзок строй –
Это всё Россия, край мой дорогой!

Крики птички в небе сине-голубом,
Песни под трёхрядку под моим окном.
Солнце согревает наш родимый край,
С песней соловьиной в сердце снова рай.

Флаг родной России вьётся над землей,
Ярко-ярко красный, белый, голубой.
Хлебом золотистым шелестят поля,
Пусть под мирным небом расцветёт земля.

На лугу ромашки снежной пеленой,
Это всё Россия, край мой дорогой!

Я НА ТРАВКЕ РАСТЯНУСЬ

Я на травке растянусь,
И к родной земле прижмусь.
Так люблю я неба синь
И в степях её ковыль.

Реки, горы и моря,
Золотистые поля,
Что шумят там, за рекой,
Манят ширью нас с тобой.

Из ромашек луговых
Я веночек себе сплету.
Сладкий запах лепестков
Мне напомнит всё без слов.

На цветы хочу смотреть,
Радоваться, не стареть,
Мирно жить, людей любить,
Красоту земли хранить.

Я РУЧЕЙКОМ ХОЧУ ОСТАТЬСЯ В ЭТОЙ ЖИЗНИ...

Я ручейком хочу остаться в этой жизни,
Не очень шумным, чистым и простым,
Чтобы в него душою окунуться
И навсегда до капли слиться с ним.

Пусть ручеек журчит и, не смолкая,
Водичка, словно зеркало, течёт.
Вода ручья, вода Земли святая,
Всех исцелит, здоровье принесёт.

Я ручейком хочу остаться в жизни этой,
Поить траву, луга, поля, цветы,
Встречать водой ручья Земли рассветы
И навсегда до капли слиться с ним.

Алевтина ВАСИЛЕНКО

Родилась 8 февраля 1949 года в городе Комсомольске-на-Амуре. Окончила физико-математический факультет Тюменского педагогического института. Работала учителем математики Токарёвской средней школы № 2.

Ей присвоено звание «Отличник народного просвещения».

Алевтина Ивановна Василенко является членом поэтического клуба «Рифма».

Её стихи напечатаны в сборниках «Родники», «Родниковые напевы», «Пред памятью павших...», «Родниковые переливы», в сборнике стихов поэтов Тамбовской области, в сборнике творческих работ «Золотая моя звонница», альманахе «Родники земли токарёвской», регулярно печатаются в районной газете «Маяк».

ЖЕЛАНИЕ

Облака плывут по небу синему,
Словно стая белых лебедей.
Паучок окутал паутинкой
Ласковую осень без дождей.

Все желанья суетны и тленны,
Но одно – на тысячи веков,
Чтоб душа, как Божий дар Вселенной,
Воспарила выше облаков.

Звуки ночи мне отрадно слушать,
Кружит, словно в детстве, голова.

И восторг охватывает душу,
И приходят светлые слова:

Ты так мудр и так велик, Создатель,
Дивны все творения твои!
Я – частица этой благодати,
Вечности, дыхания любви.

МУЗЫКА ЧИСТЫХ НЕБЕС

Музыкой чистых небес падает, падает снег.
Где-то на этой земле ходит один человек.
Сквозь листопады, и зной, и проливные дожди
Слышу я голос родной: «Ты меня подожди!»

Если глаза в глаза
Слышим друг друга без слов,
Нежность в касании рук,
Значит, это любовь.

Музыка чистых небес соединит нас с тобой,
Рядом по жизни пойдём, станем
единой судьбой.

И две звезды в вышине будут нам
путь освещать,
Чтоб мы любовь берегли и не смогли потерять.

Звонкие ветры дорог нас уведут от беды.
Смоет, ласкаясь, прибой нашей разлуки следы.
И зазвучит всё вокруг: поле, и речка, и лес –
Музыкой вечной любви, музыкой чистых небес.

БЕРЁЗЫ ТЁМНАЯ ВУАЛЬ...

Берёзы тёмная вуаль
На бледно-синем небосводе...
Нет, нет, мне прошлого не жаль,
Вся жизнь – стремление к свободе.

Вслед за зимой истает снег,
И тёмная вуаль спадёт.
Вновь заискрится звонкий смех,
Душа в восторге запоёт.

Весенний тёплый дождь прольёт,
И нежной зелени фата,

Когда чудесный миг придёт,
Буаль заменит неспроста.

Нет, неспроста на смену дням,
Тем, что печаль с собой несут,
Души воскресшей зову вняв,
Дни тихой радости грядут.

ОТГРЕМЕЛИ САЛЮТЫ ПОБЕДЫ

Отгремели салюты Победы,
Боевые уходят друзья,
Каждый горечь утраты изведаль –
Фронтовая редет семья.

Не грустите, родные вы наши,
Ваша жизнь как в ночи звезда:
Вы шагали победным маршем,
Этот марш прозвучал – навсегда!

Навсегда в нашей памяти лица
С фотографий ушедших солдат,
Кто убит и не смог возвратиться,
Тех, кто жив и вернулся назад.

Благодарность нашу примите,
Подвиг ваш сохраним в веках,
Знамя чести страны несите
На своих измождённых руках.

Не напрасен ваш ратный труд,
Будем нашей победе верны:
Знамя Родины понесут
Дети вновь возрождённой страны.

Анна МАМОНТОВА

Родилась 13 сентября 1988 года в Тамбовской области, р. п. Токарёвка. Окончила в 2010 году ТГУ им Г. Р. Державина по специальности «Юриспруденция». Работала с 2010 по 2011 год в ТОГОУ «Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции несовершеннолетних «Лотос» юрисконсультантом. Стихи пишет с детских лет. Они на разные темы. Предпочтение отдаётся стихам о любви, о человеческих взаимоотношениях.

Анна Александровна Мамонтова является членом поэтического клуба «Рифма», созданного при Центральной библиотеке.

Стихи А. А. Мамонтовой опубликованы в сборнике «Родниковые переливы», альманахе «Родники земли токарёвской», печатаются на страницах районной газеты «Маяк».

МОЯ РОССИЯ

Жива, жива моя Россия,
Моя Великая Страна,
Моя целительная сила,
Моя могучая земля.

Моря и реки голубые,
Долины, горы и леса,
Деревни, тропы и ухабы,
Твои большие города.

Раскинулась ты величаво
На тысячи больших дорог.
Люблю тебя, моя Россия,
Всем сердцем. Да хранит нас Бог!

МАМА

У окна, вся седая и в платочке простом,
Моя милая мама вновь грустит о былом.
А года всё проходят, неизбежен их счёт,
Вот уж взрослая дочка, да и внушек растёт.
Ты прости меня, мама, если что-то не так.
И спасибо, родная, твоя жизнь не пустяк.
За заботы, за ласку, что дарила ты мне,
За твоё воспитание и за верность семье.
За чудесные песни и за ночи без сна,
За поддержку, за веру в то, что я не одна.
Ты живи, дорогая, много радостных дней,
С твоей доброй улыбкой в моём сердце светлей.

О ЧЁМ ПИШУ СВОИ СТИХИ

О чём пишу свои стихи?
Да о любви своей и чьей-то тоже,
О том, что так болит в моей груди,
О Родине и о тебе, мой Боже.

О том, что я живу пока
На нашей маленькой планете,
И надо мною облака
Несёт по небу сильный ветер.

О том, что есть душа у всех,
И у людей, и у Вселенной,
О том, что манит высота
И совесть молвит о прощении.

О том, что в жизни есть пути,
Которые проходит каждый.
О чём пишу свои стихи?
Всё понемногу, но о важном.

Вера СИЗОВА

Родилась 18 июля 1962 года в д. Девятка Токарёвского района. Окончила Моршанский библиотечный техникум. Работает библиотекарем филиала «Калиновская сельская библиотека» МБУК «ЦБ Токарёвского района». Пишет стихи на разные темы.

Особое место в её творчестве занимает тема войны. Также есть стихи о природе, любви, о земле.

Является членом поэтического клуба «Рифма». Её стихи опубликованы в сборнике стихов «Родниковые переливы», альманахе «Родники земли токарёвской», печатаются в районной газете «Маяк».

МАМА

Наша милая, добрая мама,
Нам желанней тебя не найти.
Ты, как лучик, родная, сияешь,
Освещая дорогу в пути.

В жизни много вопросов и дум,
И порою ответ не сыскать.
Но надеюсь на твой мудрый ум,
Ты готова нам сердце отдать.

Ты самая лучшая в мире.
Тебя пусть не старят года.
Лицо озаряет улыбка,
А в сердце живёт доброта.

Я низко склоняю колени
Пред тобою, родная моя.
Я славлю всех женщин России,
Но трижды я славлю тебя.

ПУСТЬ В ХОРОШЕЕ ВЕРИТСЯ

Я иду по росистой траве,
След ромашковый стелется.
Вспоминать о плохом не хочу,
Мне в хорошее верится.

Лугом несмытым брожу,
Ромашки в букет собираю.
Я никому не скажу,
О чём на ромашке гадаю.

Ромашка, ромашка, цветок полевой,
Твои лепестки обрываю,
Тайну свою ты мне снова поверь,
Тебе лишь одной доверяю.

Жизнь ещё не прошла,
Всё ещё переменится.
Жить без веры нельзя,
Пусть в хорошее верится.

Ираида УШАКОВА

Родилась 23 октября 1956 года в посёлке Вороновские Отруба Токарёвского района. В 1975 году окончила Тамбовский кооперативный техникум по специальности «Организация и технология торговли».

Трудовую деятельность начала заместителем председателя по торговле Токарёвского сельпо. Тринадцать лет проработала старшим экономистом в Токарёвской инспекции Госстраха, более шести лет – бухгалтером-ревизором в Тамбовском аптечном управлении. Свою трудовую деятельность закончила в Токарёвском районном суде секретарём судебного заседания. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Стихи писала со школьных лет. Её произведения печатались в районной газете «Маяк», в сборнике «Родниковые переливывы», на поэтической странице областной газеты «Комсомольское знамя». Пишет стихи, прозу, частушки, басни. Является членом поэтического клуба «Рифма».

КО МНЕ В ДВЕРЬ ПОСТУЧАЛАСЬ ЛЮБОВЬ

Ко мне в дверь постучалась любовь,
В первый раз, долгожданная, нежная.
Взволновала юную кровь,
Ворвалась в мою жизнь безмятежную.

Я открыла ей дверь и впустила
В своё сердце свободное, чистое.
Это чувство меня захватило
И наполнило жизнь мою смыслом.

Любить – это Господа дар,
И не всем это чудо дано.
Ко мне в дверь постучалась любовь,
Значит, я заслужила её.

ДЕРЕВНЯ МОЯ – БОЛЬ МОЯ

Зародилась моя деревня
В начале века двадцатого.
В несколько хат-саманушек
С беднотой – не ровня богатым.

Земли были здесь графа Воронова:
Барский дом, пруд с карасём и мельница,
Всё потом заберут в колхоз,
В жерновах его всё перемелется.

В годы лихие военные
Страдала деревня, мучилась.
От трудов непосильных выстояла,
От похоронок не скрючилась.

Мир. И деревня моя приукрасилась,
Перестроилась, выросла в несколько раз.
Садами своими прославилась
И семьями многодетными.

А люди какие там жили!
Герои войны и труда,
Добротой и мудростью слыли,
На беду отзывались всегда.

Там я родилась и в школу
Впервые пошла в первый класс.
Там жизнь мне путёвку вручила,
Влюбилась там я в первый раз.

Но время безжалостно к людям,
И нещадно к деревням оно.
Распалась сторонка родная,
Будто птицы разбилось гнездо.

Кто моложе, тот в город уехал,
Познать лёгкой жизни суть.
Стариков, тех, кто век свой отжил,
Проводили в последний путь.

От деревни всего лишь остались
Старый пруд, в запустении сады и клён.
Не отыщешь уже тропинку,
Что вела нас в родительский дом.

И сердце сожмётся от боли,
От вида картины такой.
Ты прости всех нас, малая родина,
За то, что случилось с тобой.

Валентина ХРИПЯКОВА

Родилась в 1949 году в селе Новая Деревня Токарёвского района Тамбовской области. Окончила Тамбовское педагогическое училище № 2, затем Тамбовский ГПИ. Как и четыре её сестры, тоже стала учителем. Долгое время работала учителем начальных классов в Сергиевской средней школе Токарёвского района. Стихи начала писать в зрелом возрасте. Они о любви, о природе, о счастье, о жизни. Печатались в «Тамбовской литературной газете», в сборниках «Родники», «Родниковые напевы», «Пред памятью павших...», «Родниковые переливы», в сборнике стихов тамбовских поэтов, альманахе «Родники земли токарёвской», регулярно публикуются в районной газете «Маяк». В. С. Хрипакова является членом поэтического клуба «Рифма».

ТЫ – МОЁ УТРО РАННЕЕ

Ты – моё утро раннее:
Свежесть его и дыхание.
Ты – моя зорька красная,
Чистая, нежная, ясная.
Звёздочка ты путеводная,
Спасала не раз от невзгод меня.
Совесь моя – моё зеркало,
Ясность его не померкла бы.
Боль ты моя и сомнение,
Радость моя и спасение.
Жизнь ты моя и отрада,
Счастье моё, что ты рядом.

МОЙ КРАЙ

Мой край любимый: поля, берёзки,
Пруды, посёлки да неба синь.
А воздух терпкий, а воздух лёгкий,
Дурманят душу сирень, полынь.
И детский гомон до самой ночи.
А на рассвете – трель соловья.
А на рассвете такие росы!
В янтарном свете земля моя.
Какие зори! Какие песни!
Какие люди в моём краю!
И снова радость наполнит душу,
И тихо песню я запою.

КАК ЛЮБЛЮ Я ХОДИТЬ БОСИКОМ

Как люблю я ходить босиком
По тропинкам и травам некошеным.
И по лужицам тёплым, когда
Скачет дождь, как жемчужин горошины.
Всё промокло: и платье, и волосы.
Воздух пьяный, в душе моей хмель.
А шальной соловей так старается,
Разливая окрест свою трель.
И домой уходить так не хочется!
Мне б тот праздник в душе сохранить.
По тропинкам и травам некошеным
Так люблю босиком я ходить.

ДЕРЕВНЯ – ЛЮБОВЬ МОЯ

Кто любит горы, кто любит море,
Где волны спорят, шумит прибой.
Кто любит город, а я – деревню,
Где всё мне мило и каждый свой.
Здесь лес и речка, здесь луг и поле,
Туман черёмух и звон ручья.
А воздух чистый, такой душистый!
В саду за речкой трель соловья.
А половодье, а запах сена,
Ковёр из ягод да мёд с улья...
Всё это вместе – моя деревня,
Моя деревня – любовь моя. **А**

Николай КАРЕЛЬСКИЙ (ВИРТА)

КАК ЭТО БЫЛО...

– ВАМ ЧТО-НИБУДЬ ГОВОРIT ИМЯ НИКОЛАЙ ВИРТА?
– А КТО ТАКОЙ НИКОЛАЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КАРЕЛЬСКИЙ?
– ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ РОМАНЫ «ОДИНОЧЕСТВО», «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»? КТО ИХ АВТОР?
НИ НА ОДИН ИЗ ЭТИХ ВОПРОСОВ, ЗАДАННЫХ ГРУППЕ МОЛОДЁЖИ, В КОТОРОЙ БЫЛИ И СТУДЕНТЫ-ФИЛОЛОГИ, ОТВЕТА НЕ БЫЛО.
ДА, К СОЖАЛЕНИЮ, ИМЯ ПИСАТЕЛЯ НИКОЛАЯ ВИРТЫ СЕЙЧАС МАЛО КТО ЗНАЕТ. А БЫЛО ВРЕМЯ, КОГДА ЕГО РОМАНАМИ ЗАЧИТЫВАЛИСЬ, ПО НИМ ПРОВОДИЛИСЬ ЧИТАТЕЛЬСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ, ПИСАЛИСЬ КУРСОВЫЕ И ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ...

Известный писатель и журналист Николай Евгеньевич Карельский (Вирта – его псевдоним), четырежды лауреат Государственной премии СССР, – наш земляк: он родился 3 декабря 1905 года в селе Каликино, недалеко от Токарёвки. Детские и школьные годы прошли в селе Большая Лозовка, куда семья будущего писателя переехала в 1911 году...

Здесь необходимо сделать важное уточнение, касающееся даты рождения Вирты. В некоторых справочниках, очерках о писателе, в «Тамбовской энциклопедии» указано, что

писатель родился 6 декабря 1906 года... Известный тамбовский архивист Галина Ивановна Ходякова, не раз выступавшая в средствах массовой информации с уточнением фактов, касающихся биографий известных людей, связанных с Тамбовским краем, писала и по поводу даты рождения Николая Вирты – в статье «Когда родился Николай Вирта?», опубликованной в газете «Тамбовская жизнь» 22 октября 2005 года.

Как истинный архивист, Галина Ивановна ссылается не на справочники, не на

литературные «авторитеты». Только – на документы. Вот что она писала в упомянутой статье: «В метрической книге Ильинской церкви села Каликино за 1905 год читаем: “Декабрь. Рождение – 3-го дня, крещение – 4-го дня. Имя родившегося – Николай. Звание, имя, отчество и фамилия родителей – священник села Каликина Ильинской церкви Евгений Степанов Карельский и законная жена его Елизавета Васильева, оба православные...”»

И далее Галина Ивановна добавляет: «В архивном фонде Тамбовской духовной консистории... имеются сведения о священнике Евгении Степанове Карельском, где, в частности, говоря о составе семьи, он указывает: сын Николай, рождён 3 декабря 1905 года».

[Понятно, что дата обозначена по старому стилю, а по новому стилю мы отмечаем день рождения писателя 16 декабря].

Откуда же берёт начало ошибка в дате рождения писателя (на год с лишним!)? Прежде всего, сам Николай Вирта в книге «Как это было и как это есть» (издательство «Советская Россия», 1973), представляясь читателю, пишет: «На всякий случай упомяну, что родился я в 1906 году...» Ну как не поверить самому автору? Однако вот что по этому поводу высказывали архивисты, историки, краеведы. Вернёмся снова к статье Галины Ивановны Ходяковой «Когда родился Николай Вирта?».

«В беседе с профессором ТГУ В. Канищевым, – пишет она, – выстраивались разные версии этого явления. Предполагали, что могло не остаться на руках документа о рождении после гибели отца и позже записали по памяти, может быть, по сугубо личным семейным обстоятельствам, так как первозданная запись в метрической книге говорит о том, что за повторным свидетельством о ро-

ждении никто не обращался. Вероятно, позже, со слов Николая Евгеньевича, ему был выдан паспорт с той датой рождения, которая и коучет из издания в издание до сих пор...»

Путь в литературу Николай Вирта начал с журналистики: в 1923 году он работал репортёром «Тамбовской правды», затем сотрудничал в газетах Саратова, Костромы, Москвы. Об этом в своё время подробно писал журналист Иван Игнатьевич Овсянников в одном из выпусков информационного бюллетеня «Вестник ветерана» (октябрь – ноябрь 2000 года). Его статья «Вирта начинался в “Тамбовке”» проиллюстрирована снимком, где писатель запечатлён с коллективом газеты в свой последний приезд в Тамбов в июле 1971 года.

Нельзя не отметить достойные внимания факты: именно в «Тамбовской правде» впервые были напечатаны фрагменты из романов Николая Вирты «Одиночество», «Закономерность». В 1947 году газета опубликовала его киносценарий «Сталинградская битва». Писатель принимал самое активное участие в литературной жизни Тамбова, подготовил вместе с другими авторами четыре выпуска альманаха «Литературный Тамбов»...

Журналистская работа во многом способствовала литературной деятельности писателя: он много ездил по стране, побывал почти во всех районах и городах Тамбовской области. В его книгах центральное место занимают люди, принимавшие активное участие в значительных событиях родного края...

В 1935 году в журнале «Знамя» был полностью опубликован роман Николая Вирты «Одиночество», за который писатель был удостоен Государственной премии СССР. По мотивам этого романа композитор Тихон Хренников написал оперу «В бурю». В 1938 году, также в журнале «Знамя», был напечатан роман «Закономерность». Оба произведения вызвали необыкновенный интерес читателей и критики.

Перед началом Великой Отечественной войны Николай Вирта написал первые главы романа «Вечерний звон», однако работу над этим большим произведением пришлось прервать. В качестве военного корреспондента «Правды» Вирта побывал на многих фронтах. Он воочию видел мужество советских солдат,

их отвагу в борьбе с врагом. Выбирая минуты перед боем или после боя, Николай Евгеньевич беседовал с бойцами, убеждался в их неустрашимости и беззаветной вере в победу. Его корреспонденции о подвиге бойцов печатались в центральных газетах. Личные наблюдения и встречи стали основой сценария «Сталинградская битва».

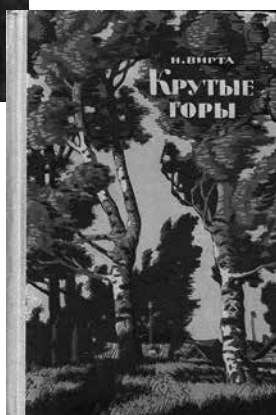
Много значительных, незабываемых событий из военной биографии писателя воспроизведены по его воспоминаниям в книге «Николай Вирта», изданной в Тамбове в 1976 году. Один эпизод проливает свет на появление псевдонима Николая Евгеньевича Карельского:

«Однажды подразделение, с которым шёл Вирта, прорвалось к берегу небольшой реки.

– Гляди-ка, товарищ писатель, – с удивлением произнёс красноармеец, разглядывая табличку, укрепленную около взорванного моста. – Вашим именем тут речка названа.

На табличке красовалась надпись: "Вирта". Не знал, конечно, молодой боец, что из этих мест выселила когда-то русская царица непокорных северян подальше от столицы, в далёкую Тамбовскую губернию. Обосновались

они на новом месте, построили дома, и возникла деревня, в которой почти каждый второй житель носил фамилию Карельский. В память о своих далёких предках взял писатель псевдоним по названию северной речушки...»

После войны писатель завершил роман «Вечерний звон», написал пьесу «Хлеб наш насущный», другие произведения, достойные занять значительное место в русской литературе. Большой общественный резонанс вызвал роман «Крутые горы», написанный, по словам самого автора, «с натуры»: прожив несколько лет в селе Горелом, Вирта описал реальные события и их участников...

Жизнь писателя была далеко не безоблачной. За принципиальную позицию, за честное описание исторических событий он не раз подвергался критике. Публично ему вменяли в вину, конечно, не это, а то, что он «живёт баринком, построил себе дом за забором...» Его исключили из Союза писателей СССР. Правда, потом восстановили. И если исключение было «обставлено» достаточно громко, то восстановление прошло, как выразился сам Николай Вирта, «втихаря».

Об этом сложном периоде жизни писателя рассказала ещё в прошлом веке в тамбовских газетах журналистка Клара Стратилатова, которая не раз встречалась с Виртой и брала у него интервью (газета «Тамбовская правда», 18 сентября 1987 года; ежеквартальник «Литературный Тамбов», № 4, декабрь 1991 года)...

Хорошо, что в последнее время возрождается интерес к советским писателям, к их произведениям о Великой Отечественной войне, о других значительных событиях в жизни страны, участниками которых они были.

Николай Евгеньевич Вирта ушёл из жизни 15 января 1976 года, но земляками он не забыт: его имя носит Токарёвская районная библиотека и одна из улиц Тамбова. На доме, где жил писатель (улица Энгельса, 8), установлена мемориальная доска. **А**

Валентина ТИХОНОВА

Николай ВИРТА

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Никто не знает, с кого повелись Дворики; никто не помнит первых здешних земледельцев.

Ни в церковной летописи, ни в памятных записях близлежащих усадеб, ни в уездном и губернском архивах не найти ничего, что пролило бы хоть слабый луч света на историю села.

Расположенное вдали от столбовых дорог, оно в течение веков ничем среди прочих сёл достопамятной Тамбовской губернии не выделялось, искусными кружевницами или добрыми кузнецами не славилось, разгульных ярмарок тут не бывало, престольные праздники справлялись без особой гульбы.

Томительно-однообразное, тянулось село вдоль пыльной дороги на полторы версты, и глазу путешественника не на чем было остановиться...

Избы, сложенные из самана, были так похожи одна на другую, будто их строил один человек, лишённый фантазии. Саман быстро разрушался, стены оседали или их выпирало, и многие избышки держались на подпорках; соломенные крыши прорастали зеленоватым мохом. К весне и такие крыши бывали в редкость – солома с них шла на топку, а в худые годы на корм скотине, и жерди, составлявшие клетку крыш, тоскливо торчали под белёсым весенним небом. Плетни, поставленные в стародавние времена, сгнили, покосились или завалились. И куда

бы ни упал взгляд, всюду ветхость, бедность, грусть...

И природа под стать селу: равнины с речушкой, высыхающей в начале лета, чахлые ивы вдоль берегов, а вокруг поля, по которым гуляют зимние вьюги, летние пыльные вихри и осенние мутные туманы. Ни тенистых дубрав, ни рощ, ни тихих прозрачных озёр; лишь изредка набредёшь на болото с мутной водой – от неё даже скотина отворачивается.

Близкие к селу земли давно отощали. Бейся над ними, не бейся – никакого толку! С голоду, может, не помрёшь, но и вдоволь сыт никогда не будешь. Дальние земли побогаче, пожирней, да недаром зовутся «дальними» – тяжела туда езда по бездорожью, через дикие буераки. Ни сенокосов, ни хорошего выгона, ни водопоев...

Скучные места. Беспредельные дали!

В течение долгих времён в селе и в округе не было отмечено каких-либо бросающихся в глаза перемен. Неизменными оставались внешний облик окрестных мест, уклад жизни, обычаи. Но вера в лучшее будущее и в скорый конец юдоли нищеты и горя не переставала согревать здешних людей.

2

Как повелось исстари, село делилось на два «конца» – Дурачий и Нахаловку. В Дурачем конце бедность была извечной, и люди как бы отдались в её полную власть. Безысходная нужда породила робость, подчас похожую на тупость, отчего, вероятно, и родилось название этой вечно унижаемой и оскорбляемой части села.

На другом конце главной улицы, в Нахаловке, жили те, у кого сундуки были набиты разным добром, кто к обедне и в жару и в холод ходил в калошах, у кого во дворе стояли сытые лошади, удойные коровы и овцы без числа. Нахаловка презирала жителей Дурачьего конца, а те платили нахаловцам откровенной ненавистью.

Между этими полюсами, на Большом порядке, обитало прочее население Двориков, колеблемое жизненными ветрами из стороны в сторону.

...Каждую зиму, в весёлые масленичные дни, мужики ходили друг на друга стенкой.

В этих жестоких драках на льду, освящённых временем, сытые сынки нахаловских кулаков обычно избивали задорных обитателей Дурачьего конца, и ярость бедняков, питаемая поражениями, росла и укреплялась.

Бушевала в селе междоусобица, часто набат и зарево будили народ. Кто поджжёт? За что поджжёт? Пойди разберись!.. Трещали плетни, люди выламывали колья, где-то возникала драка, появлялись ножи и топоры, лилась кровь.

Тщетно попы грозили баламутчикам карами божьими – ничего не могло примирить врагов.

Да и как их примирить! «Нахалы» захватили лучшие земли, им принадлежали водопойные колодцы и полевые болота, удобные для выкладки самана, на сходках сила была в их руках. «Нахалы» ходили в волостных старшинах и в сельских старостах.

...Но что же, однако, привело сюда первых поселенцев? Чем прельстило их это печальное однообразие? Кто были эти люди?

Быть может, какие-нибудь души, обуянные мечтой о вольных и тёплых краях, шли с севера, заблудились, остались на зиму, поставили здесь первые дворы, а от них и пошли Дворики; быть может, ими были ратники, отставшие в походе от войска, или беглые рабы хоронились от воевод в этих неисхоженных, неизъезженных местах... Бог весть!

И никто не знает, с кого повелись Дворики, да и не узнать того никогда!..

3

До отмены крепостного права дворовские мужики были рабами захудалого княжеского рода Улусовых.

Модест Петрович Улусов и верить-то не хотел, будто его рабов «освободят». Все кругом говорили об ожидаемом указе, а Модест Петрович стоял на своём: «Государь-батюшка такого позора, чтоб я, князь по крови, и мужик на одной линии стояли, ввек не допустит!»

Водилась у него, между прочим, собака, преотличная борзая сука, тихая, кроткая, голосу, бывало, без дела не подаст. Вдруг зимой 61-го года как начала сука выть, да так и провыла до февраля.

Улусов перепугался: «Не иначе, по мне собака плачет!»

Ан и взаправду навывла – манифест вышел.

Улусов собаку со злости пристрелил, но крестьян всё-таки пришлось отпустить.

Царь-батюшка наделил своих рабов землицей. За эту надельную землю «свободные» мужики должны были выплачивать казне выкупные. Выкупные оказались немалыми, а земли дрянными, малоплодородными.

Народ прозвал эти наделы «кошачьими».

Поля дворовских крестьян тянулись от села узким полотенцем на тридцать с чем-то вёрст. Посреди были вкраплены куски хорошей земли, оставленные барину. Его же земли подходили к самой сельской околице и вклинивались в крестьянские наделы.

Отрезанные барину земли, или, как их называли в простонародье, отрезки, преградили крестьянам пути к водопоям, к проезжим дорогам и к пастбищам. Короче говоря, притесняли они мужиков до крайности.

В соседних деревнях и сёлах, ранее тоже принадлежавших князьям Улусовым, мужики быстро сообразили, какие беды могут для них произтечь от проклятущих отрезков. Они залезли в долги, но купили их у барина в вечное владение.

Двориковские мужики, слывшие у помещика упрямцами и гордецами, отказались от предложения Улусова взять у него за бешеную цену землю сверх надельной. И отрезки не за-

хотели покупать. Они были в полной уверенности, что воля объявлена не вся, что скоро последует новая царёва милость, по которой земли дадут больше, чем дадено, что указ на этот счёт имеется, но пока что скрывается барами от крестьянского люда.

Это убеждение подогревалось древней легендой о беспечальной жизни в прошлые времена.

Старожилы рассказывали слышанную ими от дедов и прадедов сказку, будто в те отдалённые годы росли кругом дремучие леса, текли широкие реки и необозримо расстилались по их берегам поля. И всеми лесами, населёнными разным зверьём, водами, богатыми рыбой, и тучными землями владели дворикиевские мужики, поселившиеся тут бог знает когда.

Жили они, поживали, не зная никакого начальства, без оборов и податей, без голодовок и нужды, пахали землю, и не было ей конца-краю.

Потом, говорили старики, пробился в глушь воевода, посланный царём Алексеем Тишайшим, переписал дворы, наложил подати, и настало лихолетье – повадился тот воевода в Дворики и грабил мужиков нещадно.

Случилось, забрёл сюда же атаман – он познал всю людскую нужду и воевал за вольные мужицкие права. Дворикиевские мужики пожаловались атаману на воеводу, на его бесстыдные притеснения. Атаман вызвал воеводу на честной бой. Воевода, испугавшись, убежал. Атаман догнал его и убил.

«Тогда, – повествует легенда, – послал царь ещё одного воеводу с войском, чтобы наказать атамана. Стали стрельцы постоем в Двориках, начали вести сыск, стали атамана выслеживать, а он сам объявился перед воеводой и рассказал, как всё было. Этот воевода был человек справедливый, атамана и мужиков не тронул, а вернувшись к царю, поведал по совести о случившемся. За справедливые речи и бесстрашное суждение царь одарил воеводу соболями, а дворикиевским мужикам послал Грамоту, по которой вся земля в округе отдавалась им, их внукам и правнукам навечно. Эту Грамоту царь приказал вписать в Книгу Печатную. И было в неё ещё вписано, что ежели кто-нибудь посягнёт на земли, реки и леса, отданные дворики-

ским мужикам, вольны они жаловаться князю Астраханскому, князю Рязанскому, князю Владимирскому, князю Казанскому, князю Новгородскому и князю Тверскому и вызывать их на Полевой Суд. И все эти князья (в том им царь сделал упреждение) должны съехаться в Дворики, поставить среди чистого поля, под ясным небом и под светлым солнцем стол, положить на него царёву жалованную Грамоту и Книгу Печатную и, поцеловав крест и дав обет судить праведно, разобраться в деле, обидчика дворикиевских мужиков примерно наказать, а все отнятые земли или какие иные угоды им вернуть и на том составить Большой Приговор и приложить свои княжеские печати для назидания и предотвращения могущих быть таких же происшествий».

Царь приказал также прочитать мужикам Книгу Печатную, чтобы они знали, как добёр государь Великия, Малыя и Белья Руси, а атаману велел царь сказать, что прощает ему пролитие крови, зовёт его к себе на службу и награждает арабским конём, седельцем, шитым жемчугом, уздечкой и всей конской справой чистого золота, кинжалом дамасской работы и острым заговорённым мечом, чтоб разил им царёвых ослушников.

Не доехав до Двориков, воевода помер, людишки его разбрелись кто куда. Лишь стрелец, охранявший Книгу Печатную и Грамоту, добрался до Двориков, да тут же и помер от злой хворобы. Грамоту мужики положили в церкви за икону Покрова Богородицы, а Книгу Печатную порешили отдать на сохранение атаману; в ней прописаны были все мужицкие права, вольности и правда – ими же жить крестьянскому люду до скончания веков.

«Меж тем, – продолжала свой сказ легенда, – начали бояре нашёптывать царю: "Не много ли-де тобой, пресветлый государь, дано этим хамам-мужикам, не возгордятся ли, не начнут ли нас, бояр, ни во что ставить?" Царь бояр не послушался, но когда он помер да когда случилось его неразумному сыну Ивану сесть на престол, бояре забрали над ним власть и послали на атамана войско, чтоб отобрать у него Книгу Печатную, а у мужиков Грамоту. Услышав о

том, дворицкие мужики Грамоту спрятали подальше, а атаману пришлось принять бой с боярской дружиной.

– Книгу Печатную, – сказал он, – не отдам. На то я Богом и царём поставлен воевать за вольные мужицкие права.

Перед боем – он случился в день Пасхи – атаман, почуяв неминуемую гибель, призвал знахаря и одному ему объявил свою волю.

– Если мне доведётся в бою принять смерть, – сказал он, – тайно от всех закопай моё тело, моего боевого коня, драгоценное оружие, а также Книгу Печатную в кургане у Лебяжьего озера, что в трёх верстах от Дворицких. Заколдуй могилу святым колдовством, чтобы мог достать Книгу Печатную человек добрый, неимущий, невысокородный, понявший всё человеческое горе и самую злую нужду.

Потом атаман позвал есаула и велел ему убить знахаря и всех, кто будет хоронить атамана. Потом он позвал сына и приказал ему убить есаула после того, как тот убьёт знахаря, а убив есаула, самому умереть на вершине кургана, заколов себя кинжалом.

Так всё и было сделано. В смертной схватке с боярской дружиной атамана убили. Знахаря похоронил атамана и закопал с ним его оружие, и деньги, и Книгу Печатную в кургане у Лебяжьего озера и заколдовал могилу. Есаул убил знахаря, атаманский сын убил есаула и сам закололся на вершине кургана...»

С тех пор каждый год в пасхальный день, когда стемнеет, зажигается будто бы на кургане яркое пламя, а ветер разносит волшебный вечерний звон, исходящий из-под земли.

4

Царская Грамота, в которой писано, что все земли в округе переходят во владение дворицких мужиков, пропала. Может быть, она сгорела во время бесчисленных пожаров, истреблявших село, может быть, как думали старики, её украли бары. Некоторые доказывали, что Грамоты вовсе и не было: всё это, мол, сказки.

Даже близко к описываемой поре находились люди, которые свято верили, что Грамота будет найдена. Не сомневались они и в том, что

некий человек вызволит из атаманской могилы Книгу Печатную.

Тогда соберут мужики на пашне Полевой Суд, позовут на него князей, и эти справедливые люди признают за Грамотой и Книгой Печатной всю их силу; а земля, отобранная у мужиков царицей Катериной и отданная господам Улусовым, снова вернётся к тому, кому принадлежала извечно.

Какой-то далёкий отзвук о вольном народном вече слышался в этом предании о Полевом Суде. И хотя к тому времени уже давным-давно вывелись князья Астраханские, Рязанские, Владимирские, Новгородские, Тверские, Казанские и прочие, зыбкие воспоминания о тех днях сохранились в народной памяти.

Оно так уж повелось: чем бы человеку ни тешиться, лишь бы светлело что-то впереди!

5

И вдруг Грамота нашлась.

Года через три после объявления воли дворицкий поп Никифор, роясь в улусовском архиве, наткнулся на бумажный свиток времён Тишайшего царя; в нём упоминалось некое село Дворицы.

Поп бумагу из барского архива унёс и показал некоторым дворицким старикам.

Хотя к тем дням в Тамбовской губернии было с десяток сёл, называемых Дворицами, старики приговорили, что всё написанное в Грамоте о земле и правах относится к их Дворицам. Они с трепетом приняли от попа древний свиток, отслужили молебен и снова водворили Грамоту за образ Покрова Божьей Матери. Однако даже этим наивным людям было ясно, что полуистлевшая грамота, в которой с трудом можно было разобрать несколько слов, не имеет силы; она нуждалась в подтверждении. Подтверждение находилось в Книге Печатной – стало быть, надо добыть её и, благословясь, созвать Полевой Суд.

Находились в селе храбрецы, не раз пытались раскопать курган. Но всегда случалось что-нибудь такое, что пугало искателей Книги Печатной. То вдруг появится белый баран с

чёрными глазами, то нагрянет гроза и курган как бы затрясётся, то под землёй раздастся колокольный звон.

– Стало быть, не те люди берутся за дело, – решали старики.

Повезло сельскому пастуху, человеку смиренному и тихому: роя невдалеке от кургана ямку для костра, он извлёк из земли изъеденный ржавчиной кинжал.

Весть о находке стала известна всему селу, и старики порешили, что именно этим кинжалом зарезался атаманский сын. Они уговаривали пастуха попытать счастья и тронуть курган. Пастух отказался: он не считал себя достаточно подготовленным к тому, чтобы одолеть атаманское заклятье. Им, мол, должен быть человек святой, беспорочной жизни. А такого пока не находилось.

6

Между тем время шло, а милости насчёт большой воли царь не объявлял. Покупать землю в вечность могли только богатеи. Цены на неё росли каждый год: за двадцать лет с девятнадцати рублей за десятину цена поднялась до шестидесяти рублей. Худородные наделы между тем тощали, и если при дедах с десятины снимали пятьдесят пудов ржи, то внуки не снимали и сорока.

Была у села ещё одна беда: распри с барским управляющим из-за отрезков, из-за погрехов и нарушения границ улусовских владений становились всё более жестокими.

Много раз на сходках умные люди уговаривали мир купить отрезки. Наконец, доведённые до крайности, мужики дали согласие.

Однако к тому времени и Улусов оценил всю драгоценность отрезков, понял, что, владея ими, он может делать с Двориками всё, что его душе угодно. Управляющему был отдан приказ: отрезки не продавать.

Село приуныло, а Улусов похвалялся перед соседями:

– У меня двориковские мужики как караси на удочке. Я их отрезочками под самые жабры подцепил. Я их заставляю на меня работать, как они и крепостными, мерзавцы, не рабывали!

Долго старики уговаривали барина пожалеть общество. Поломавшись, Улусов согласился, но выставил условие: теснившие село отрезки он отдавал не за плату, а даром, и предложил мужикам ещё две тысячи десятин в вечную аренду. Взамен мужики – разумеется, речь шла о бедноте и крестьянах среднего достатка, – должны были обрабатывать остальную барскую землю и весь урожай с неё свозить в имение.

Сначала крестьяне ничего не поняли. Что-то уж слишком щедр князь-батюшка! Отрезки отдаёт даром и в аренду просит принять две тысячи десятин! Чудно... А потом уразумели. Улусов, привыкший к тому, что земля его обрабатывалась дешёвыми рабочими руками, разорился. Вольнонаёмные рабочие стоили дорого, да и работали они кое-как. Вот он и вздумал обмануть мужиков и, отдав им ненужные отрезки, получить даровую рабочую силу и тем спасти хозяйство от окончательного разорения.

Мир, смекнув, что вместо одних кандалов на него надевают другие, отверг барское предложение. Тут-то и посыпались на Дворики бесконечные взыскания за неуважение к господской собственности. Выйдет курёнок на отрезок – штраф, проедет мужик к своему полю по барской меже – штраф, прогонит пастух стадо к водопою через барскую землю – штраф!

Мужики платили штрафы или давали подписку заглатить долг в указанный барином срок. Приходил срок, и управляющий являлся за долгами. Мужики валились ему в ноги и просили обождать. Управляющий снисходил к ним, но долг сразу вырастал вдвое. Наступало время, снова появлялся управляющий, и долг вырастал уже в четыре раза. Да к расписке ещё добавлялось, что ежели, мол, я, такой-то, не заплачу долга в срок, то и лошадь моя, и корова моя, и изба моя, и всё, что в ней сыщется, поступают за неустойку. Ежели же и того не хватит для расчёта – заплатит мир.

Приближался и этот день – управляющий передавал расписку в суд. Мужики жаловались барину, тот отсылал их к управляющему. А управляющий ладил одно: берите отрезки, две тысячи десятин в аренду за отработку и богатеите с богом!

Мужики продолжали упорствовать.

Улусов бесился от ярости. Сынок его, Никита Модестович, служил в гвардии и стоил так дорого, что денег, выколачиваемых из оставшейся земли, едва хватало на переводы в Питер.

Сам князёк был избалован привольной барской жизнью, любил покутить, каждый год ездил на целебные воды Карлсбада и шалил с тамошними дамочками, падкими на богатых русских старичков.

Он заложил и перезаложил имение, распродал леса, часть земли, а золото утлывало из рук так же быстро, как и приплывало.

И всё-таки Улусов одолел двориковских мужиков. Недоимки, долги, недороды подкосили их.

Покричав для порядка, мужики в конце концов согласились на барские условия и подписали с Модестом Петровичем договор: отрезки он отдаёт селу, мужики берут у него в вечную аренду (мир особенно нажимал на вечность аренды) две тысячи десятин за обработку остальной барской земли кругами. А это означало, что каждый хозяин обязан был обрабатывать барину три десятины – пара, ярового, озимого: посеять, снять и засыпать хлеб в барские закрома.

Модест Петрович укатил в Карлсбад, оставив доверенность на ведение дел новому управляющему – Карлу Карловичу Фрешеру.

Фрешер принялся выколачивать из мужиков отработку с немецкой аккуратностью.

7

Забывшее слово «барщина» снова появилось в обиходе двориковской голытьбы. Мужики оставляли под дождём свои скошенные хлеба, чтобы возить снопы с барских полей, оставляли невспаханной свою землю, чтобы пахать улусовскую.

Фрешер рассуждал так: если мужик, отработав на барина, как уговорено, запустит свои поля и помрёт от голода, на его место родится другой. Но прежде чем умереть, он должен обработать помещичью землю или уплатить неустойку. «Чем больше я собираю долгов, тем щедрее будет ко мне Улусов, тем чаще я буду получать наградные, тем скорее уеду в свой

фатерланд и открою там большое пуговичное дело». Так рассуждал Фрешер, и мысли его не расходились с делами.

Он жестоко взыскивал долги и неустойки. Мужикам было тяжело. Фрешер отказывался входить в их положение. Он ненавидел их всех скопом, как всё русское вообще. Подобно псу, он стоял на страже интересов Улусова, то есть своих интересов. Община должна выполнять договор с Улусовым. Если условий договора не выполнял хотя бы один из мужиков, за него отвечала вся сельская братия. Фрешер сознавал, что круговая порука – варварство, но он был уверен в том, что Россия, в отличие от милого сердцу фатерланда, есть варварская страна с варварскими обычаями, и не ему, Фрешеру, их ломать.

Долги висели над двориковскими мужиками, как громовая туча, готовая в любой момент смести их с лица земли. Но и опутанные долгами, они никак не могли отказаться от аренды – отказ от неё означал бы для них отказ от жизни.

Когда Фрешер видел, что петля грозит вот-вот оборвать жизнь «мужичья», он ослаблял петлю, чтобы потом снова затянуть её потуже.

Крестьяне ненавидели Фрешера, жаловались на него Улусову; тот раза два-три выговаривал управляющему.

В мужицкой передаче речи барина к немцу представлялись в таком виде:

– Ты бы, сукин сын, пожалел русских мужиков! Что ж ты их и по делу, и по пустякам в ничтожество низводишь, немец проклятуший? Ты соображай: мужик – он, ясно, раб. То от Господа положено со времён Адамовых, и, уповаю, до скончания веков такожде будет. Только и раба до смерти душить нельзя. Ты его, подлеца, настращаешь, а он работать начнёт из рук вон скверно. А чьи убытки? Мои или твои?

После барских нотаций Фрешер обычно собирался уходить со службы, народ в Двориках радовался, но каждый раз напрасно: немец оставался. Как барин и управляющий мирились, того никто не знал. Возможно, что и ссорились они для вида. Однако господин казался мужикам добрее окаянному немца. Сильно горевали в Двориках, когда из Карлсбада пришла весть о смерти Модеста Петровича.

Пётр САЖИН

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ХРОНИКА

Штрихи к биографии Петра Сажина

Севастополь – город морской. Наверное, поэтому самая лучшая и самая старая библиотека – Морская. Она основана ещё в 1822 году усилиями Лазарева, Корнилова, Нахимова – имена этих флотоводцев многое говорят севастьяпольцам.

Морская библиотека интересна не только своим многотысячным фондом книг, но и тем, что здесь можно увидеть писателя, в каком бы городе страны он ни жил. И именно в Морской библиотеке я в своё время познакомился со многими прозаиками и поэтами... И, конечно, когда узнал, что гостем Морской библиотеки будет автор только что прочитанного мною романа «Севастопольская хроника», то пришёл задолго до начала встречи...

Я, конечно, знал и до этого биографию Петра Александровича Сажина, знал и его

книги: «Капитан Кирибеев», «Трамонтана», «Сирень», полюбил его повесть «Три часа», рассказывающую о жизни военного врача-черноморца, погибшего в осаждённом Севастополе в 1942 году... Знал, что писатель в годы войны был военным корреспондентом и сам пережил всё, о чём пишет в своих книгах. Его очерки и статьи, написанные во время обороны и освобождения Севастополя, печатались в газетах «Красный черноморец», «Красный флот», «Красная звезда»... И что «Севастопольская хроника», прежде чем стать книгой, писалась во фронтовых блокнотах: «...в землянке при свете свечи из медной гильзы, заправленной бензином, на палубе корабля, в тряском кузове грузовика...». Знал, что его перу принадлежит ставшая теперь уникальной небольшая книжечка «Щит Севастополя»,

изданная в 1945 году. В ней он писал о первом дне освобождённого Севастополя:

«Мы долго не могли оторвать глаз от тельняшки и бескозырки, поднятых матросами над городом вместо флага как символ чистоты и бессмертия русской морской души. Под стеной одного из уцелевших домов мы видим танк. Он первым влез на крепостной вал Сапун-горы и первым прорвался в город. Тельняшка и танк, матрос и солдат – щит Севастополя...»

Голос у Петра Сажина тихий, извиняющийся. Словно боится, что все мы, сидящие в зале, что-то напутали и воздаём ему почести по ошибке. Будто кто-то другой, а не он написал много толстых книг...

– Задавайте вопросы, товарищи, – тихо просит Сажин.

У библиотекарей и первый вопрос профессиональный: о значении библиотеки для писателя.

– Для меня библиотека что храм для верующего, – отвечает Сажин. – С трепетом душевным я готов поклониться каждой брошюре, каждой буквке...

– Сколько лет вы писали «Севастопольскую хронику»?

– Шесть лет и всю жизнь. Простите за банальный ответ, но это так. Всю жизнь и шесть лет корпения за письменным столом. Писал трудно. Я человек, в литературном отношении не современный – все данные держу в голове, не научился пользоваться документами. К ним прибегаю только в редких случаях. А книга же моя – до-ку-мен-таль-на!.. Трудно далась книга не только мне, но и моей жене. Вы не думайте, что если у меня тихий голос, то я такой же тихий человек, – улыбается Сажин. – Шесть лет я писал книгу, и все шесть лет она приближалась ко мне только на цыпочках. Не завидую своей жене, не завидую всем писательским женам!.. Но они терпят. Хочется думать, из-за любви к нам. За это им всем низкий поклон, и пусть жена простит меня за те муки, которые причинил ей вольно или невольно.

Сажин встал и поклонился жене, заставив смутиться эту симпатичную женщину.

Потом была экскурсия по Морской библиотеке. Специально для Петра Сажина. Вёл её сам директор, подчёркивая тем самым торжественность церемонии.

– Не тяжело ходить? – то и дело обращался директор к писателю. – Не слишком ли я спешу?

Вопросы по существу: Сажин ходит тяжело, с трудом преодолевая трёхэтажные лестничные марши. Выручает палка, на которую он опирается: с Великой Отечественной войны Сажин вынес не только ратный опыт, но и тяжёлые ранения.

Директор распахнул двери одной из комнат и торжественно провозгласил:

– Фонд редких изданий!

Здесь были книги не только редкостные, но и с удивительной судьбой. Вот книга А. Лавинцева «Под щитом Севастополя». В июне 1942 года, когда фашисты захватили северную сторону города, держался только небольшой гарнизон Константиновского равелина. В перерывах между атаками защитники читали эту редкостную книгу, изданную ещё до революции. Дочитать не успели... Но когда покидали пылающий рavelин, не забыли о книге: закопали её в землю, вложив между страниц записку: «Вернёмся в Севастополь – дочитаем».

Вернулись! К горю нашему, не все... Но живые дочитали книгу и подарили её Морской библиотеке.

– Я был тогда в Константиновском рavelине, – тихо произносит Сажин, – я был знаком со многими, которые не успели дочитать...

Константиновский рavelин «запирал» вход в Северную бухту, ту самую бухту, о которой Пётр Сажин сказал в своей «Севастопольской хронике»:

«В этой бухте живёт дух матросский. Глядя на боевые корабли, так и хочется сказать: "Здесь русский дух! Здесь Русью пахнет!" Да, всё здесь, на этой воде, венчано на вечность, начиная с матросов Ушакова, Лазарева, Нахимова, а за ними матросов Шмидта, затем бесмертных революционных моряков и, наконец, матросов Великой Отечественной войны...»

В фонде редких изданий имеется полный комплект журнала «Морской сборник», начиная с первого номера, вышедшего в 1848 году... Журнал одного из батальонов 13-й интернациональной бригады имени Домбровского, сражавшейся против фашизма в Испании в 1936–1939 годах... «Слово о полку Игореве», изданное в 1800 году, и первое издание драмы Александра Пушкина «Борис Годунов», помеченное 1831 годом.

Хранятся в редком фонде и «Устав воинский Петра Первого» (1716) и «Первый морской устав России» (1763)... И ещё много, очень много редких и замечательных книг.

Сажин внимательно слушает пояснения, и можно только удивляться ему. Давно я не видел человека, который умеет вот так «вкусно» смотреть на книги. В сажинских глазах можно было прочесть всё: преклонение, восхищение, удивление.

– Хотите увидеть собственноручную записку Петра Первого? – директор говорит нарочито спокойно, словно речь идёт о плакате, выпущенном вчера двухмиллионным тиражом.

– Царя Петра?! – удивляется Сажин.

– Его самого, – с достоинством отвечает директор, и, глядя на него, можно подумать, что это он заставил Петра I оставить автограф для Морской библиотеки.

Конечно, автографы Петра I можно увидеть в музеях Москвы и Санкт-Петербурга... Но всё же редкая библиотека может похвастаться таким документом!

Директор извлекает из сейфа автограф. Пётр Сажин прочитывает лишь машинописный текст, приложенный к автографу Петра I, – подлинные документы доступны сейчас лишь специалистам.

Потом я пошёл провожать Петра Александровича Сажина в гостиницу... Мы шли по расцвеченному городу, был праздник тридцатилетия освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков. Нам встречались убелённые сединами люди. На груди у них – фронтовые ордена и медали. Всё было так, как об этом сказано в «Севастопольской хронике»:

«Матросы Великой Отечественной войны! Сегодня их особенно много в Севастополе... Одни отмечают "круглую дату" с момента подъёма флага, другие – награждение орденами, третьи – присвоение гвардейского звания. Севастопольские гостиницы занимают то подводники, то морские лётчики, то катерники, то морская пехота...»

Повесть «Севастопольская хроника» – лучшая из книг о Севастополе, написанная в послевоенные годы. Первыми это признали читатели-севастопольцы. Они первыми и поздравили писателя, когда совместным решением секретариата правления Союза писателей СССР и Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота повесть Петра Сажина «Севастопольская хроника» была удостоена серебряной медали имени А. А. Фадеева. **А**

Михаил ЛЕЗИНСКИЙ

Возвращение на Итаку

Послевоенный Севастополь. Поздняя осень. У разбитого вокзала готовый к отходу поезд Севастополь – Москва. Это был не комфортабельный, но зато весёлый поезд. И проводы тёплые, памятные, железные объятия, неловкие, но крепкие поцелуи, чарочка (уже не «наркомовская», а подручная) – прощались с флотом, службой и морем.

Поезд медленно выбирался из черты города – он шёл близ бухты, по Корабелке, где добрую сотню лет селились отставные матросы, кондукторы и боцманы. Поезду махали стар и млад: здесь, как уверяют местные жители, даже мальчишки чуть ли не с грудного возраста начинают носить тельняшки.

Когда поезд вышел к Чёрной речке и напротив открылись скалы, в которых в незапамятные времена были вырублены кельи пещерного монастыря, какой-то матрос попросил у друга бескозырку, вылез на крышу вагона, снял с головы свою и начал двумя «писать». Сейчас уже никто не знает вылившихся из уст матроса горячих слов – их не занесли, как говорили в старину, в «шканечный журнал». Но, как передают, матрос, писавший двумя бескозырками с крыши вагона, наказывал оставшимся на флоте беречь честь моряцкую, не забывать, где они находятся... Написав, матрос «поставил точку» и ждал, ответят ли корабли. Ждали все, кто ехал в этом поезде, – многие стояли у окон, устремив взоры на Северную бухту, – там на рейде стояли корабли.

Поезд уже проскакивал Инкерманскую долину, а ответа ещё не было. Что случилось?

Может быть, прозевали сигнальщики кораблей? Нет, такого ещё не бывало на флоте! А поезд вот-вот пересечёт Инкерманскую долину, возьмёт чуть-чуть влево и затем выйдет на прямую. А там курс на норд – и прощай, Севастополь. Пойдут туннели, и кораблей больше не увидать!

По вагонам – шёпот: «Что же такое, почему не отвечают?»

И вдруг с учебного крейсера, стоявшего ближе всех к Инкерману, пошёл семафор: «От имени личного состава Черноморского флота...» и т. д.

По вагонам – вздох. «Братцы, – слышалось в коридоре, – ответил фло-от. Счастливо, говорят, добраться до родных причалов! Держите, говорят, высоко честь флота. Матрос – везде матрос!»

...Поезд выскочил из туннеля, замедлил ход у полустанка Мекензиевы Горы. Это место часто появлялось в 1941 году в сводках Совинформбюро во время штурма Севастополя. Кое-кому из демобилизованных пришлось хлебнуть здесь «по завязку». И на этом крохотном, но героическом полустанке поезду, вернее пассажирам его, были оказаны честь и тепло чувств.

Но ни этот полустанок, ни ежеминутное отдаление от города, с которым сроднились за годы службы, за годы тяжёлой войны, не изымали из памяти всего того, что составляло суть жизни последнего десятилетия.

В глазах всё ещё стоял разрушенный, горящий Севастополь. Хотя на улицах его давно не было ни битого кирпича, ни скрюченного

железа, ни хрупавшего под ногами стекла – всё это было убрано ещё в сорок четвёртом, вскоре после освобождения, – город всё ещё лежал в развалинах.

Правда, кое-где появились вывески и фанерные стрелы-указатели: там-то такое-то учреждение. Зайдёшь – подвал подвалом, только расчищено, да побелено, да пол настил, столы расставлены, телефоны проведены, кабинеты начальникам выгорожены, и «пишет губерния».

Кое-где появились светлые, под шифером такие непривычные у южного моря финские домики. На улицах зазвенел девичий смех, и на развалах замелькали каштановые мускулистые спины матросов – город с помощью моряков, местных жителей и приезжих романтиков медленно вставал из пепла.

Делалось это пока ещё медленно – архитекторы продолжали спор о том, каким должен быть новый Севастополь. Солидными, в драпе и под шляпами, ватажками они выходили из поездов, понимающе смотрели на разбитый вокзал, на пустую коробку с вывеской «Севастополь», на поваленные столбы, на горы мусора, на бурьян, возросший там, где до войны полыхали розы и пышные белые акации; бродили по развалинам, взбирались на нагорную часть Севастополя, откуда были видны извилистые берега Гераклейского полуострова, и прикидывали, что надлежит поставить здесь, под этим удивительно высоким и какой-то особенной, нежнейшей голубизны небом, на этих созданных для архитектурных чудес берегах.

Пока в умах архитекторов совершался бродильный процесс, в Севастополь из дальних, не обгаренных кровью земель – из Сибири, Приуралья и Прикамья – ехали девушки-комсомолки, ехали, запасшись сверхтерпением к неудобствам жизни и к жертвенному труду, ехали восстанавливать, или, как тогда мы писали, «возрождать легендарный город».

Конечно, суть была не в той или другой терминологии – в Севастополе было и то и другое: например, севастопольскую электростанцию действительно восстанавливали –

часть стен её после взрыва лежали на земле. Инженеры подняли их домкратами.

А вообще на большинстве развалов, по которым бегали стаи голодных и злых крыс, работали бульдозеры. Они сдвигали к экскаваторам горы мусора, а те поднимали его в грузовики. Грузовики вывозили бывший город в нежилые балки либо в воронки от бомб и крупнокалиберных снарядов...

Жить в Севастополе в то время, по сути, нигде было – люди ютились чёрт знает в каких конурах. Некоторым офицерам и матросам пришлось долго жить в трюмах, наскоро приспособленных под общежития, ошвартованных у Минной пристани «плавсредств». Попасть в подвал считалось почти несбыточным делом. Да, пожалуй, даже счастьем!

А между тем поезд увозил из Севастополя на север матросов и старшин и пришедших на флот из запаса офицеров, теперь понадобившихся стране в качестве инженеров, учителей – словом, командиров мирных сражений.

Не для красного словца, не во имя поэтизации примелькавшихся слов хочется сказать, что уезжали моряки к родным местам с сердцами, не свободными от тяжести расставания, – ведь за годы войны, когда в течение восьми месяцев в Севастополе было жарко, как в кратере действующего вулкана, и когда шла борьба за освобождение города в течение всего остального времени, он стал дорог каждому.

Да и как ни говори, а с приездом домой кончалась эта постоянная, ни с чем не сравнимая связь с тем единственным в нашем многообразном обществе коллективом, который на корабле создаётся по иным, чем на суше, законам бытия. А корабельное бытие так конструирует сознание, что в нашем большом обществе матрос – это не только профессия или звание, это – характер, и даже больше того – образ.

Адмирал Степан Осипович Макаров определял сущность морской службы всего лишь семью словами: «В море – дома, на берегу – в гостях!» Краткость и точность – суворовские. Это было верно для того времени,

когда русский флот бороздил воды Мирового океана, но потом, когда в силу разных обстоятельств наш флот чаще находился «в гостях», чем «дома», афоризм сей звучал несколько странно, особенно в устах людей, для которых всё равно, что в море плавать, что мыло варить, – их риторство разбавляло сущность макаровского афоризма холодной водой пустых слов. Но для истых моряков афоризм Макарова был своеобразной молитвой. Да. Вот почему было трудно для черноморских моряков, как они говорили, «попавших под указ о демобилизации», отрываться от моря, трудно было без грусти смотреть на места, где каждый камень, каждая горушка, балка, бухточка – всё было своё, и даже более того – родное. Хотя и потягивало туда, где прошло босоное детство, где давно уже сухими глазами плачет мать, где, может быть, ждёт жена, а то и дети, а иного, может быть, всего лишь гарь на месте очага.

И всё же сердце русского устроено так, что, где бы он ни был, чего бы (какой высоты) ни достиг, дым отечества сладок... С неохотой и тоской и, может быть, даже с грустью моряк отрывается от корабля и, как Одиссей, стремится покинуть достославный Илион и вернуться на свою Итаку.

В ту осень 1945 года много советских одиссеев стремилось на свою Итаку. Путь был нелёгок: он лежал через разорённую войной страну.

Как известно, Одиссей после двадцатилетней разлуки с Итакой получил разрешение всемогущих богов и пустился в дорогу «по хребту многоводного моря». Нимфа, богиня богинь, несравненная Калипсо, была его добрым интендантом. Четыре дня понадобилось Одиссею, чтобы построить себе корабль.

*В пятый его снарядила в дорогу богиня
Калипсо.*

*Баней его освежив и душистой облекши
одеждой,*

*Нимфа три меха на плот принесла: был
один драгоценным*

*Полон напитком, другой ключевой
водою, а третий*

*Хлебом, дорожным запасом и разною
лакомой пищей.*

*Кончив, она призвала благовеющий
ветер попутный.*

*Радостно парус наяр Одиссей и,
попутному ветру*

Вверившись, поплыл...

Гомер. «Одиссея»

Конечно, наши интенданты не были столь щедры. Да и откуда им было? С чего? Они же не боги! И наши одиссеи не докучали интендантам – лишь бы поскорей в эшелон, а там вещмешок на полку – и порядок!

В одном из вагонов, наполовину занятом флотскими одиссеями, возвращался и я на свою Итаку, тоже «попав под указ о демобилизации».

В вагоне ехали главным образом те, кого пуля обошла и штык гитлеровца минул, хотя у некоторых на груди рядом с орденами либо на рукавах пожарными лестницами громоздились нашивки за ранения.

Поезд наш пополнялся в пути: многие сели, а некоторых внесли санитары. Получили мы пополнение в Симферополе, и в Запорожье, и в Харькове. Не поскупились и другие города.

Поезд гудел и днём и ночью; какие-то расторопные люди оборачивались так, что вместо выданной армейской либо флотской Калипсо буханки чёрного хлеба в руках озорно блестела поллитровка. В этих меновых операциях заметных перерывов не было, и стакан либо крышка от трофейной «люменевой» фляжки ходили по кругу.

Пьяных не было в том дурном виде, когда человек, «укушенный зелёным змием», как говорили в краях моего детства, становится «чистой скотиной». Нет! Были весёлые и чуть грустные от резкой перемены обстановки, были и чрезмерно возбуждённые, говорливые, откровенные и щедрые и на чувства, и на мысли.

Сколько наслышался я всего и всякого! Но в кругу рябивших в глазах тельняшек и расстёгнутых, высветленных солдатским потом и жгучим южным солнцем гимнастёрок

старался не сидеть. Мне досталась счастливая средняя полка, которая в бесплацкартном вагоне лучше царской ложи в театре. Я лежал и, хитрясь быть незаметным, записывал. Надоест записывать – руки под голову, глаза в потолок и терзаю мозги думами о будущей жизни, о тех, кто остался в Севастополе, – о товарищах, кому служить и служить... Всё-таки свыкся я и с шинелью, и со службой, хотя порой она была страсть как не по сердцу! Ритм военной жизни много значит, и, когда выбываешь из него, чувствуешь себя как-то неуверенно. Моряки говорят: «Тут я выпал из меридиана... впал в прострацию!» Это очень здорово сказано! Действительно, человек, резко, на сто восемьдесят градусов, меняющий образ жизни, должен чувствовать себя примерно так же, как капитан судна, выпавшего из численного курса: куда идти? как идти?

Срочно нужно брать в руки секстант и ловить солнышко.

А где оно, моё солнышко? Может быть, вон в том железном, от немецких мин, ящике-чемодане, заполненном фронтовыми блокнотами и тетрадочками?

Иногда я впадал в дрему. Очнувшись, глядел в окно. Поезд часто и подолгу стоял. Конечно, умом я понимал, что железные дороги южного направления во время войны были разрушены: вокзалы стояли пустые, без окон и крыш, как черепа, страшные и безжизненные. Мосты порваны, а «пути», как объяснял наш старенький, всё время ходивший под хмельком проводник, «скрозь новые, ишшо неусевшие – земля-то под ними ишшо кипить».

Поезд через мосты проходил тихо и по некоторым участкам пути шёл, как донской конь, словно бы иноходью. Казалось, что мы никогда не доедем.

В вагонах пели, рассказывали забавные истории, угощались. А когда находили минуты, в которых сантименты брали верх, вынимались потрёпанные бумажники, и с тщательной бережливостью из них извлекались фотокарточки. И все впивались в потускневшие изображения. К показывающему летели вопросы: «Это кто жа?»

В вагоне ехали люди разных возрастов – одни пришли на действительную из запаса, другие попали в войну на последнем месяце «срочной», и пришлось дуть по второму кругу, даже ни на миг не повидав родных. Прибыли они на флот восемнадцатилетними пареньками, а возвращались почти тридцатилетними мужчинами.

Солдатам было проще – они как-никак всё время на земле, среди людей на их жизненном пути попадались жалливые утешительницы, а у матроса под ногами либо железо, либо выскобленное дерево палубы, где тут «оскоромиться»?

Карточки рассматривались со вздохами. При этом гимнастёрки и тельняшки вздувались, в глазах – неутолённая, тоскующая, многолетняя жажда ласки: «От это да-а!.. Эт что ж – жена?.. Невеста?.. Ну и девах ж!» В ответ несло: «А вятские уси такие!.. Што ни баба – огурец!»

Белоусый худенький неказистый солдат – гимнастёрка на нём, как чешуя на вяленой тараньке: выгоревшая, мятая, вислая – озорно сверкнул щербатинкой: «А он вовсе не вятской!.. Он с энтого – с Ногинска... Слыхал, городок под Москвой есть?.. Тама бабочки – не бабочки, а чистые белые грибочки! Тама огромная фабрика, и всё одни бабы!.. В сорок первом мы на отдыхе стояли... Не позови нас немец до срока на передовую... Ха-ха-ха...»

В пути легко знакомились, щедро раздаривали адреса. Сибиряки звали к себе, на рыбалку: «...рыбища в Сибири – одну цельным колхозом неделю есть можно! Таймень... В реке чисто бревно плавает...» Ещё говорили, что в Сибири дикой малины в лесах не пересть. «Облепихи на всю Россию хватит!.. На облепихе водку настоять да каждый день по лафитничку перед обедом – сроду болеть не будешь! И те болячки, что есть, сами отвалятся...»

Дальневосточники хвалились тиграми, лимонником: «Три зёрнышка сжуешь, сердце – как новый мотор...» Манили океаном, Камчаткой, лососем: «Когда лосось на нерест идёт, брось весло в воду – стоймя стоять будет».

Говорили ещё про морские огурцы – трепанги: «Их со дна водолазы крючками особыми цепляют – и в авоську... Китайцы потребляют этих трепангов почём зря и оттого, говорят, раком не болеют...»

Я тоже доставал из бумажника карточки жены и сына и давал адрес. Но вот замелькали дачные станции. Колёса застучали с перебором да быстрее. Перед окнами пошли кружиться расфуфыренные берёзки, голенастые осинки. Над приближавшей столицей облака дыма, чёрные копчёные трубы заводов. В вагоне лишь два москвича: старшина второй статьи, бывший рулевой крейсера Кудрин да я. Остальные, как я уже писал, кто откуда. Немосквичи с лёгким любопытством смотрят за окно, а мы с Кудриным горим.

Москва подкатывается ближе и ближе. Увижу ль я на перроне Курского вокзала свою Пенелопу?

За мутными стёклами – тусклый блеск раскатанных рельсов, высокие платформы, склады, будки стрелочников, горы угля, вагоны, исписанные мелом, клумбы, обложенные раскрашенным кирпичом, и лозунги, сложенные из кирпича, – «Мы за мир».

Показался вокзал, и вдруг грустно стало. Что это? Неужели опять я выпал из меридиана?

Неделю ходил по Москве как ошалелый. Столица после победы над фашизмом опять, как и в годы революции, стала центром всемирного притяжения: на улицах – чуть ли не все языки Европы и Америки.

Театры, кино, концертные залы – полным-полны. Невпротолочь в коммерческих магазинах. Теснота и там, где товары «дают» по карточкам. Полки комиссионных завалены трофейной всячиной. Охотный ряд, Петровка, Кузнецкий мост, улица Горького, Арбат, привокзальные площади и улицы в людской толчее. Всюду, куда ни глянь, – люди. Люди и гул.

Шумно и у нас за Крестьянской заставой: нет дня, чтобы в какой-нибудь квартире не пировали. Зайдёшь – дым коромыслом, шум, смех. В центре – фронтовик, грудь в орденах и звонком металле медалей. На столе «законная». И уже не «по сто», а вволю. Теперь

праздник, и ни перед кем тянуться не надо, всё: оттопался, оттянулся, отдрожался, отмокся – жизнь теперь пойдёт слаще мёда; рядом жена, детишки – глаз не сводят. Ещё, что ль, по маленькой, из которой поят лошадей! Гуляй, солдат, – победа! Праздник! Четыре года шкандыбали, порой по грудь в студёной воде, а то под пробоистыми дождями, когда не только шинель, эта всетерпящая солдатская шкура, а и тело аж до пят водой небесной прошикивалось. Были дни – и таких немало, – когда во рту крохи не ночевало. Бывало времечко, и не короткое, когда сипуга белая холодным кнутом секла прямо по лицу, ноги коченели, хребет весь сводило, и вот тогда за сто граммов чёрту б душу отдал. А как сердце молотило, если из дому по долгим неделям весточки не приходили...

Всё стерпел солдат, всё и даже больше: кровью умывался, и солнечным лучом утирался, и на кулаке, будто на пуховой подушке, спал.

Всё было, теперь – победа! Гуляй!

С улиц стали исчезать ватники и кирза, вместо них, этих спасителей от неудобств бытия военного времени, появились заграничного покроя пальто и шляпы. Словом, война кончилась. Кончилась для всех, кто вернулся на своих ногах и с целыми руками. А для меня она всё ещё жила, хотя и я вернулся целым и довольно быстро сбросил шинель и форменную фуражку с золотым крабом, а моими погонами и блестящими морскими пуговицами завладел сынишка. На плечах мешковато повис партикулярный костюм, а голова, привыкшая к лихой «нахимовке», ни за что не хотела примириться со шляпой. Но шляпа – бог с ней, не было бы большей доуки. А она была.

Если слесарю, пришедшему с войны, не только легко, но и радостно было вернуться к верстаку, токарю – к станку, шофёру – к рулю, врачу – в поликлинику, артисту – на сцену, ну а писателю? К чему вернулся писатель? Да ни к чему! Он только переоделся, а в ушах его продолжали греметь выстрелы, крики идущих в атаку, рёв моторов. Меж тем в редакциях журналов и в издательствах с плохо скрываемым раздражением говорили: «Что

вы принесли?.. О войне?! Война вот как (рука к горлу) всем надоела!.. Давайте что-нибудь о современности, о мирной жизни...»

Я понимал, что от меня хотят, но сердцем я всё ещё был там: в осаждённой Одессе, в горящем Севастополе, в море, на кораблях среди десантников, мотоботчиков...

Нелёгкой складывалась жизнь в Москве: дома плохо отапливались, город перенаселён, на трамваях, автобусах, электричках люди виснут гроздьями. Много времени уходит на то, чтобы «достать» да «отовариться». Писать можно только ночью. В комнате кроме меня ещё три человека, и все так славно храпят, как бы с нарочитым заманом. Порой я настолько погружаюсь в бывшее, что не слышу, как во сне чмокает сын и как с полусна отвечает ему жена, как она, разбуженная нечаянным светом, вдруг спросит: «Ты ещё не спишь?» Я вздрогну: «А?!» Я вздрагиваю потому, что иная жизнь владеет мною.

Сколько было таких ночей? Теперь не считать. Сколько было дыма высосано из дешёвеньких папирос, теперь тоже не взвесить. А бумаги и чернил изведено?!

Я принёс рукопись в редакцию, как бомбу, заряженную огнём войны, тесную от подвигов, шумную от голосов матросов; бессонными ночами в небольшой комнате Дубровского посёлка, за Крестьянской заставой в Москве, заслонясь от посторонних мыслей табачным дымом, я вновь прошёл через жаркие бои в Одессе и Севастополе, пережил горечь отступлений, трудности и радости освободительных сражений за Крым и за навечно ставший мне дорогим Севастополь...

Увы! У работников издательств уже появилось нечто вроде идиосинкразии к потоку рукописей о войне: на столах редакторов они лежали горами. Словом, моя «бомба» не взорвалась. Пережив огорчение, я попытался разобраться во всём этом и понял, что дело не в позиции издательства, а в том, что моя рукопись была рыхлой и многие мысли в ней не прошли этапа своеобразной «ферментации». Я где-то прочёл и даже записал в блокнот изречение: «Ничто не оценивается так поверхностно, как близлежащее». Моя

рукопись, которую я наделил в воображении силой фугасной бомбы, очевидно, не имела взрывателя...

Жизнь литератора только в представлении людей, не знающих этой жизни, кажется беззаботной и лёгкой. Как же: все встают почти с рассветом – на службу или на работу, а он ещё спит. Либо встанет часов эдак в десять, умоется, побреется, хлебнёт чайку или этого – «кофю» – и пошёл гулять. Люди работают в поте лица, а он гуляет, чисто барин...

Я ложился в пять утра. Иногда раньше либо на час позже. В нашей квартире кроме нас четверых жило ещё одиннадцать человек. Большинство служили, и только двое работали на заводе. Подъём в квартире начинался в начале седьмого, и с этого момента входная дверь и языки всё делали от них зависящее, чтобы приучить меня спать, несмотря ни на что. Я плохо поддавался дрессировке – лёжа в постели, поминутно открывал глаза, затем проваливался в омут сна и выскакивал из него почти тотчас же, как пробка из воды.

В то время писатели хотя и не имели специальных или узаконенных рангов, но их положение в жизни определялось тем, кто и какую получал продовольственную и промтоварную карточки. На карточках жирным шрифтом обозначались литеры – «А» и «Б».

Кто получал литеру «А», того называли «литерАтором», а получавший паёк под титлой второй буквы алфавита именовался (конечно, неофициально) «литерБетером».

У меня была вторая буква алфавита. Надо сказать, что, к великому огорчению, в некоторых редакциях эти не имевшие злонамеренного содержания литеры принимались в расчёт.

К счастью, «Кастальский ключ» ни к одной из этих карточек не прилагался, и поэтому у литерБетеров всё же были какие-то спасительные надежды и перспективы на будущее...

Я решил окунуться в самую рассовременную жизнь – я стал корреспондентом журнала «Огонёк». В редакции для начала мне предложили написать о восстановлении железных дорог. От меня не скрыли, что тема

эта лежит уже давно – опытные и ловкие, как ястребы, очеркисты журнала упорно отказывались от неё.

Мне сказали, что если у меня получится, то... словом, мне давалась «проба».

Два раза в своей жизни я сдавал пробу: сначала на корабельного кочегара в Балтийском пароходстве Совторгфлота, другой раз на слесаря в Ленинградской бирже труда в 1930 году. Теперь придётся держать экзамен в третий раз.

Что ж, моряки никогда не отступают: взял бумажку к министру путей сообщения с просьбой о содействии и помощи в выполнении задания редакции – бумажку подписал Алексей Сурков – и пошёл.

Специалисты Министерства путей сообщения дали обстоятельную консультацию. Я возвращался в редакцию с исписанными блокнотами и с сердцем, до краёв полным удивления. Уже в лифте, поднимавшем меня в редакцию «Огонька», я в уме складывал фразы будущего очерка. К моему огорчению, восторг и удивление ещё не успели перебродить, и поэтому вместо точных, отборных и сочных слов на первый план лезли штампы. Чёрт бы их побрал, все эти «небывалые», «несказанные», «потрясающие»! Нужно было, чтобы фраза звенела не от употребления «звонких» слов, а от той музыки, которую издают слова обыкновенные.

И я стал искать их. На этом месте читатель, наверно, улыбнётся: зачем же искать обыкновенные слова – они же рядом!

Да, обыкновенные слова – повсюду, они с нами, но и из них нужно выбирать наиболее точные и затем так соединять, чтобы из обыкновенных слов родилось нечто необыкновенное – мысль!

Я сел за стол.

Гитлеровская армия разрушила в Советском Союзе 65 тысяч километров железнодорожных путей.

Записывая эти цифры, я сразу и не понял – много это или мало? Ведь мы привыкли в нашей просторной стране считать на миллионы! А тут каких-то 65 тысяч – подумаешь!.. Но когда я заглянул в блокнот и

прочёл, что в старой России всего было 58 тысяч километров железных дорог, тогда число шестьдесят пять тысяч и все последующие стали звенеть в моей голове как колокола. Дальше я едва поспевал записывать: «Чтобы настелить шестьдесят пять тысяч километров железнодорожных путей, сталепрокатчикам нужно накатать 130 тысяч километров рельсов».

Много ли это? Теперь, после того как 12 апреля 1961 года ракета с Юрием Гагариным вышла на космическую орбиту и скорость была освобождена от ига пространства, 130 тысяч километров, составляющие три окружности по экватору, перестали быть удивительным расстоянием. Да, это так! Но сразу после войны, после огромнейших разрушений, производство рельсов длиной в три окружности экватора было делом по меньшей мере удивительным!

Следует ещё добавить, что немцы кроме путей разрушили (я заглядываю в блокнот) «13 тысяч железнодорожных мостов, 4100 станций...».

Кто не знает, что скрипки делаются из дерева? Гварнери тоже делал их из дерева. Всё правильно. Но где найти такие слова, от которых читатель горел бы так, как я горю? Я не мог взять в толк, почему журналисты, которым «Огонёк» предлагал эту тему, отказывались от неё?!

Конечно, с первого взгляда тема о восстановлении железных дорог не выглядела «синей птицей». Но всё же любознательность должна была увлечь, а там... Дороги восстанавливались на юге, севере, на западе и в средней полосе России...

Я решил поехать на магистраль, которую путейцы называют «Главным ходом». Это Москва – Курск – Харьков – Ростов – Прохладная, через Донбасс.

По Главному ходу бежали поезда в Сочи, Баку, Батуми, Тбилиси, в Минводы. На этой магистрали – машиностроение, сталь, уголь, нефть, хлеб. До войны дорога была лучшей в стране.

Я взял билет до города, где была расквартирована одна из сильнейших частей, кото-

рой командовал генерал-лейтенант Илья Семенович Картенев.

Лёжа на жёстком диване в купейном вагоне, я пытался представить себе Главный ход. Мне виделись корпуса харьковских машиностроительных заводов; кипящая в мартенах сталь, высокие блюминги, вишнёвые болванки горячего металла; горы чёрно-лакового угля; пирамиды терриконов и цистерны с кавказской нефтью. Порой виделось шумное море, синее небо над ним и высокие, как вечные снега, белые облака. В окно глядеть не хотелось – сыпал серый, мокрый снег и дул ветер-продуванец...

В Донбассе я увидел чудеса: восстановители дорог вели работы на путях с непрерывающимся движением, то есть, как говорили они, «работали под колёсами», «строили в окнах», применяли при этом «подвесную опалубку». Особенно изобретательными оказались мостовики: они ставили тяжёлые металлические фермы мостов на старые, разбитые немцами быки. Конечно, не сразу, а предварительно ремонтировали их по тому же способу, как поражённые кариесом зубы, – сверлили дырки и «пломбировали», то есть заливали бетонным молоком.

Я написал очерк. Он был хорошо оценён на редакционной летучке – словом, пробу сдал. Но не был доволен. Более того, встревожился – в очерке на первый план выскочили эпитеты превосходной степени и щедро расселились восклицательные знаки. А надо было бы побольше двоеточий и точек с запятой, которые располагают автора к размышлениям.

Я понял, что материал не пережит. А может быть, я не очень был удивлён тем, что видел? Нет, неверно! Тревога, что елозила в моём сердце, родилась чуть раньше, чем я сел писать очерк, и родилась там же, в Донбассе. В воскресенье, перед отъездом из города, я пошёл на местный базар. Я люблю ходить на базары – столько можно там увидеть и узнать!

Базар был на редкость бедный. К тому же стояла слякоть, в низких местах разли-

лась густая, посверкивавшая мрачным лаком грязь. Большими жирными шматками она привязывалась к сапогам и норовила стащить их с ног.

Обходя ряды, я и без расспросов видел, до чего же сильно немцы обчистили Донбасс. На подстилках лежали старые замки, навески, связки ключей, позеленевшие голенища, хожалый слесарный инструментишко, какие-то пузырьки, медные водопроводные краны с сильно расхоженной резьбой и ещё способная утомить при своём перечислении разная разность, а проще говоря, рвань, без которой и можно, а при таком бедствии, кажется, трудно обойтись человеку.

Ещё более жалкая картина была в продовольственном ряду: картуз мелкой картошки стоил сорок рублей. А к мясу и не подступиться! Да и было-то его совсем ничего.

Но базар шумел-гудел: базар для людей и биржа новостей, утеха для души, счастье случайных встреч либо неожиданных находок. Тут ходили хватившие жидкого огонька инвалиды на костылях, люди, ищущие возможности закрыть нужду какой ни то покупкой, просто ротозеи, не имеющие возможности убить пустое время в другом месте, были и жулики.

На бойком месте, на невысокой тележке на колёсах от какого-то сельскохозяйственного инвентаря, сидел, выставив обрубки ног, замотанные в тряпье, мужчина лет сорока, с рыжим чубом и бойкими усиками.

Со стороны города в толчею вошли двое слепцов – мужчина и женщина. Ему за сорок, а женщине на вид побольше. Мужчина слегка подволакивал правую ногу. На нём были кирзовые сапоги, на ногах женщины – раскисшие американские (те, что Америка поставляла нам по ленд-лизу) коричневые ботинки. Ботинки были большие. Натянуты они были на толстые, грубой вязки носки из тёмной шерсти.

Глаза у мужчины были стянуты жмуркой слепоты. Они смахивали на пуговичные петли. Голова чуть запрокинута, словно бы он тужился увидеть солнце. А глаза женщины разверсты и пусты, кроме красной плёнки и

медленно рождающихся и тут же скатывающихся слёз, в них ничего не было. Не все выдерживали вида её глаз, а кто и выдерживал, клал в ушанку, которую держал у груди мужчина, подаяние и быстро, как от огня, отходил.

Слепцы пели. Пели о том, что вот уже четыре года прошло с тех пор, как они не видят «света белого, неба ясного, солнца красного...». Что когда-то и они были, как все, но пришёл на Русь Гитлер-людоед...

Мрачный шёл я с городского базара. Настроение не улучшилось и в Харькове, куда я приехал для беседы с генералом Картеневым. Илья Семёнович – потомственный железнодорожник. Несмотря на отросший генеральский животик, был подвижен и оживлён. Рассказывал с юношеским увлечением. В молодости он славился ловкостью и недюжинной силой, вгонял костыль в шпалу одним ударом кувалды. В те времена среди русских мастеров-путейцев это считалось истинным артистизмом. Теперь костыли в шпалы не загонялись – рельсы крепились шурупами. Они завёртывались с помощью специального станка, сконструированного тут же, в корпусе железнодорожных войск, ефрейтором Ермаковым.

Харьков жил суетной жизнью. В магазинах, там, где «отоваривались», пусто, а в коммерческих больше глазели, чем покупали. На рынке – как в цирке, и товаров много, начиная с жареного мяса, самодельных колбас, мёда, сметаны, птицы и кончая укропом-шибаньцом, который особенно аппетитно бил в ноздри из бочонков с солёными огурцами. Были и здесь калики перехожие, и спекулянты-ловкачи, и ротозеи, и быстрые, как огонь, беспризорные.

Обедал я в одном из небоскрёбов – там размещались штаб генерала Картенева и столовая для вольнонаёмного состава. В меню – чёрные щи из мороженой капусты и на второе та же капуста в тушёном виде.

Пришла пора возвращаться в Москву. В купе ко мне подсел вояка безногий. Нogu потерял, как он сам объяснил, «на самом издохе войны, под Дрездином».

Разбитые вокзалы, пустые, заросшие будильём поля. Поля Курщины и Орловщины – исконные русские земли, где Игоревы полки сдерживали половцев... Одиноко среди посечённых снарядами деревьев тулились под старыми шапчонками крыш Богом сохранённые от огня войны домишки, раздетые сараюшки и склады колхозные. Грязища кисла у скотных дворов. А в мирные годы тут мешками выносили к поезду жёлтую, с подзолотцей, пахучую, звонкую антоновку, гладких белых кур, топлёное, с припечённым в вольном духу кружочком пенки, молоко... После войны по выщербленному бомбой, а может быть, и тяжёлым снарядом перрону носились с грохотом тележки на роликах – инвалиды войны, безногие. Кое-кто из них протягивал шапчонки. Война! Она убивает человека и уничтожает бесценные труды его ума и рук.

Сложно и трудно жилось тогда в нашей стране: гитлеровцы смели с лика русской земли семьдесят тысяч сёл и деревень, на полях сражений пали миллионы здоровых мужчин; из трёх тысяч городов гитлеровцы разрушили свыше тысячи семисот и тридцать тысяч промышленных предприятий!

Полуголодные, оборванные, в землянках и теплушках жили многие люди. Трудно жили – не жизнь, а слёзы! – и всё равно строили, пахали, «вкалывали» у станков, любили, детей рожали, пели, смеялись и плакали. Словом – жили!

Я не сомневался в том, что скоро всё будет: новые вокзалы, мосты, депо, заводы и рельсы в три окружности по экватору. И поля будут распаханы, и окопы сровняются с землёй, и леса новые вырастут, и дома встанут, и блины будут, и сметана, и крашенки, и холодец, и то, «шо треба пид солёный огурец». А как восстановить павших? Как отремонтировать калек? Как поставить на ноги безногих?

В «Огоньке» было несколько ведущих корреспондентов. Они писали на генеральные темы, ездили по стране, летали за границу – после войны мосты строились не только между берегами рек, но и между странами, нациями и даже континентами. Когда

в Сан-Франциско собирались представители стран-победительниц для создания Организации Объединённых Наций, с министром иностранных дел летал и корреспондент «Огонька».

Это было началом зарождения эры различных конференций, симпозиумов, ассамблей, конгрессов, фестивалей, пышных по-королевски визитов, дипломатических охот на оленей в горах, тёплых купаний в ласковых морях.

В крупнейших столицах мира, на островах Атлантики, в Карибском и Средиземном морях, в бывших дворцах королей и императоров, в утопающих в буйной зелени виллах экзотических уголков земного шара сверкали вспышки корреспондентских «блицев». Со снимков многополосных газет и иллюстрированных журналов улыбались публике седые джентльмены. После истребления миллионов молодых цветущих мужчин эти джентльмены публично предавали анафеме фашизм и тайно содействовали развитию новых фашистских эмбрионов.

Я ездил по стране. Писал о возрождении разрушенных войной городов, об учителях, о китобоях, о железных дорогах... Словом, быстрее, чем думал, стал привыкать к своему новому социальному положению и всё реже и реже при встрече с военными вскидывал руку к козырьку. А в первые после демобилизации дни служил ходячим доказательством популярной теории Павлова об условных рефлексах.

Накануне нового, 1946 года мне предложили съездить в Севастополь: редакции до смерти захотелось среди других корреспондентов о выборах в Верховный Совет СССР иметь «зарисовку» из Севастополя.

Я с большой радостью согласился. Да и кто на моём месте отказался бы снова повидать фронтовых друзей, с которыми несколько лет делил печали и радости. Я-то после поражения фашистской Германии демобилизовался с первой же очередью, как «запасник», а они – кадровые – остались служить, как говорят на флоте, «до деревянного бушлата». И уж очень хотелось хоть одним глазом глянуть на город, на море, на корабли...

В поезде, в котором ехало немало моряков, я узнал, что в личном составе флота большие изменения – убыли не только демобилизованные, но и некоторые кадровые военнослужащие: одни уехали учиться в академии, либо на курсы, либо в военные училища, другие в порядке обычного перемещения кадров на другие флоты для дальнейшего прохождения службы: на Тихоокеанский, Балтийский или Северный. А некоторых забрали в Главморштаб либо в центральные управления.

Обновился и состав нашей редакции «Красный черноморец». Из «старичков» осталось не более пяти человек.

Я ехал без предупреждения и не знал, кого застану в Севастополе. Мне хотелось встретиться с Александром Соколенко, нашим редакционным фотокорреспондентом. Во время войны мы с ним плавали по Чёрному морю и колесили по кавказской и крымской землям; не одну ночь провели под одной шинелью – я писал о героях, а он снимал. Так было во время штурма Новороссийска в сентябре 1943 года, и студёной мокрой осенью на Тамани, и нежно-зелёной весной 1944 года, при освобождении Крыма и главной базы Черноморского флота – Севастополя.

Продолжали служить в редакции старшина 1-й статьи Афанасий Красовский и капитан-лейтенант Вадим Докин. Красовский писал стихи, очерки и раешники. Раешники подписывал псевдонимом Ваня Чиркин. Докин делал профессиональные фотоснимки, был заядлым яхтсменом и отчаянно водил мотоцикл. Он потерял на войне правую руку по самое плечо. Носил протез с чёрной перчаткой.

В Севастополе жил и Борис Шейнин – фотокорреспондент центральной флотской газеты «Красный флот», в которой некоторое время довелось работать и мне. Шейнин за время войны снял свыше семи тысяч кадров на кораблях и в морских сухопутных частях и соединениях.

...Вновь я ехал по разорённой стране. Но уже по вечерам дымов было больше в разрушенных сёлах и огней – они не мерцали

одинокими звёздочками, а сбивались в созвездия, но «великое переселение народов» не убавлялось: вокзалы были забиты людьми, поезда брались, как во время Гражданской войны, – с боя.

Я не отрывался от окошка и, глядя на крутящиеся снега, на дальние дали, пытался представить себе, как приеду в Севастополь, как встречу с друзьями, с каким любопытством они станут рассматривать меня, спрашивать, как живётся «на гражданке»...

Передо мной возникали лица... Афанасий Красовский виделся почему-то таким, каким я сфотографировал его 9 мая 1944 года, в день освобождения Севастополя, на улице Ленина, у полуразрушенного здания нашей редакции. На нём тогда были изрядно выгоревшая на едучем весеннем крымском солнце мичманка, заношенный бушлат со старшинскими погончиками, пыльные, мятые брюки-клеш и старенькие ботинки, серо-бархатные от пыли крымских дорог. Поверх бушлата флотский ремень с медной бляхой, трофейный пистолет. Через плечо полевая сумка и фотоаппарат. На ремне ещё две лимонки и матросский нож. Он продвигался тогда с армейскими частями от Ишуни на Евпаторию, затем на Мамашай и Качу, а мы от Керчи на Алушту – Ялту – Алупку – Байдары с Приморской армией.

Он налегке с армейскими подразделениями вошёл в Севастополь раньше нас. На заваленной битым камнем, спутанными проводами и искорёженным железом неузнаваемой улице Ленина мы и встретили его.

Кинулись навстречу друг другу. Наш Чиркин покраснелся и что-то зашлёпал своими пухлыми губами добряка. На глазах слёзы. А кто из нас тогда не смахивал тяжёлую, как свинец, нестыдную мужскую слезу – мы же вернулись в Севастополь! Семьсот с лишним дней ждали этого часа!

Чиркин уже успел обследовать здание редакции и типографии. Мы разобрали завал и въехали во двор.

Первые минуты никто ничего не мог делать – ходили, осматривали, хлопали друг друга по плечам, улыбались и спрашивали: «Ну?»

Но вот от редактора нашего походного выпуска поступила команда срочно готовить очередной номер (10-й) специального выпуска, который мы начали издавать в нашем летучем издательстве ещё на подступах к Севастополю.

Знаменательные времена! Впервые за всё время войны на последней странице нашей походной газеты вместо номера полевой почты (70035-Р) появился наш старый, довоенный адрес: Севастополь, улица Ленина, 51!

В честь этого события Ваня Чиркин написал балладу в стиле «Песни о Гайавате».

...Поездка моя была срочной и короткой, как выстрел.

Когда поезд, проглотив около полутора тысяч километров русских равнин и украинских степей, остановился наконец у севастопольского вокзала, я не стал искать okazji, подхватил чемоданчик – и в город.

Шагая по Красному спуску, с огорчением заметил, что капитальное восстановление Севастополя ещё не начиналось и, по-видимому, не скоро начнётся – предстоит поистине труд целой армии титанов по расчистке и вывозу развалин, на которых уже успели обжиться сорняки.

О чём же я буду писать? О развалинах? О трудной жизни в разрушенном войной городе?

Однако мрачные мысли развеялись, как только выбрался на Пушкинскую площадь. Тут остановился и замер: на Корабелке у причалов Морзавода полно судов разных классов и рангов. Сипит пар над кузницей, дым вьётся из корабельных труб, гремят командные слова въедливых боцманов, стрекочут пулёмётные очереди клепальщиков, вспыхивают искры сварочных аппаратов – жизнь!

Сердце забилося ещё радостнее, когдаглянул на рейд. Корабли флота, прославленные герои лихих десантных операций, мастера артиллерийских атак мирно стояли на бочках, попыхивали лёгким дымком, как старые суворовские солдаты, греющие после смертного боя носы из коротких дымливых трубочек! Только ради этого стоило ехать сюда!

...В редакции – полупусто, сотрудники, в том числе и «старички», с которыми я так жаждал повидаться, – в разгоне: одни на кораблях, другие в отъезде, кто в Новороссийске, кто в Одессе, а «наш прославленный матрос» Афанасий Красовский (Ваня Чиркин) в Керчи.

На выходе столкнулся с Докиным – он только что подлетел на мотоцикле с сильным, как зверь, и очень громкоголосым мотором.

Через минуту мы уже неслись с бешеной скоростью по центру. Было немного страшно – у Вадима Докина вместо правой руки протез.

У Исторического бульвара я слез – мне хотелось осмотреть город не с седла бешено мчащегося мотоцикла. Да и, кроме того, необходимо побывать на избирательных участках, у «мэра Севастополя», на кораблях флота и, как говорится, et cetera, а времени с гулькин нос.

...В те дни поражали не развалины – на них я насмотрелся ещё в мае сорок четвёртого, – а неожиданности на каждом шагу: идёшь, кругом руины, ржавое железо, и вдруг вывеска – «Магазин», идёшь дальше, снова тянутся руины, глубокие воронки, заросшие лебедой, и опять, тоже вдруг, в развалинах самодельная дверь, торчит железная труба и дымит, как папироса; два крохотных окошечка, как в землянке, на двери фанерная дощечка размером в развёрнутый лист. На ней чернильным карандашом выведено: «Женское общежитие», за этими словами три буквы СМУ и какое-то расплывшееся слово.

Рядом с вывесочкой на верёвке девичье тщательно выстиранное бельишко, голубые, белые и красные косыночки. Те самые, в которых вечером их хозяйки при свете прожекторов танцуют прямо на асфальте, под музыку, льющуюся из горлышка динамика, вывешенного на фонарном столбе.

Балы эти с виду не только небогаты, но, может быть, даже жалки, но сколько же радости: со всех сторон слышен смех, вкрадчивый шёпот – взаимное «заполнение анкет»: «Как вас зовут? Откуда вы? Что делаете в Севастополе? Где мы встретимся?»

В самом деле – где же им встретиться? В городе только один кинотеатр, да и тот в

подвале – без фойе. Клубы? Крохотный дом офицера – и всё...

Дома кавалеров покачиваются на рейде, и кавалеры своих адресов не дают. Не дают адресов и дамы – где их найдёшь среди руин! Мест для встреч мало: либо пристань, либо танцплощадка.

И всё же свидания назначаются; война кончилась, и композиторы-песенники уже начали наступление на наши чувства не зовущими в бой («Идёт война народная»), а лирическими, вгоняющими в слезу шлягерами. И из репродукторов вместо маршей, вместо классической музыки несутся «танголиты» и «пепиты-дьяболы».

В те дни я без усталости лазил по развалам. Порой было жутко: идёшь по улице – ни души, как в Помпеях, а на стенах висят радиаторы отопления, вешалки, гвозди, под которыми светлеют квадраты под некогда висевшими здесь в рамах портретами или картинами. Возбуждение быстро населяет эти улицы, дома жизнью: не так давно сюда ходили люди, открывали выбитые теперь двери, окна, здесь звенели голоса, а теперь – тишина, та тишина, которую Пушкин назвал немой. Да немая, к счастью, недолгая – неожиданно где-то загудело, и вскоре в пустую улицу влетел грузовик с полным кузовом молоденьких, курносых, с бедово-игривым блеском глаз девчат в робах, заляпанных штукатуркой. Мгновение, и грузовик исчезает, а с ним уносится и песня – девушки пели старинную, до слёз трогательную песню: «Он уехал».

И опять тяжкая, гнетущая, сдавливающая дыхание немота.

Постепенно я облазил весь город: кое-где велись работы – бульдозеры расчищали развалины, а возле некоторых домов – их можно было приспособить под жильё или учреждение – выросли леса. На зыбких подмостках звенели голоса сибирячек, уралочек и молдаванок – девчата, начитавшись газет, призывавших молодёжь «возродить из пепла города-герои», и наслушавшись негромко сказанных слов о том, что в Севастополе ребята пруд пруди – да каких ребят – на флот хилых не берут! – махнули на свои сибирские

просторы, на богатства лесов и рек, на просторные и плодородные степи, на целые, но обезмужиченные войной города и сёла, подались в далёкий романтический Севастополь.

Первое, с чем встречались прибывавшие в Севастополь романтики, – это разрушенный, с высаженными воздушной волной окнами и дверьми вокзал. В нескольких сотнях метров от него чудом держался покосившийся, словно бы присевший раненый боец, холодильник, подорванный фашистами.

Поднявшись в город, романтики слева видели разбитое здание Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 годов, обезглавленный памятник Тотлебену, а прямо и справа – каменную россыпь, скрюченное железо, пустые коробки устоявших от бомб и снарядов зданий, глубокие воронки.

Всё поросло бурьяном. В городе свирепствовала «москитка» – лихорадка, возникавшая от ядовитых укусов москитов. Словом, мрак, разруха. Светлыми были лишь небо, по-италийски голубое и нежное, белый камень Инкермана и удивительное море, которое, как тщеславная красавица, по несколько раз в сутки меняло свои ослепительные туалеты: то оно – пурпурное, то золотисто-зелёное, то мягко-голубое, то действительно чёрное...

Ко всему этому – жить негде, вода пресная «вприглядку», свет вполнакала. Да и тот мигает, хотя дизеля «энергопоезда», стоящего на бывшей царской пристани в Южной бухте, стучат круглые сутки.

Романтики должны были обладать железными нервами, потому что, кроме этих бед, в Севастополе небогато было и со столовыми и с парикмахерскими, детскими яслями и садами, библиотеками, поликлиниками. Все – на голодном пайке. Зато романтики хоть отбавляй. И она, эта соблазнительница юных сердец, жаждущих необыкновенных свершений и подвигов, влекла в наш город, прославленный необычным и ярким мужеством, молодых людей, готовых прямо с поезда – на леса строек.

Бывший матрос Черноморского флота Василий Ефремов, председатель Севастопольского горисполкома, радушно встречал

молодёжь, рискнувшую приехать сюда на сплошные неудобства и трудности. И пусть не звучит это лишь как временная дань пафосу – молодёжь оценила реальную обстановку жизни в Севастополе как боевую и героически выносила все тяготы её.

Много сделал бывший матрос Ефремов с молодёжью и активом севастопольских женщин: были взяты на учёт все подвалы, бесхозные домики; были расчищены в этих местах завалы, «заштопаны» стены, оштукатурены, подкрашены – город, словно яблоко соком, наливался жизнью.

Однако строительство не развёртывалось – по холмам города всё продолжали вышагивать экспедиции различных представителей, уполномоченных и экспертов всех рангов.

Что-то ещё утрясалось и согласовывалось, где-то отклонялись насущные требования и широковещательно разрешались мелочи; из Севастополя в столицу, из столицы в Севастополь мчались люди с туго набитыми портфелями, а дело-то не очень двигалось вперёд.

Ефремов никак не мог согласиться с этими темпами: во время обороны города, когда Василий Петрович был не только «мэром», но и членом городского Комитета обороны, все сложные и трудные вопросы решались по-флотски – немедленно, так сказать, в авральном порядке, а теперь остаётся лишь пустить в ход «большой флотский набор», чтобы добиться нужного решения.

Ему отвечали, что теперь не война, на «полундру» брать нечего, но если море разбушует, его нескоро время уймёт, и не так-то просто унять моряка, когда он видит, что дело, за которое он дерётся, правое и что всё можно сделать быстрее.

Доказывая представителям всех категорий власти необходимость быстрее решения дел, Ефремов, несмотря на то, что его не все терпеливо выслушивали, всякий раз пускал в ход примеры из времён обороны, когда обыкновенные дела делались как чуда. Тогда только так и можно было: город отрезан от Большой земли – всё, от иголки

до коробки ваксы, нужно было делать самим. И делалось! Делалось под бомбами и ливневым огнём артиллерии. Ефремов каждый раз с гордостью говорил, что севастопольцы во время обороны вырыли в каменистой земле более тысячи щелей для укрытия горожан от бомбёжек и обстрелов, обезвредили свыше тысячи трёхсот неразорвавшихся авиабомб, построили мельницу, хлебозавод; в штольнях глубоко под землёй сделали два спецкомбината и госпиталь. Под землёй даже спички не горели от малости кислорода, а севастопольцы работали и жили – мать у станка, а ребёнок около ног ползает...

Ефремов не ограничивался разговорами с представителями – сам ездил в Москву. Первое время столица не очень-то поддавалась на его «слезницы». Возвращаясь, он говорил: «Москва очень сочувствует нам, но не понимает нас».

Увы! Слова и цифры, которыми Ефремов старательно стремился убедить правительственные органы в необходимости срочной помощи Севастополю, никого не потрясали. Почему? Давайте попробуем с помощью такой магической силы, как воображение, перенестись из наших дней туда, в сорок шестой или сорок седьмой, – ну кого могли тогда поразить цифры разрушений в одном городе, когда половина (если не больше) городов всей нашей страны лежала в развалинах?!

Но, несмотря на серьёзность этого аргумента, Ефремов никогда не разводил руками перед трудностями – матрос засучивал рукава и шёл дальше. Однажды, приехав в столицу, Ефремов, прежде чем идти «наверх», явился к генерал-полковнику авиации, бывшему командующему воздушными силами Черноморского флота, герою обороны Севастополя Василию Васильевичу Ермаченкову. Он в то время жил в Москве и занимал высокий пост.

Ефремов попросил генерал-полковника сделать аэрофотосъёмку Севастополя. Снимки чтобы были на больших листах. Генерал «дал команду», аэрофотосъёмку сделали лучшие специалисты. Со снимками Ефремов вошёл в подъезд высокого здания, где не так давно ему сочувствовали, но...

Волнуясь, несколько более торопливо, чем нужно было, он развернул на столе панораму разрушенного Севастополя.

В Севастополе на заседании горисполкома, после возвращения из Москвы, он со сдержанной улыбкой говорил:

– Нас поняли!.. Нам сказали: «Севастополь был. Теперь мы видим – Севастополя нет. Но Севастополь достоин того, чтобы его восстанавливала вся страна».

Между прочим, пока Ефремов ездил в Москву и добивался средств, материалов и специалистов для полного возрождения Севастополя по большому плану, руководители некоторых организаций (те, кто половчее) сделали вид, что никакого генерального плана восстановления Севастополя нет и войны нет, самая пора строить то, что им нужно. Так, генералу Н. удалось «обойти» всех, и он воздвиг танцевальную площадку на святом месте Севастополя – на Историческом бульваре, на территории бывшего 4-го бастиона, где около века стояли скромные памятники артиллеристам и где на знаменитом Язоновском редуте служил в качестве артиллерийского подпоручика Лев Толстой.

Старые севастопольцы дивились – никому ещё не удавалось до сих пор танцевать в открытую на местах упокоения героев. И танцевать не спьяну, а по билету, да ещё под флотский оркестр!

Молодёжь, прибывшая из далёких сибирских и уральских земель, тоже ходила сюда танцевать: никому из них не ведомо было, что тут за земля была раньше. Я где-то читал: «Человек, забывающий о прошлом своей Родины, недостоин её будущего». Строителю танцплощадки на одном из священных холмов Севастополя всё равно – он вскоре ушёл в отставку и уехал из Севастополя, а в город продолжали прибывать целыми составами новые партии строителей. Они с молитвенной жадностью и душевным трепетом ходили по его улицам, по местам, где в недалёком прошлом гремели сражения и под бешеным натиском врага падали насмерть стоявшие матросы.

Ехали сюда, прорываясь через все кордоны, и те, кто не мог без Севастополя.

Ехали, не задумываясь над тем, где придётся жить. Дарью Доценко с кучей малых ребятишек я нашёл в бетонном сейфе бывшей Центральной сберегательной кассы. Нет, она не работала там, а жила!

Центральная касса до войны занимала большую часть первого этажа большого дома. В кассе имелся просторный железобетонный сейф для хранения денег, облигаций займов и других ценных бумаг. В 1942 году в дом попало несколько крупнокалиберных авиационных бомб, он обрушился, а сейф, раньше недоступный глазу, оголился.

Три высокие железобетонные стены и толстая стальная дверь. С виду дот не дот... Но и на другое ни на что не похожее сооружение.

Дарья Доценко приехала из Новороссийска вскоре после освобождения Севастополя. Побегала по городу – все подвалы заняты, куда деваться? Тут и приглянулся ей одиноко стоявший среди развалин сейф. Дарья усадила детей в сторонке, поручила старшему следить за младшими, а сама – к сейфу.

Со временем было пробито крохотное окошечко в стенке, и солнце охотно заглядывало и сюда.

Севастопольская милиция сначала не хотела прописывать Доценко – любой подвал, хотя и не бог весть какой, но всё же «жил-фонд», а бетонный сейф всего лишь адрес для ценных бумаг. Но прописывать солдатскую вдову где-то надо было.

Дарья Доценко для меня тогда была находкой: ни в одном из городов, разрушенных гитлеровцами – а их насчитывалось в стране свыше тысячи, – не нашлось избирателей с таким оригинальным адресом!

Сейчас мне неловко вспоминать о тогдашней журналистской радости, потому что радости в том факте, в сущности, не было. Я радовался тогда как репортёр, но был слеп как человек. Радоваться можно было способности русских людей быстро пускать корни там, где лишь битый камень да погорелье; способности не хныкать, когда из крана не течёт вода и в магазин не подвезли вовремя хлеба; способности петь песни на лесах... петь даже тогда, когда от штукатушки начинают ныть руки;

способности не поддаваться панике, когда в общежитии гаснет свет; когда через развалы, пересекая твою тропу, табунком бегут крысы... А самое главное – сохранять, как знамя, веру и надежду на будущее!

Это было тогда – четверть века тому назад – главным в Севастополе и не носило характера газетной сенсации. Конечно, всё это было в характере Дарьи Доценко, в её упорстве укорениться во что бы то ни стало в Севастополе, куда она приехала не в поисках романтики (эту фею мы теперь беззастенчиво эксплуатируем всюду: даже на глухих струнах гитары и в хриплых голосах доморощенных Собиновых), а жить. Во время войны её эвакуировали на Большую землю, а как только над Севастополем было поднято Красное знамя, она решила вернуться домой, ещё не зная, что того дома, в котором жила до войны, нет: он рассыпан в прах фашистской бомбой. С кучей малых ребятишек она пробилась через все кордоны.

Где она теперь? Что с ней? Где её малыши?

Ефремов показал планы восстановления Севастополя. На одних кальках зодчие предлагали снести все уцелевшие строения с берегов Южной и Северной бухт и начинать строить город, как теперь принято говорить, с нуля. На других кальках были свои крайности смелой архитектурной фантазии.

Горисполком и его председатель прежде всего хотели победить нужду, они настаивали на том, чтобы восстановить всё, что можно восстановить, а затем пусть «Севастополь возродится, как феникс из пепла!».

Между прочим, весной 1944 года, когда мы ещё стояли на таманском берегу и с тоской смотрели через Керченский пролив на синие очертания крымского берега, наша газета стала печатать письма матросов и старшин, каким они хотели бы видеть будущий Севастополь.

Мечты матросов были характерны непосредственностью и той талантливостью, которая свойственна рисункам одарённых детей, не прошедших через шлифовальный камень живописной культуры, где фантастична сама реальность и реальна фантазия.

Вот что писал мичман Лужков:

«Я – коренной житель Севастополя. Прожил в нем пятьдесят лет. Служу на линкоре "Севастополь" десять лет. Я люблю свой родной город – город славы русского флота, русского оружия. Мой дед и прадед жили в Севастополе. Дед участвовал в первой обороне. Я знаю, что мой родной город сейчас разрушен немецкими варварами. Я знаю, как храбро сражались за Севастополь черноморские моряки. Я сам был участником второй обороны Севастополя. Каким я желаю в будущем видеть свой город?...» Мичману Лужкову, старому, потомственному моряку-севастопольцу, хотелось, чтобы на Малаховом кургане была построена Панорама второй обороны Севастополя, в два раза большая, чем Панорама обороны Севастополя 1854–1855 годов. А «чтобы связать Северную сторону с Малаховым курганом, нужно перекинуть через Северную бухту огромный красивый мост. Под ним должен свободно проходить линкор. Необходимо построить такой же мост через Южную бухту от госпиталя к Интернациональной площади».

Краснофлотцу Кульминскому хотелось видеть нынешнюю Нахимовскую площадь покрытой стеклянными плитами, чтобы ощущалась полная иллюзия плещущегося моря. Ему ещё хотелось, чтобы стены домов на улице

Ленина и проспекте Нахимова были покрыты барельефами, изображающими «эпизоды из первой и второй обороны Севастополя». Ему также виделась «над новым Севастополем на необыкновенной высоте большая пятиконечная звезда, украшенная 250 самыми лучшими бриллиантами».

Я уехал с думами о новом Севастополе. Уехал, чтобы снова, и притом скоро, приехать. Но случилось так, что с тех пор – с сорок шестого и до... шестьдесят восьмого – мне так и не удалось попасть туда.

За эти годы я много ездил: побывал на торговом судне в Индии, ездил в Италию, Францию, Чехословакию и Финляндию. Был на Волге, на Дону, на Вятке и Каме... Написал четыре книги.

В шестьдесят пятом году напечатал заметки об освобождении Севастополя и всё собирался сесть за книгу. Меня подбадривали читатели, очень тепло встретившие мои заметки. Это давало то же, что даёт «благовеющий ветер» парусу, – силы. И вот в 1968 году я решил «напрячь свой парус» и поплыть на Гераклейский полуостров, где руки тех самых курносых сибирячек, уралочек и молдаванок из пепла подняли новый, незнакомый мне Севастополь. **А**

Владимир САШИН

Свеча погасла

Свеча погасла, утро хмурое
Крадётся садом, словно тать,
Своей унылою фигурою
Унылый бомж, ни дать ни взять.

Дела утихли, ветры выдохлись,
Скрипит холодная кровать,
Не вдохновляет больше живопись,
Не тянет больше воевать.

Часы с кукушкой, фотографии,
В окне сиреневый рассвет,
Следы нелёгкой биографии,
Альбом и старенький жилет.

Он видел слёз немало пролитых –
Теперь сучает на гвозде,
Такой чужой, никем не понятый,
Как грач в осенней борозде.

Идут минуты, листья падают,
Проходит жизнь тяжёлым сном,
Сродни с ошибкою досадною...
Меж тем светает за окном.

Но не манят уже просторы –
К чему бескрылому простор?
Овраги, степи и озёра,
Улыбки белозубых гор.

Шуршит в ушах нужда досадная,
Скребётся мышью в темноте,
Как иллюстрация наглядная,
Что балом правят, да не те.

В печи огонь горит доверчиво,
Он чист, как ангел во плоти,
Мне б сохранить его до вечера,
Часов хотя бы до восьми.

Сидеть с дешёвой папиросою,
Смотреть на пламя и грустить
Над жизнью тихой, неброскою,
Где в двери некого пустить,

Где не с кем словом перемолвиться,
Не пошутить, не побузить,
Душа устала – к людям просится,
Чтоб раньше срока не остыть.

Но это слабость лишь минутная –
С людьми натерпишься хлопот,
Затянут вмиг в разборки мутные,
Возьмут в суровый оборот.

Так лучше просто успокоиться,
Пусть мир живёт сам по себе.
Грешит, и кается, и молится,
И ищет счастье в борьбе...

Стихи украли, песни проданы,
А всё же хочется пожить,
А вот и смерть – лошадки поданы,
Осталось вещи уложить.

Да с бубенцами-колокольцами,
Чтоб черти вились с-под колёс,
Промчатся лихо до околицы,
Под сень кладбищенских берёз.

ЧТО ВАЖНЕЕ НА САМОМ ДЕЛЕ?

Снег упал, потом растаял,
Оголивши грязь и мрак,
Пёс соседский долго лаял
На оставленный башмак.

Ветер нудно и протяжно
Завывал в печной трубе,
Это важно иль не важно
В человеческой судьбе?

Переплёт оконной рамы,
Крики птицы на заре,
Томный взгляд красивой дамы,
Чернь на старом серебре.

Власть имеющие тати
У державного руля,
Се колоссы новой знати,
Носит их ещё земля.

Листьев тихое круженье,
Не желающих упасть,
Страсти новой возбужденье
И влюблённости напасть.

Чистый дух в здоровом теле,
Лёгкость в беге и борьбе,
Что же важно в самом деле
В человеческой судьбе?

Вера, тихая надежда
И любовь, что от души,
Или проповедь невежды
В чистой храмовой тиши?

Что важнее в самом деле
В человеческой судьбе?
Первый день страстной недели
Иль удача в ворожбе?

Снег упал, потом растаял,
Убыстряя жизни шаг.
Пёс соседский громко лаял
На оставленный башмак.

ПАЛАЧ

Ты на коне, а я во прахе...
К чему дежурные слова?
Ещё вчера скатилась с плахи
Моя шальная голова.

Палач в малиновой рубаше
Следит за всеми свысока,
Лишь окажись поближе к плахе,
Не дрогнет тяжкая рука.

И похорон нам не увидеть,
Лишь тихий вздох из-под травы,
Покойника легко обидеть,
Тем более без головы.

Ему осталась только вера,
Что и палач, оставив меч,
Забыв привычки изувера,
Придёт, чтоб рядышком прилечь.

ПОСМОТРИ, ЧТО ОСТАЛОСЬ...

Посмотри, что осталось. Пустая дорога
Порастает упрямой травой-лебедой,
Где гуляют разлука на пару с бедой,
Им немного ещё, чтоб дойти до дороги.

А порог покосился, перила скрипучи,
Мыши в нём завелись и ночами шуршат,
Мышка-мама, отец, трое шустрых мышат –
Вечерами отец на рояле их учит.

С ними кот иногда. Престарелый Наум.
Музицирует славно, приносит им сало.
Развлечений в глуши до обидного мало,
Вот и делают мыши немислимый шум.

От души веселятся, а может, от скуки.
Всё смешалось. И, хищника взявши за хвост,
Веселятся мышата во весь полный рост,
Постигая премудрость мышиною науки.

А коту невдомёк, что совсем обнаглели
Братья-мыши, катаясь на старой спине.
Он привык отвечать на атаки извне,
У себя же под носом не чувствует цели.

Старый кот склеротичный и вовсе не строгий,
Доживающий век среди серых мышей,
Рад тому, что ещё не прогнали взащей
И дают уголок под скрипучим порогом.

Вот и всё, что осталось: пустая дорога,
Старый дом, где хозяева – серые мыши,
Кот, живущий пока что под крышей.
Все там будем, «друзья», подождите немного.

УНЫЛЫЙ ДЕНЬ

Унылый день, опять суббота,
Метёт занудная метель,
Не манят пища и постель,
Гнетёт отсутствие заботы.

Не манят полки умных книг,
В углу пылится телевизор,
Опять суббота, краткий миг,
Не обещающий сюрприза.

И, как обычно, голосит
За стенкой злобная соседка,
На стенке зеркало висит
И металлическая клетка.

На подоконнике цветы –
Герань и престарелый фикус,
Они давно уж отцвели,
Но чуда ждут – какая дикость

Искать, чего в помине нет
И безнадёжно позабыто...
Цветы, свой ищущие цвет,
Свинья, взалкавшая корыто, –

Нет смысла всё перечислять,
Возврата нет, и это норма,
Хоть тянет белой назвать
Ту полосу, что стала чёрной.

Снежинки тают на окне,
Унылый день, опять суббота.
Не до снежинки нынче мне,
Мне даже думать неохота.

Лениво звякнет телефон,
И голоса из прошлой жизни
Начнут бессмысленный трезвон
С оттенком лёгкой укоризны.

Зеваю, слушаю, креплюсь,
А мне послать бы вас подале,
Но я молчу, тихонько злюсь,
И нет желания скандалить.

Уйдут и ваши голоса
В метель, что воет за окошком,
В снежинки, в книги, в небеса
И в фикус старенький немножко.

А мне останется покой,
И тишина, и созерцанье.
Я всё запомню, я такой
И с прошлым не хочу свиданья.

Меж тем сменяется дождём
Метель, кончается суббота.
Мы в этот день чудес не ждём,
Тем паче – в жизни поворота.

Фёдор ГРИГОРЬЕВ

Родился в 1962 году. Окончил Воронежский медицинский институт. Работает врачом. Член СП России, поэт, лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина в номинации «Поэзия» за сборник стихотворений «Все сто дорог» (2010). Председатель Оргкомитета Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Живёт в г. Борисоглебске Воронежской области.

ГЛАВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ БОРИСОГЛЕБСКА

Живёт в провинциальном Борисоглебске поэт. Главный писатель в городе. Потому что – один. Один и тащит на себе задуманный им и пять лет уже как воплощённый в жизнь фестиваль русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Всероссийский, кстати.

Посещали фестиваль и столичные гости, писатели известные, да как-то то ли забывали быстро, то ли вообще недосуг, но широкого освещения ни сам фестиваль, ни подвижнический труд Фёдора Григорьева – так зовут единственного борисоглебского писателя – до сих пор не получили. Воронеж, глубинка, самый дальний уголок... Только Александр Бобров, добрая душа, тепло отозвался о самом первом фестивале, побывав в Борисоглебске, да «Подъём» – родной, воронежский – ино-

гда публикует стихи самого Фёдора и местных авторов.

А Фёдор Николаевич не обижается, как-то даже скромничает, хотя за одну из своих книг и получил некогда премию «Имперская культура». Ну человек такой. По профессии – врач-нарколог, по рождению – поэт. Очень хороший, настоящий поэт. Да и не один он теперь – городская администрация и даже областная культура и епархия осознали значимость православного фестиваля, подключились, поддерживают.

А стихи Фёдора Григорьева судите сами.

Андрей ФРОЛОВ,
член Союза писателей России

ТАМБОВСКИЙ ВОЛК

В. Рыкунову

В голове моей сыр да бор,
Голова моя сыр да гарь.
Ей бы самой-то
Под топор,
Да бы на́кол, на́кол,
Как встарь.
Ты тамбовский волк,
Ты бедова сыть,
Тот, кто понял толк,
Станет точно выть.

Роду-племени сердце,
Помню ли?
Воды в родах пенились,
Плакал ли?
Бабки байкали-байкали:
– Ой люли...
Молочко-то мешали с маковым...
Ой, тамбовский волк,
Ой, бесова прыть,
Тот, кто знает толк,
Будет вечно выть.

Песня волчья моя не спорится,
Пальцы в струнах увязли, сволочи.
Кто послушает – весь загорится,
Запоёт-завоет до полночи.
Эх, тамбовский волк,
Вурдалачья мыть,
Кто вкусил разок –
Не водицу ж пить...

Серо мелено – худо крашено,
В голове моей
Сыр да бор.
Ох, головушка бесшабашная!
Под топор тебя,
Под топор...

В этой буче мой голос не лишней,
Мне крутить да вертеть не с руки:
Знаю точно, а не понаслышке –
Есть ещё на Руси мужики!

Бросит пить. По природе умелый –
Засучит на заре рукава.
Обмозгует серьёзное дело
Золотая его голова.

Сам не «ам», но детишки – по моде.
Чует правду, как звери тропу.
Верит свято, а в церковь не ходит
Оттого, что не верит попу.

Тяжела, необхватиста ноша.
Он у смерти одной не в долгу.
Помогай тебе Бог, мой хороший,
Ну а я чем смогу – помогу...

Гаснет кайма золотая
Запада... За ночь пурга
Снова следы залатает
Там, где ступала нога

Солнца. Припушит на диво
Яблони, крыши, скамью,
Тропку витую к обрыву
И на реке полынью...

Ах, если б давние чувства
С дырами в цельном сукне
Прочно, легко и искусно
Сердцем латались во сне!

Какими словами мне выразить то, что знакомо
Мальчишке, идущему в жизнь
по размытому следу:
Встречая рассвет на ступенях родимого дома,
Не чувствуя – зная, что завтра отсюда уеду.
Районный автобус, пыля, заскрипит тормозами,
И, с модной клеёнчатой сумкой и хрустким
пакетом,
Ещё раз украдкой встретившись с мамой
глазами,
Устроюсь в проходе, коль не было с местом
билета.
Сгоревшая церковь и клуб с провалившейся
кровлей,
Старушечьи руки и спящий, как ангел,
младенец
Останутся там, за рекой, и в пугающей нови
Желанье вернуться мелькнёт, но души
не заденет...

На заречных лугах
Распустились цветы,
Будто снова снега
Раскатали холсты.

Утром стадо коров,
Чуть поболее ста,
Привело оводов
В заливные места.

Протащилась орда
Под кнуты пастухов,
Чтоб в больших городах
Пил народ молоко.

Молодая листва
Превратилась в навоз,
Уронила трава
Слёзы зоревых рос...

Но душа не болит,
Заросла, зажила:
Вновь цветы опылит
Луговая пчела!

Лягу на лёд реки:
Словно в другой стране –
Вмёрзшие пузырьки,
Отсветы в глубине.

Кончиком языка
Трону кусочек льда.
Колет и жжёт слегка
Спёкшаяся вода.

Время ушло вперёд,
Верно, часы спешат:
Тихой речушки лёд
Чист, как её душа...

КАРАСЬ

Пятого сентября
Сыростью от реки
С неба на карася
Сыплются червяки.

Цапля, зрачком кося,
Циркулем щеря рот,
Целится в карася –
Аист наоборот.

Серых плащовок ряд
Берегом на постой:
Верное говорят,
Что карась золотой!

Пятого сентября
Я, наточив крючок,
С ними на карася
Выйду, смоля «бычок».

Выкурю пачку всю,
Но не прослаблю струн:
Близится карасю
Сковороды чугуны!

Кто я ему? Родня?
Враг? Почитатель? Власть?
Молится за меня
Мой золотой карась...

В ОКРУЖЕНИИ ИВ

Не всегда стоит ехать в далёкие страны или пускаться в путешествие, чтобы увидеть живописные уголки, приобщиться к прекрасному и повысить свою духовность. Православные святыни находятся в удивительно красивых местах, поражающих своей гармонией и духовной благодатью, и, что немаловажно, в шаговой доступности – в соседнем селе, а зачастую и вообще рядом.

Побывав в храме, около святого источника, человек становится чище, и чем чаще он там бывает, тем сильнее его тянет посетить святые места вновь.

При этом святыне источники объединяет одно – слава о таких родниках, наделённых особой Божьей благодатью, распространяется в народе. К ним начинается паломничество. Около них ищут прощения и отпущения грехов, освобождения от душевных и телесных болезней.

Вода из таких источников являет чудодейственную помощь святых угодников Божиих. Она почитается как милость Бога к нам, и сами эти источники считаются святыми.

Одним из таких благодатных мест на территории Токарёвского района является источник во имя Казанской иконы Божией Матери. Он расположен в живописном месте устья реки Малая Бурначка, что близ деревни Мамонтово Токарёвского района.

По существующему преданию, в старые времена живший в этом селе глухонемой

парень Мамонтов однажды жёсткими руками стал звать односельчан за собой куда-то в болото, и поражённые сельчане пошли за ним. Пройдя по тропинке, обнаружили ямку с водой, в которой был родничок. И произошло чудесное исцеление – выпив воды, глухонемой заговорил. Поняли тогда люди, что родник тот целебный и явлен, чтобы лечить их тела и души.

В селе не было водопровода, и для удобства пользования родником один неравнодушный местный житель вкопал на месте ключа стальную бочку, в которую собиралась родниковая вода, а затем по выведенной трубе вытекала наружу. К роднику стали приходить по великим праздникам, особенно на Крещение Господне.

Так источник долгие годы служил местным жителям, и слава о его чистой и вкусной воде распространялась по окрестностям. Затем деревня стала пустеть, родником пользовались мало, и, как всегда это бывает, он постепенно начал затягиваться. Старый деревянный сруб сгнил, фонтанчик родника еле пробивался через песок.

В конце 90-х годов жители очистили родник, смастерили мостки, уложили камни вокруг. И возникло красивое место отдыха среди плачущих ив.

А в 2009 году по инициативе жителей Токарёвского района источник было решено воз-

родить. Люди загорелись энтузиазмом, и в короткие сроки родник был расчищен.

В этом же году источник был освящён в честь Казанской иконы Божией Матери (по названию близлежащего храма в честь этой иконы). Освящение провёл настоятель Покровского храма села Ивано-Лебедянь о. Димитрий.

Инициативу токарёвцев поддержали местные власти – в 2010 году рядом со святым источником была сооружена закрытая купель, наполнявшаяся чистой родниковой водой, а для отдыха посетителей построена уютная беседка.

Сегодня это место известно и почитается жителями и гостями района. Приезжающие сюда люди могут помолиться перед иконами, совершить омовение в купели и набрать воды из источника. Особенно многолюдно здесь в праздник Богоявления Господня и в дни памяти Казанской иконы Божией Матери. Накануне здесь торжественно проходят молебны и освящается вода. Желающих окунуться в купель с каждым годом становится всё больше. Сегодня в тёплое время года по будням к роднику приходят около ста человек в день, в выходные число посетителей резко увеличивается.

Необходимо помнить, что святой источник принимает всех, кто приходит с открытым сердцем и вопрошением о помощи себе и своим близким. Главное – уважительное отношение к нему. На источнике необходимо вести себя как в храме, с почтением и благоговением. Здесь нет места шуму и суете.

Здесь не разрешается:

- распивать спиртные напитки и курить;
- разводить костры, приготавливать шашлык и др.;
- мусорить и загрязнять источник, кидать в него монеты;
- сквернословить и вести себя вызывающе;
- громко разговаривать, смеяться и петь, включать музыку;
- приводить животных;
- оставлять надписи, разрушать имущество.

Насколько уважительно вы отнесётесь к святому источнику и его посетителям, настолько и сможете надеяться на исполнение ваших просьб и молитв. Будет очень хорошо, если пе-

ред омовением вы посетите службу, исповедуетесь, причаститесь и попросите у священника благословения на омовение. Очень полезно по-
поститься с предыдущего дня.

Не следует совершать омовение ради развлечения, чтобы искупаться или помыться.

Прибыв на святой источник, постарайтесь не мешать тем, кто молится там, набирает воду или совершает омовение. Спокойно дождитесь своей очереди. Так же, как вы не мешаете людям, так и вам дадут спокойно совершить всё, что необходимо. Святой источник – не магазин, где отвешивают благодать. От того, что вы подойдёте к воде на 10–15 минут позже, ничего не изменится.

Не спеша помолитесь, совершите омовение лица и испейте святой воды.

Полное омовение с погружением с головой следует совершать, только если вы полностью уверены в силе своей молитвы и состоянии своего здоровья. Иначе можно лишь окунуться без погружения с головой в купель или окатить себя водой из купели.

Окунаться в святой источник следует с верою и благоговением, желательно трижды, и все три раза с головой (считается, что бесы сидят на макушке).

ПОРЯДОК ОКУНАНИЯ:

1-й раз: крестимся: «Во имя Отца» – и ныряем с головой;

2-й раз: крестимся: «Во имя Сына» – и ныряем с головой;

3-й раз: крестимся: «Во имя Святого Духа» – и ныряем с головой. «Аминь!»

Важно помнить, что чудесных действий святой воды удостоиваются лишь те, кто приемлет её с живой верой. Только веруя, можно надеяться на чудеса и помощь Божию. Ведь сам Господь сказал: «По вере вашей да будет вам» (Евангелие от Матфея 9:29).

Кроме этого, стоит сказать о том, что посещение любого святого источника не заменит богослужения. Грехи не могут быть смыты водой, для этого существует Таинство покаяния, поэтому нельзя заменять одно другим! **А**

Анатолий ТРУБА

АЛЕКСЕЙ ГОРДЕЕВИЧ СЕЛИВАНОВ – КАЗАЧЬЯ СЛАВА ИЗ ТАМБОВЩИНЫ

ТАМБОВСКАЯ ЗЕМЛЯ СЛАВИТСЯ СВОИМИ ВОИНАМИ, ВНЁСШИМИ СВОЙ ВКЛАД В ДЕЛО ПОБЕДЫ НАД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ОДНИМ ИЗ ТАКИХ ГЕРОЕВ ЯВЛЯЕТСЯ АЛЕКСЕЙ ГОРДЕЕВИЧ СЕЛИВАНОВ, УРОЖЕНЕЦ СТАРОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАНИЦЫ КУЗЬМИНО-ГАТЬ ТАМБОВСКОГО РАЙОНА ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ИЗВЕСТНОЙ ЕЩЁ СО ВРЕМЁН ОБОРОНЫ КАЗАКАМИ ТАТАРСКОГО ВАЛА (БЕЛГОРОДСКОЙ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ). В ЧЕСТЬ НЕГО НАЗВАНЫ УЛИЦЫ В РОДНОМ СЕЛЕ КУЗЬМИНО-ГАТЬ И В ГОРОДЕ РОСТОВЕ-НА-ДОНУ.

ПЕРВЫЙ КОМАНДИР КАЗАЧЬЕГО КОРПУСА

Первый командир 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса Алексей Гордеевич Селиванов родился 17 марта 1900 года. В рядах Красной армии – с 18 марта 1918 года. В Гражданскую войну принимал участие в боях на Южном и Восточных фронтах. Окончил полковую школу (1920), кавалерийские курсы (1921), специальные курсы при разведывательном управлении Штаба РККА (1930), один курс Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе. В 1920 году за боевые отличия был награждён

орденом Красного Знамени. Участник советско-финской войны.

Великую Отечественную войну А. Г. Селиванов встретил в должности начальника штаба 24-й кавалерийской дивизии Закавказского военного округа. С мая 1942 года – начальник оперативного отдела штаба Закавказского фронта, заместитель командующего 44-й, затем – 9-й армиями того же фронта.

20 ноября 1942 года был получен приказ Ставки Верховного Главнокомандования об образовании 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса. В состав корпуса вошли 11, 12 и 63-я кавалерийские дивизии и отдельные корпусные части.

Командиром корпуса назначен участник Гражданской войны, краснознамёнец генерал-майор А. Г. Селиванов. Со своим корпусом генерал Селиванов прошёл от Северного Кавказа до Румынии.

«...Довелось мне быть свидетелем того, как вражеские танки прорвались к командному пункту Селиванова, – вспоминал писатель Виталий Закруткин, бывший в те годы военным корреспондентом газеты "Красный кавалерист". – Ни на секунду не потеряв самообладания, генерал приказал эвакуироваться всем, кто был рядом, а сам, положив в автомобиль раненого казака, уехал последним, чтобы организовать контратаку. Меня поразили тогда хладнокровие, высокое душевное благородство и спокойная отвага этого замечательного человека...» Современники отмечают высокий моральный дух казаков. «Второй после Шолохова» донской писатель Виталий Закруткин в своей книге «Кавказские записки» писал, что в насчитывавшем десятки тысяч бойцов 5-м Донском казачьем кавалерийском корпусе генерала Селиванова за время боёв на Кавказе был только один случай дезертирства.

Однополчане Алексея Гордеевича сохранили для нас черты его облика и характера: «Небольшого роста, стройный, подтянутый, он показывал образец выдержки и хладнокровия в любой обстановке. Это был строгий военачальник, обаятельный человек, подкупавший своей естественной простотой и высокой культурой».

БОЕВОЙ ПУТЬ СЕЛИВАНОВСКОГО КАЗАЧЬЕГО КОРПУСА

5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус принимал участие в битве за Кавказ, за время которой прорвал укрепленную оборону на реке Кума. 28 января 1943 года за умелое управление корпусом в этих боях и проявленный героизм Селиванов был награждён орденом Кутузова 2-й степени. В сентябре 1943 года корпус принимал участие в Донбасской наступательной операции, в ходе которой прорвал укреплён-

ную оборону противника на реке Кальмиус и освободил города Волноваха, Гуляйполе и Орехов. В ходе дальнейшего наступления корпус освобождал сотни населённых пунктов.

Кавалерийский корпус генерала Селиванова особо отличился в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции, за что был награждён орденом Красного Знамени. *«Действия кавалерийского корпуса в Уманско-Ботошанской наступательной операции и при освобождении города Оргеев были особо энергичными, отважными и решительными, – отмечалось в наградном листе, – Селиванов показал себя в этих боях командиром-героем, успешно руководящим операцией и показывающим в решающие моменты подлинные образцы героизма».*

Маршал Советского Союза И. С. Конев впоследствии писал:

«29 января кавалерийский корпус вошёл в прорыв. В дальнейшем он сыграл свою положительную роль в окружении противника и в боевых действиях на внутреннем фронте кольца окружения. Тут, забегая вперёд, хотел бы сказать, что казаки отличились всю при попытке врага выйти из окружения. Пожалуй, что это был один из редких случаев за всю войну, когда конница действовала открыто в конном строю и смело рубила неприятеля. Донские казаки в этой сложной и трудной операции не посрамили свою былую славу донцов-молодцов и вписали в историю Великой Отечественной войны ещё одну яркую страницу. За это им большое-большое спасибо, а комкору генералу Селиванову вечная слава!»

Маршал Советского Союза С. М. Будённый в приветственном письме донцам-казакам, сержантам, офицерам и генералам писал: *«В тяжёлых боях с немецко-фашистскими захватчиками в Венгрии славные донцы-казаки одержали ряд побед над крупной группировкой танковых войск противника, пытавшихся прорваться в Будапешт на помощь окружённым. В этой битве храбрые донцы-гвардейцы вновь показали образцы героизма, отваги и мужества, отбив яростные танковые атаки врага, и нанесли ему тя-*

жёлые потери. Военный совет фронта даёт высокую оценку вашим боевым действиям. Товарищи донцы-краснознамёнцы, ваши боевые подвиги, ваша храбрость и стойкость в разгроме лучших отборных немецко-фашистских танковых дивизий СС "Мёртвая голова", "Викинг", первой танковой дивизии и 509-го дивизиона "пантер" войдут в историю советского донского казачества как одна из лучших страниц Великой Отечественной войны...

В декабре 1944 года донские казахи части форсировали реку Дунай и приняли участие в битве за Будапешт. Им пришлось отражать контратаки немецких войск, пытавшихся прорваться к окружённому Будапешту, выдержать натиск танков эсэсовских дивизий между озером Веленце и рекой Дунаем, ликвидировав угрозу прорыва к Будапешту с юга.

По поводу этой победы Военный совет 3-го Украинского фронта, обращаясь к личному составу 5-го Донского казачьего кавалерийского корпуса, писал: «В этой беспрецедентной битве вы, донские казахи, показали образцы стойкости и храбрости. Это вы в декабрьском наступлении, несмотря на сильные атаки врага, вышли на западную опушку лесов на рубеже Банхида и Мор. Это вы разгромили прорвавшуюся к Будапешту группу в районе Пилишсентлелек. Это вы сдержали своей грудью на рубеже между озером Веленце и Дунаем врага, рвущегося с юга к Будапешту.

Дорогие товарищи! Настал момент перейти в решительное наступление, уничтожить зарвавшегося врага, в пух и прах развеять его надежды на освобождение окружённой будапештской группировки.

Военный совет фронта уверен, что при выполнении и этой задачи вы останетесь верными своим боевым традициям – бы-

стрыми и решительными действиями не дадите врагу опомниться и разгромите его живую силу и технику.

Вперёд, бесстрашные воины, на врага!»

Приказом Верховного Главнокомандующего за мужество, проявленное под Будапештом, корпусу объявлена благодарность и присвоено почётное наименование «Будапештский».

В марте 1944 года части корпуса вступили на территорию Румынии, где и встретили конец войны.

За время боевых действий 5-й Донской гвардейский казачий кавалерийский корпус истребил 59045 вражеских солдат и офицеров, взял в плен 23852 человека, уничтожил 676 танков и САУ, 128 бронемашин, 947 орудий, 97 самолётов, 1362 пулемёта, 4572 автомашины, захватил 11 бронемашин, 311 орудий, 15 самолётов, 988 автомашин, 14 паровозов, 11248 лошадей. Части 5-го Донского гвардейского казачьего кавалерийского корпуса получили восемь благодарностей от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина и наименования «Волновахские», «Корсуньские», «Дебrecенские» и «Будапештские». Более 30 тысяч человек имеют правительственные награды – ордена и медали Союза ССР, 11 казакам присвоено звание Героя Советского Союза.

В апреле 1944 года А. Г. Селиванов тяжело заболел и отбыл на длительное лечение в туберкулёзный санаторий в Крыму. Генерал-лейтенант Алексей Гордеевич Селиванов умер 6 апреля 1949 года в Ялте, оставив после себя славу великого воина и полководца. **А**

Игорь МАРТЫНОВ,
казачий полковник, атаман Межрегиональной общественной организации

Илья Глазунов. «Вклад народов СССР в мировую культуру и цивилизацию», 1980 г.

Юрий ПОЛЯКОВ
СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Несколько лет назад в российском эфире зазвучали мантры о формировании новой общности «русский народ», и я, знаете ли, ощутил некое тревожное дежавю. Когда провозгласили торжество новой исторической общности «советский народ», я, как помнит читатель, служил в армии. В нашей 9-й батарее самоходных гаубиц 45-го гвардейского Померанского артполка было 70 бойцов 16 национальностей. «Советским народом» мы были только в строю или на занятиях в ленинской комнате. В остальное время каждый оставался сыном своего народа. Чеченец Муса Мазаев, к примеру, в военном билете носил портрет бородача в папахе.

– Кто это? – спросил во время досмотра личных вещей наш взводный лейтенант Мамай.

– Прадедушка... – свысока процедил Муса.

Прадедушка подозрительно смахивал на имама Шамиля, а при внимательном взгляде им и оказался.

В тени ветвистого советского пантеона тихо, но неискоренимо прозябали и казались тогда сорняками кумиры местной племенной

истории. В момент «Ч» они, словно политые чудесным суперфосфатом, очнулись, вымахали, раскинулись и заглушили то, чем нас учили в СССР гордиться. Но, заметьте, осмеянию и осуждению подверглись почему-то в основном русские герои, подвижники и страстотерпцы. Павлик Морозов гнусно сдал папу чекистам, Василий Чапаев дрался с Фурмановым из-за Анки, Зоя Космодемьянская сожгла, будучи пироманкой, под зиму избы колхозников, Александр Матросов спяну упал на амбразуру, маршал Жуков лил солдатскую кровь цистернами без всякой жалости, нарком Молотов был «железной задницей» и т. д...

А вот глумлений над «нацменскими» знаменитостями и героями я не припомню. Ругали за свирепость Емельку Пугачёва, но Салавата Юлаева – ни-ни. Не трогали Марата Казея, Автандила Кантарию, бакинских комиссаров, маршала Баграмяна, наркома Микояна, даже Лазаря Кагановича, который прямо-таки просился под розги мстительного сарказма, не задевали. Ну играет 90-летний дедок в домино возле своего дома на Фрунзенской набережной – и пусть себе играет.

В России подвиг 28 панфиловцев пытались и пытаются оспорить или перепроверить. А в Казахстане, где формировалась знаменитая дивизия, защитившая столицу, героизм бойцов, в значительной степени казахов, никогда не подвергался сомнению. Почему? Давайте разбираться.

В книге Султана Акимбекова «История степей. Феномен государства Чингисхана» (Алма-Ата, 2011) можно прочесть: «В образовавшихся на месте СССР новых независимых *(всё-таки самостоятельных)* – Ю. П.) государствах по-прежнему идут активные процессы государственного строительства, предъявляющие повышенный спрос на идеологию, составной частью которой является история. Соответственно формируется необходимость в историческом знании, которая связана не столько с получением какой-либо новой, ранее скрытой информации, сколько с интерпретацией истории в интересах национально-государственного строительства и самоидентификации общества... По большому счёту любые обычные для идеологии государства оценки современного состояния общества наряду с чётко очерченными планами на будущее должны опираться, как на базис, на приемлемую историческую версию происхождения государства и общества. Этот базис условно можно назвать исторической идеологией...»

Если этот наукообразный текст переложить на обычный язык, то у нас выйдет следующее: надо независимо от реальных фактов писать такую национальную историю, чтобы она будила у людей гордость за свой народ и желание идти вперёд. В самом деле, в Европе под дежурное кремлёвское «ай-ай-ай» рушат памятники советским воинам-освободителям, из топонимики, особенно в Прибалтике и Польше, изгоняют всё, связанное с Россией и нашей общей историей. В Риге, например, запретили вешать доску на доме, где жил Валентин Пикуль: оккупант, понимаешь ли! Про вековое немецкое присутствие там тоже стараются забыть. Между тем в бывших республиках СССР появляются монументы местночтимым героям, улицы и

проспекты, названные в их честь. Чингисхан стал грандиозным брендом сразу нескольких молодых государств. А у нас в столице до сих пор нет улицы Ивана Калиты, сделавшего Москву центром Руси. Да и вообще имена исторических деятелей Московского царства и императорской России представлены в топонимике крайне скупо. Где в Москве улица полководца Скопина-Шуйского, проспект Алексея Михайловича Тишайшего, переулок Дионисия? Нету...

Почему в «новой России» в 1990-е всё делалось не для того, чтобы укрепить дух народа, а совсем наоборот? Невский объявлялся ордынским прихвостнем, Грозный – садистом и психопатом, Кутузов – трусливым старым маразматиком, Александр Третий – антисемитом, Сталин – кровавым параноиком... Почему полки библиотек ломились от книг типа: «Кто победил на Прохоровском поле?», «Кто начал Вторую мировую?», «Было ли татарское иго?» Почему в книжных магазинах на самом видном месте теснились флотилии «ледоколов» перебежчика Резуна? Совсем не случайно, а, думаю, по совету кураторов и соавторов взявшего себе псевдоним «Суворов». Это как если бы человек с фамилией Христолюбов стал доказывать, будто Спаситель был внебрачным сыном римского legionera и фокусником.

В соросовских учебниках истории, словно написанных вставшим из гроба академиком Покровским, Сталинградская битва терялась где-то между восстанием в Варшавском гетто и операциями англичан в Африке против Роммеля, а количество жертв ГУЛАГа на круг превышало население СССР, включая абортированных младенцев. После «исторических хроник» какого-нибудь Николая Сванидзе хотелось выбежать на балкон и заорать: «Как радостно Отчизну ненавидеть и сладко ждать её уничтоженья!» Я хорошо помню тот антирусский пафос 1990-х, гнусно сочившийся из каждой информационной щели. Да, ему пытались, и не без успеха, противостоять патриоты и заботники России. Тут надо вспомнить добрым словом покойных Вадима Кожинова, Александра Панарина, Ростислава Шафаре-

вича, Дмитрия Жукова, Эдуарда Володина... Я тоже пытался бороться словом с этой напастью и отсылаю интересующихся к моей тогдашней публицистике, собранной в книгах «От империи лжи – к республике вранья», «Порнократия», «Россия в откате».

Но вернёмся к вопросу «почему?». Думаю, это связано прежде всего с тем, что развал СССР задумывался как начало далеко идущих геополитических пертурбаций, потом последовал «парад суверенитетов», и вёл он прямой дорогой к расчленению Российской Федерации на пару дюжин уютных самостоятельных государств, о которых так сладко грезил атомный подкаблучник академик Сахаров. Организаторы и вдохновители наших поражений прекрасно понимали: главным препятствием для проекта «Мир без России» являются не наши спецслужбы, прошляпившие беловежский сговор, не номенклатура, охотно променявшая общесоюзную власть на счета и собственность за рубежом. Не представляла опасности и компартия, слившая выборы 1996 года, а тем более новая либеральная элита, которая уже заговорила об уральской республике и отдалённой бессмысленности Курил. Нет, главная опасность заключалась в русском народе, в его имперском инстинкте, в том мистическом завете с государством, о чём мы уже не раз говорили в этих заметках.

Да, наш народ надорвался под тяжкой державной ношей (её я бы назвал, переименовав Киплинга, «бременем русских»), он обескровел от войн, репрессий, социальных и экономических экспериментов, донорства, ослабел духом от постоянного осаживания во имя единства и без того сникшей «гордости великороссов». Но его историческая энергия и вера в себя ещё не иссякли окончательно. Против этой остаточной пассионарности и был направлен главный удар. Тщательно и настырно в информационном пространстве выстраивался гнусный образ русского народа, исторические факты просеивались на решете ненависти, ТВ работало, как кривое зеркало, внушая автохтонному зрителю сомнения в себе и комплекс неполноценности. В сущно-

сти, это была та же «историческая идеология» Акимбекова, но с отрицательным знаком, ибо по отношению к России преследовались совсем иные цели – не помочь выстроить новую государственность, а, напротив, разрушить тысячелетнюю державу, не поспособствовать футурологическому прорыву, а, наоборот, лишить самый большой народ страны будущего.

Напомню, кстати, что иные из бывших советских республик упрочились и поднялись как самостоятельные государства на почти дармовом российском сырье, а также транзите. Прибалтийские лимитрофы стали крупными экспортёрами металлов, которые там никогда не добывались. Видимо, Запад пообещал, что независимость не отменит традиционной подмоги «старшего брата», а Ельцин это обещание старательно выполнял. Так было в течение десяти лет, но когда в начале нулевых экономические связи стали переводить на обычную взаимовыгодную основу, это вызвало сначала оторопь, а потом новый всплеск русофобии. Заметьте, украинский национализм из ритуально-бытового «антикацапства» стал превращаться в оголтелую политическую силу после того, как «москаля» перешли в расчётах с «ненькой» за нефть и газ на общемировые цены, пусть даже и с большой скидкой.

Тем, кто решил «перезагрузить», «перепрошить» и утилизировать российскую государственность, важно было представить упёртый русский народ «вечным рабом», «агрессором» и «должником», а лучше вообще историческим фантомом, чье родовое имя в приличном обществе и произносить-то неловко. Кто же станет считаться с мнением и интересами призрака? Я хорошо помню, с каким сладострастием эфирная тусовка повторяла сакраментальную фразу: «Поскреби русского – найдёшь татарина». А ведь генетика, наука, вроде бы возлюбленная либералами, уже обнародовала к тому времени результаты исследований, из которых явствовало: русские не этнический фантом, наоборот, это один из самых гомогенных народов Европы. Носители маркеров, характерных именно для русских (белорусов, украинцев), составляют

более 80 процентов. Для сравнения: у немцев, итальянцев, французов показатели гораздо ниже. Доля угро-финнов и тюрков в иноэтническом замесе русских составляет, по мнению учёных, не более 12–13 процентов. Я не поборник чистоты крови и с иронией отношусь к тем, кто повернут на поисках расовой девственности, но вынужден ссылаться на данные ДНК-анализа, чтобы поставить на место тех, кто упорно считает русский народ угро-татарской химерой.

Как-то в середине девяностых меня позвали на НТВ, и ведущий по фамилии Лобков аж передёрнулся, когда в разговоре под камеру я произнёс слово «русский». Оно в тогдашнем информационном пространстве воспринималось как антоним к понятию «интеллигентный». Слыть русским было неприлично. А ведь как раз со стеснения или боязни назвать своё племенное имя и начинается исчезновение народа. Многочисленные славяне в Греции, которой Россия помогла освободиться от османского ига, сгинули в течение двух поколений, так как с них взяли письменные обязательства: именоваться впредь «греками» и не говорить по-славянски даже в семье. Вам это не напоминает сегодняшнюю Украину? Если ты боишься или стесняешься вслух назвать себя русским, ты почти уже перестать быть им.

Я не случайно вспомнил Лобкова. Спустя лет десять, когда ДНК-анализ вошёл в моду и люди с помощью защёчного соскоба стали выяснять свою родословную чуть ли не от Ноева ковчега, на НТВ запустили интересную передачу. Известные персонажи, в том числе телеведущие, сдавали в лабораторию биоматериал, а потом, с трепетом вскрыв конверт, объявляли аудитории, так сказать, племенную формулу своей крови, ведь этническая, а тем более расовая принадлежность каждого нашего предка оставляет след в геноме в результате мутации. Многие участники эксперимента были позабавлены или ошарашены результатами, ибо, как я уже говорил: наше национальное самосознание и этнический «коктейль Молотова», текущий в венах, совсем не одно и то же. Но больше всех меня

удивил как раз Лобков, он вскрыл конверт, осунулся и мрачно сообщил, что его предки пришли в Россию из Венгрии. Что это значило и почему так расстроило ведущего, занимает меня до сих пор.

Тем временем в бывших республиках СССР шло спешное строительство национальных государств. Ударно формировалась новая элита, по преимуществу этнически однородная, в отличие от прежней, советской, состоявшейся, как правило, из местной интеллигенции, созданной в процессе «коренизации», а также из тех, кого в своё время прислали на подмогу «запоздавшим народам». О том, что стало с нетитульным населением на местах, говорить у нас не принято, об этом не рыдают по телевизору, как об отказниках, просидевших два года на чемоданах, прежде чем отлететь в Вену. Об исходе «оккупантов» из построенных ими городов не снимают кино. В литературе об этом тоже мало пишут, на памяти лишь горькая проза Андрея Волоса про Хурмабад. Зря! Судьба тех, кто в одночасье из сливок общества превратился в беженцев, принимаемых Россией без особого фанатизма, заставляет задуматься о цене навязанного бескорыстия. Но не будем о грустном: СНГ – территория политкорректности. И, наверное, так правильнее. Да и быстро построить национальное государство по-другому, видимо, невозможно, а благодарность в геополитике – это что-то вроде денежной компенсации за объятия былой любви.

О качестве имперской элиты, прежде всего столичной, у нас тоже говорить и писать не принято. А мы поговорим и начнём с того, что она оказалась чрезвычайно охоча «к перемене мест». Как-то я встретил на Сицилии бывшего секретаря горкома комсомола, в 1990-х занявшегося бизнесом.

– Ты чего здесь делаешь?

– Живу.

– А как ты сюда попал? – обалдел я.

– Стреляли... – усмехнулся он.

Подробнее об этом можно прочесть в моей статье «Перелётная элита».

Продолжение следует

Людмила ЛАНДЫШЕВА
(АМБАРЦУМЯН)

Родилась 20 октября 1943 года в селе Александровка Мордовского района Тамбовской области в семье учителей.

С 1966 по 2012 год преподавала в Троицкорославской школе немецкий язык.

Имеет государственные награды: звания «Ветеран труда» (1984), «Отличник народного просвещения» (1985), была награждена Почётной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации и денежной премией в сумме 100 000 рублей (Президентский грант), много наград регионального, муниципального значения.

Человек творческий, постоянно принимала участие в художественной самодеятельности, особенно любила и умело читала стихи, но не только читала...

Вот уже 23 года она продолжает писать стихи. Четыре года посещала литературное объединение «Радуга».

В 1997 году вышел её первый сборник стихов «Не будите меня...». За ним последовали другие. В настоящее время готова рукопись шестого сборника. В него вошли два новых рассказа, басни, более 70 процентов новых стихов и поэмы. Людмиле Мукучевне уже за 70 лет, но творческое вдохновение её не покидает. Она продолжает радовать читателей своим творчеством.

ТЫ РУСЬ МОЯ, САМАЯ ДРЕВНЯЯ...

Ты, Русь моя, самая древняя
И самая из всех сердечная.
Ты, Русь моя, самая смелая,
Сколько силы в тебе засекречено!
Ты, Русь моя, самая милая
И самая из всех надёжная,
Простая и терпеливая,
Ни на кого не похожая.
Столько ты, Русь, всего вынесла.
Всё теперь враг лютует от зависти.
Но сломить своей злобой неистовой
Пусть тебя он и не пытается!
За твою простоту и сердечность,
За надёжность и терпеливость
Тебе свыше дарована вечность,
И сила, и Божья милость.
Мне жить без тебя не сможет,
И любить я тебя не устану.
Мой стих без тебя не сложится,
Ты, Русь моя, самая-самая...

НЕТ ЖИЗНИ ВО ЗЛЕ...

Ощетинился волк,
Хвост сильнее поджал.
Даже лес приумолк,
Увидев волчий оскал.
И не жертва в кустах,
А пуль охотничьих шквал...
Стаи нет – в один взмах
Сам он жертвою стал!
И один, словно перст,
Он пошёл на прицел.
Осталась вздыбленной шерсть
Средь безжизненных тел!
Деревья крону свою
Приклонили к земле,
Когда же люди поймут,
Что нет жизни во зле?!

ЗАХОДИ КО МНЕ КАК-НИБУДЬ В ГОСТИ!

Заходи ко мне как-нибудь в гости!
Что же ты никогда не придёшь?
Уже в поле поспели колосья,
Или осень дождливую ждёшь?
Легче будет тебе оправдаться,
Непогоду в преграду вменить?
Стоит ниточке лишь оборваться,
Её бесследно не соединить.
Заходи ко мне как-нибудь в гости!
Что же ты никогда не придёшь?
Пролетели дождливая осень,
Зима с весною, чего же ты ждёшь?
Не спешите друг друга обидеть
Ни поступком, ни словом каким,
Как же тяжело быть врозь – Господь видит!
Не поспоришь ведь, главное, с Ним!

Александр БОЙКО

Проживал в р. п. Токарёвка, умер в 2017 году. Им было издано два сборника стихов: «Катюша и любви нива» и «Сердца пламень». Писал стихи разной тематики. Вот некоторые из них.

ОНА – РОССИЯ

Тамбовщина! Мне ты – край родной!
Твоим радуюсь я рощам и садам.
Тамбовщина – ты будто рай земной,
Ведь лик твой не подвластен и годам.

О, как здесь пахнет чернозёмом,
Когда поля начнут пахать
Весной иль осенью. Весомым
Тот труд вольётся в благодать.

Овраги, балки, речки, реки,
Пруды, леса, посадок строй –
Они краса твоя навеки,
Её я вижу пред собой.

Посёлки, сёла, города –
Какое множество их есть!
Зови, зови меня, труба,
На чьё-то там крыльцо присесть!

СЕРДЦА ПЛАМЕНЬ

Мой пламень ярок, неизбывен,
Покуда жив, я – Человек.
Горит давно он непрерывно,
Не погасить его вовек.

Я – в чьём сердце горит пламень
От избытка странных чувств.
О, как тяжёл на сердце камень,
Когда в другом есть угол пуст.

Расшевелить бы его надо,
Тот угол трепетного сердца,
Но, увы, там есть преграда –
В него закрыта крепко дверца.

Николай БУЛГАКОВ

Николай Александрович Булгаков родился 19 июня 1958 года в селе Гладышево Токаревского района Тамбовской области. Здесь окончил 10 классов Ястребовской средней школы. После окончания школы поступил в Тамбовский сельхозтехникум, после окончания которого в 1977 году начал работать бухгалтером в колхозе «Парижская коммуна».

Стихи начал пробовать писать ещё в техникуме. В основном о любви. Постоянно этим не занимался, но любовь к поэзии была всегда. Писал о природе, о жизни, о родном селе. Для сёл настали трудные времена, они потихоньку вымирают, и автору было очень больно на всё это смотреть, и поэтому в основном все стихи его были связаны с родным краем.

Первый том его стихов вышел в 2014 году и называется «Календарь счастья». В него вошли следующие стихи: «Битюг», «В церкви», «Берёзка», «Письмо другу» и др. Александр Николаевич имел 1-ю группу инвалидности, 5 лет передвигался на коляске. Умер в 2015 году.

КОГДА УСНЁТ В САДУ БРОДЯГА ВЕТЕР

Когда уснёт в саду бродяга ветер,
Погасит ночь вечернюю свечу.
И вот в ночи, забыв про всё на свете,
Твоё я имя тихо прошепчу...
И в корабле-мечте под шум прибой
Я уплыву к далёким берегам,
Где мы с тобой да небо голубое
И пенье птиц по бархатным лугам,
Где даже ночью сказочно красиво,
Где по утрам к себе зовёт прибой,
Где я судьбе могу сказать спасибо,
Что помогла мне встретиться с тобой.

ПОЗВОЛЬ ПРИСЕСТЬ НА КРАЕШЕК ДУШИ

Позволь присесть на краешек души...
Я тихо посижу, совсем недолго...
Ты прогонять не надо, не спеши,
Поверь, трудна была моя дорога.
Я не обижу и не нагрублю,
Лишь буду рядом, что бы ни случилось.
Я лишь хочу сказать, что я люблю.
Прости меня, но так вот получилось.

ЖИЗНЬ У МЕНЯ ОДНА

Как и у всех, жизнь у меня одна.
И кто я в ней? Подарок иль награда?
Она мне, видно, Господом дана,
И я прошу: не уходи, не надо.
Бывает так, что, не найдя покой,
Я устаю, что ясный взгляд темнеет,
Когда от зла, от подлости людской
На рану в сердце холодом повеет.
Когда наступят пасмурные дни,
Душа от одиночества устанет –
Ты тихим словом нежно обними...
Прижми покрепче, и теплее станет.

Александр БАБАЙЦЕВ

Родился в 1951 году в с. Горомушка Токарёвского района Тамбовской области. Окончил Саратовский политехнический институт. С 1976 года живёт в р.п. Токарёвка. Трудовую деятельность свою начал мастером в ПМК «Водстрой». Затем с 1983 по 2000 год служил в Токарёвском РОВД старшим оперуполномоченным, начальником уголовного розыска, начальником службы криминальной милиции. Имеет звание подполковника милиции. В настоящее время работает в администрации Токарёвского района.

Стихи начал писать после окончания школы, но нигде их не печатал. С 1999 года стал печататься в районной газете «Маяк». Его стихи разные по своей тематике: о родном крае, о природе, о любви. Значительное место в его творческой деятельности отведено военной теме.

КАК МОТЫЛЁК

Ведь каждый в жизни кредо ищет,
Порой не ведая о том.
Один смакует жизнь, как хищник,
Другой живёт в ней мотыльком.
Кто жизнь смакует безответно,
Удавом выглядя сполна,
Прожив, исчезнет незаметно,
Припомнят ли его едва.
Жизнь мотылька весьма иная.
Заметь, как суетлив полёт...
Он так спешит, как будто знает:
Два дня всего лишь проживёт.
И кто с ним долю разделяет,

Стремясь во многом преуспеть,
Невольно оставляет память –
Ту, что с годами не стереть.
Как жить – решает каждый, право,
Длинна ли жизнь иль коротка:
Судьбой ли жадного удава
Или судьбою мотылька?!
Что до меня – готов заметить
О жизни, пусть короткий срок,
Пусть лишь два дня живёт на свете,
Но мой попутчик мотылёк!
Пускай же мнение бытует:
«У жизни, мол, короткий срок», –
Душа ж пусть вечностью смакует,
Порхая, будто мотылёк!

Я В НЁМ ЖИВУ!

Найди в России край Тамбовский,
В нём, на истоке малых рек,
Стоит посёлок Токарёвский,
Служа Отчизне много лет.
Легли луга ковром в округе
Среди полей, и весь простор
Расшит как будто изумрудом,
Не оторвать пытливый взор.
В той изумрудной окантовке
И под лазоревым венцом
Живёт посёлок Токарёвка –
Достоин, со своим лицом!
Всё в нём мне дорого и мило:
Черёмух свадебный наряд
И кисти алые рябины,
Костром что осенью горят.
Кусты пахучие сирени,
Что в палисадниках цветут,
И соловьёв ночные трели
Бальзам на душу будто льют.
Чего лишь только не бывало
В его судьбе: омыт дождём,
Зимою снегом заметало...
И всё ж он краше с каждым днём!
В нём земляки живут достойно,
Цня терпенье, честь и труд.
Здесь помнят о своих героях
И подвиг предков свято чтут.
К Руси навечно приторочен,
Несёт он добрую молву,
Посёлок сей мне дорог очень,
И счастлив я, что в нём живу!

Владимир АБРОСИМОВ

Родился 13 октября 1954 года в с. Чернавка Токарёвского района Тамбовской области. Окончил Кирсановский совхоз-техникум по специальности «электрик». Работал инженером-электриком в колхозе «Россия» Токарёвского района.

В 1992 году образовал небольшое крестьянско-фермерское хозяйство «Чернавка», на площади 35 гектаров выращивал зерновые и технические культуры. С 2014 года – пенсионер.

Стихи пишет с 2001 года. Издано три сборника: «Я какой-то окаянный» (2002), «Своя колея» (2007) и «Дыхание земли» (2014). Подборки стихотворений печатались в журналах, в коллективных сборниках «Во славу Бориса и Глеба», «Пред памятью павших...», в альманахе «Радуга над Цной», в районной и областных газетах. Принимал участие во Всероссийском фестивале русской словесности и культуры во славу Бориса и Глеба, награждён дипломом «Приз зрительских симпатий» (2010), сертификатом, который даёт право лауреату фестиваля в номинации «Поэзия» на публикацию подборки стихотворений в литературно-художественном журнале «Подъём» (2013), благодарностью Департамента культуры Воронежской области и администрации Борисоглебского городского округа за деятельное участие в организации и проведении фестиваля (2017).

СОПЕРНИКИ

От других ничем не отличалось
Наше на Тамбовщине село,
Но была счастливая случайность –
Нам на гармонистов повезло.
Балалайка и гитара тоже
Не пришлись по сердцу мужикам.
Может, инструмент-то и хороший,
Только голосистость в нём не та.
Первый гармонист, конечно, Паша,
Белокурый рослый тракторист.
Под его игру хромой запляшет.
Федька-плотник тоже гармонист.
Были и другие, да куда там!
Им до Пашки с Федькой далеко.
Вроде подпевают им девчата,
Да не то, хоть складно, но не то.
Только Пашкина гармонь зальётся
Вечером, где вётлы у реки,
Куча ребятишек соберётся,
Парни, девки, бабы, мужики...
Но проходит времени немножко,
Там уж на другом конце села
Федькина певучая гармошка
Разговор душевный завела.
На какой же край придёт Наташа?
Голоса красивей нет окрест.
Для неё играют Федька с Пашкой,
Будто нет в селе других невест.
Так соперниками вот и жили,
Захлестнула ревности волна.
Но не задирались, не дружили,
А потом нагрянула война.
Получив повестки, Федька с Пашей
Подались в район, в военкомат.
На икону молится Наташа,
Только парням и сам чёрт не брат.
Уходили с шуткою весёлой:
«Ждите скоро, мы ж не навсегда...»
А война дотла сжигала сёла,
А война бомбила города.
Ох, нескоро было до Победы,
И хлебнули лиха мужики.
А в тылу переживали беды
Ребятишки, бабы, старики.
После Троицы, уж в сорок пятом,
Возвратился Фёдор в дом родной.

Три медали на груди солдата,
 Да виски подбиты сединой.
 Больше суток он не расставался
 Со своей двухрядкой ни на час.
 Кто-то плакал, ну а кто смеялся,
 Пели песни и пускались в пляс.
 Сыплет дробь, гармонь вздохлёт играет,
 То как ахнет, то начнёт вздыхать...
 И вдруг – стоп. Чего-то не хватает.
 Ну, да как же, Пашки не слышать.
 Невдомёк разведчику-солдату,
 Что молчит соперник-гармонист.
 А потом сказали уж ребята:
 «Без руки пришёл с войны танкист».
 Фёдор покуражился немножко.
 Позже, как постылая жена,
 Надоела вдруг ему гармошка,
 Будто в чём-то есть её вина.
 Долго на селе было не слышно
 Настоящей, для души игры.
 Собиралась молодёжь под вишней,
 Да что толку, только «ры» да «ры».
 Летом, уж вовсю цвела картошка,
 Вечером, где вётлы у реки,
 Заиграла Пашкина гармошка,
 Набежали девки, мужики.
 На скамейке, под ветлою – Паша.
 На колени у него присев,
 Слева у плеча жена, Наташа,
 На басах она ведёт напев.
 Правую рукой легко, красиво
 Пробегал по кнопкам виртуоз.
 А Феди на лице счастливом
 Две дорожки пролегли от слёз.

В ОКНА СМОТРЯТ СУМЕРКИ СИНИЕ

В окна смотрят сумерки синие.
 День растаял, ушёл в никуда.
 Над берёзкой, седой от инея,
 Одинокaя светит звезда.
 В сердце грусть навеваeт нездешнюю
 Та звезда за оконным стеклом.
 Моё счастье, святое и грешное,
 С талым снегом давно утекло.
 Сколько было судьбою отмерено,
 Что могло мою душу согреть,
 Порастрaчено и порастеряно –
 Всё прошло, как весенняя цветъ.
 Бестолково мотался по свету я,
 Грусть-тоску разогнать чтобы прочь.
 Жизнь моя, ты как песня неспетая,
 Как холодная долгая ночь.
 И когда-нибудь в сумерки синие
 Сгину я, пропаду навсегда...
 Над берёзой, седой от инея,
 Кроткой свечкой зажжётся звезда.

ПОЭЗИЯ

О, если б знать заранее, стихи я
 Писать не стал бы. Это – если знать,
 Что труднообъяснимая стихия
 Пленять умеет и очаровать.
 Поэзия. И радует, и мучит.
 То рассмешит, то жжёт слезой глаза.
 И не спросясь, бесцеремонно учит
 В художественных мыслить образах.
 Да я и так весь – из противоречий.
 Да я и так себя не берегу.
 Не надо бы мне жизнь свою калечить,
 Но выхолостить думы не могу.
 Я то взорвусь, то потихоньку ропщу,
 То в мир глазами детскими гляжу.
 Я, например, в берёзовую рощу,
 Как в храм, с благоговением вхожу.
 А то, как небо грозное, – в клочья,
 Так и моя страдальная душа.
 Но не могу ничем уж ей помочь я,
 И вновь пишу, мне это – как дышать.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ – РОДИНУ ПРОСЛАВЛЯТЬ

В СТОЛИЦЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ГОРОДЕ КАЗАНИ ЗАВЕРШИЛСЯ XVII ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС СМИ «ПАТРИОТ РОССИИ-2018»

Семнадцать лет подряд для журналистов печатных и электронных СМИ Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям РФ, Союз журналистов России и Международный пресс-клуб проводят Всероссийский конкурс «Патриот России». За эти годы конкурс стал поистине масштабным событием в жизни отечественной прессы, охватив практически всю страну от Камчатки до Калининграда. Вот и на этот раз в оргкомитет конкурса поступило около 1800 работ (из них 1025 газетных материалов) из 72 российских регионов. После серьезной работы жюри (в него вошли заместитель руководителя Роспечати Владимир Козлов, известный телеведущий Леонид Млечин, генеральный директор международного пресс-клуба Александр Чумиков и многие другие) в финал вышло 116

авторов из 100 разнообразных средств массовой информации.

Примечательно, что среди них достойное место заняли постоянные авторы, публикующие свои произведения в литературно-историческом журнале «Александрь», да и коллектив нашего издания уверенно занял третью строчку всероссийского пьедестала почёта. От всей души поздравляем коллектив реакции журнала «Александрь», а также авторов: Владимир Газетова, Дениса Пахомова, Михаила Белых и главного редактора Анатолия Трубу.

Стоит отметить, что по количеству призовых конкурсных работ Тамбовщину с небольшим перевесом обошли лишь коллеги из РИА «Воронеж», завоевав сразу пять призовых мест. **А**

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

ПО ПРИГЛАШЕНИЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» АНАТОЛИЯ ТРУБЫ МИЧУРИНСК С ТРЁХДНЕВНЫМ ВИЗИТОМ ПОСЕТИЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ, ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ «АЛЕКСАНДРА» НИКОЛАЙ ФЁДОРОВИЧ ИВАНОВ.

В этом году Союз писателей России отмечает 60-летний юбилей, и, чтобы встретить это событие неординарно, было решено посадить на родине писателя Михаила Шолохова яблоневоый сад из 60 яблонь.

– Надеюсь, что Мичуринск подарит яблоневые саженцы Союзу писателей, и, заручившись этим подтверждением, я поеду в Ростов-на-Дону, где буду встречаться с руководством региона для определения места закладки будущего сада, – подчеркнул Николай Фёдорович.

В ходе своего визита в Мичуринск Николай Иванов встретился с временно испол-

няющим полномочия главы города Ильёй Платицыным. В частности, Илья Аркадьевич рассказал столичному гостю о городе, его культурных традициях, современной жизни наукограда. В тот же день в читальном зале городской библиотеки председатель правления писательской организации провёл встречу с творческой интеллигенцией, а также ветеранами Афганистана. Дело в том, что Николай Иванов в прошлом боевой офицер, прошедший все горячие точки.

Не менее насыщенным оказался и второй день визита. Кроме обширной культурной программы, председатель правления Союза писателей России пообщался со своими тамбовскими коллегами. В литературно-музыкальном музее состоялся интересный разговор о профессии, буднях писательской организации, задачах, стоящих перед ней, а также проблемах. Сюда же были приглашены и представители творческой интеллигенции. А вечером субботнего дня Николай Фёдорович стал участником общегородского праздника, посвящённого Дню молодёжи.

Завершающий день визита был посвящён знакомству с областным центром. **А**

Михаил БЕЛЫХ

